

В БОЯХ ЗА МОЛДАВИЮ

Кишинев
«Картя Молдовеняскэ»
1982

Книгу отрецензировали и рекомендовали к печати А. А. Корнев, Ю. А. Марчук

Составители: генерал-майор в отставке П. И. Дьяков, подполковник в отставке А. М. Мисочник.

Вышедшие до сих пор четыре сборника под таким же названием ставили существенное дополнение к военной истории Молдавии, этой ее странице, которая повествует о защите молдавской земли от фашистского порабощения, о разгроме немцев в одной из самых значительных операций Великой Отечественной войны — Ясско-Кишиневской.

Предлагаемый читателю пятый сборник раскрывает новые эпизоды и события периода Великой Отечественной войны на территории края.

Авторы сборника не профессиональные публицисты, а непосредственные участники боев — от командиров до рядовых.

На предложение принять участие в подготовке сборника откликнулось свыше 300 ветеранов. Безусловно, опубликовать все полученные материалы не представилось возможным. В сборник вошли наиболее яркие, интересные.

В11 **В боях за Молдавию.**/Сост. П. Дьяков, А. Мисочник.
Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1982.— 240 с. фот.

Читатель уже знаком с предыдущими книгами «В боях за Молдавию». Новая книга продолжает рассказ о дорогах сражений, которыми прошли наши воины, освобождая от фашистской нечисти пядь за пядью молдавскую землю.

В 10604—131 55—82 • 0505030202
М751(12)—82

63.3(2М)

Война!!!

В. С. Мельников,

полковник-инженер в отставке

Утром 22 июня на попутной полковой машине я выехал из Кишинева в Оргеев, в штаб 266-го корпусного артиллерийского полка, в котором служил.

Я уже знал от дежурного помощника коменданта города, что Кишинев бомбили вражеские самолеты. Мои попутчики сообщили, что на полигоне, откуда они ехали, самолеты с чужими опознавательными знаками нападали на автомашины, обстреливали и бомбили их. Это означало одно: война!..

В штабе полка меня принял старший лейтенант И. А. Соколов и объявил, что с сего числа формируется 648-й корпусной артиллерийский полк; командир полка — майор В. М. Бачманов, начальник штаба — он, И. А. Соколов, помощник командира полка по хозяйственной части — майор М. С. Федоров, а я назначен начальником артиллерийского снабжения полка.

Из «старого» полка к нам переходит в полном составе 3-й дивизион, а также часть начальствующего состава управления полка и полковая школа. 266-й полк в составе трех огневых и разведывательного артиллерийского дивизионов уже выступил к Государственной границе, в бой. Нам предстоит сформировать новый артиллерийский полк.

Мне нужно было выехать в Одессу, в штаб округа, где решить вопросы обеспечения полка орудиями и другим вооружением. К такому повороту событий я не был готов: видел свое место с 266-м полком, в бою...

Много раз помянули мы добрым словом в те первые военные дни работники партийных и советских органов Оргеева за их всестороннюю помощь новому формированию. Четко и организованно действовали работники военкомата, поэтому вскоре стало поступать пополнение. Первыми прибыли мобилизованные из Оргеевского уезда. Для службы в артиллерии большинство из них мало подходило: виной тому были неграмотность, незнание русского языка, неподготовленность — в артиллерии не служили, и наши орудия пугали их своей мощью. Обрадовало пополнение из Оргеевской автоколонны и МТС: техники, механики, трактористы, шоферы. Добровольцем вступила в полк В. С. Лыса — одна из первых трактористок Молдавии, депутат Верховного Совета Молдавской ССР первого созыва.

По приказу В. М. Бачманова из 3-го дивизиона, имевшего хорошо обученный в мирное время рядовой, младший и средний начсостав кадровой службы, по одной батарее, а также войны всех специальностей из взвода управления были переданы во вновь формируемые дивизионы, где составили костяк для их комплектования и сколачивания.

К исходу 26 июня подразделения были укомплектованы, личный состав, расставленный по боевому расписанию, приступил к боевой подготовке. Учеба шла напряженно, целеустремленно, по узкой специальности: учили только тому, что через считанные дни потребуются в бою.

Потом прибыло пополнение из Донбасса, из Николаевской и Кировоградской областей. И знакомством с техникой, и грамотностью, и деловой хваткой, и желанием идти в бой они выгодно отличались от крестьян-бессарабцев. Не было и «языкового барьера». В подразделениях провели перестановку личного состава — и вновь пошла учеба, тренировки.

Обучали своих бойцов, младших командиров и младшие лейтенанты И. Д. Шараев, Н. Ф. Маленко, Б. И. Волошиновский, Л. А. Погорелецкий и другие посланцы Молдавии, прибывшие в полк.

Получили тракторы и автомобили. Большинство тракторов — прямо с полей, в плохом техническом состоянии. А в новом полку нет ремонтных средств, мало специалистов. Техники Б. М. Буяльский, И. Е. Савостин, механики, водители и трактористы из Оргеева, в том числе К. Н. Соболев, М. В. Дончук, Ф. С. Поворознюк, А. А. Вдовин, под руководством помощника командира полка по технической части лейтенанта Н. Д. Телегина взялись за решение неимоверно трудной задачи — привести технику в готовность к боевым маршам.

24 июня получили двенадцать 152 мм гаубиц — пушек образца 1937 года, через два дня — еще двадцать. До штатной численности недоставало четырех. Эти гаубицы — превосходные орудия с наибольшей дальностью стрельбы 17,2 км, способные быстро маневрировать огнем на фронте, равном дальности стрельбы. Они имели в боевом комплекте мощный осколочно-фугасный снаряд весом 43,5 кг, предназначенный для поражения живой силы и техники врага и разрушения дерево-земляных сооружений, а также бетонобойный снаряд. Трудности были в том, что все мобилизованные совсем не знали новейшие гаубицы-пушки. Вся тяжесть ремонта орудий, их подготовки к бою, а также обучения арттехников и артмастеров легла на плечи красноармейцев Г. Ю. Мазинга, А. М. Садовникова и Ю. В. Синельникова, прошедших обучение при артмастерской в предвоенные месяцы, начальника артснабжения полка — единственного кадрового артиллерийского техника. В каждом орудийном расчете был хотя бы один кадровый, хорошо обученный до войны красноармеец или младший командир.

29 июня командиры 1-й и 4-й батарей лейтенанты Т. А. Ка-

паев и Н. Т. Зекунов доложили, что их батареи готовы к ведению огня. И это было так, хотя еще не все прибывшее пополнение сменило штатскую одежду на форменную военную, еще не все машины с оружием и приборами прибыли со складов.

Создание партийной и комсомольской организаций в полку, мобилизация всех и каждого на преодоление трудностей — такими были первоочередные задачи, вставшие перед командирами и их заместителями по политчасти (с 16 июля — комиссарами). Благодаря большой энергии, умению быть с массами и вести их за собой нашим политрукам И. П. Малинину, П. С. Ремень, Г. И. Соловьеву, К. А. Смирнову, А. Н. Шишкину, И. К. Ткаченко и другим удалось добиться немалых успехов в решении этих задач. Большие организаторские способности проявил комиссар полка А. С. Фридман. Вскоре поступило распоряжение готовить к выходу на фронт один дивизион, а через некоторое время — приказ на перемещение всего полка в Кишинев и далее эшелонами — за Днестр, на ст. Раздельная.

Между тем сводки Совинформбюро становились все тревожнее. Вслед за Литвой противник захватил значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии и Украины. Все мы ждали выступления И. В. Сталина.

3 июля. Радио донесло знакомый, но очень изменившийся голос Сталина. Чем больше он говорил, тем яснее становилось: борьба будет тяжелой, кровавой и долгой... Очень тяжелой. Но никто из нас, слушавших Сталина в тот день, и представить не мог, что она будет настолько долгой и тяжелой. (А ведь совсем недавно — 22 июня — один из наших командиров на вопрос жены: «Теплую одежду положить в чемодан?» — ответил: «Зачем? Не до зимы же будем воевать!»)

«Все силы народа на разгром врага. Вперед за нашу победу!» — говорил Сталин. Это был призыв партии. Да, нужно было отдать все силы и каждому из нас. Боевая учеба и вся работа по подготовке подразделений и техники к боям были продолжены с еще большим напряжением. Сначала отделения и взводы, потом батареи и дивизионы принимали вид слаженных единиц. Ждали команды идти в бой.

...В ночь на 13 июля полк выступил маршем из Раздельной в северо-западном направлении. Спустя несколько дней в штаб полка поступила информация, что с 11 июля противник крупными силами ведет наступление на фронте 9-й армии и что 16 июля после упорных боев наши войска оставили Кишинев.

18 июля полк занял боевой порядок между Рыбницей и Дубоссарами: на огневых позициях по западному берегу речки Тростянец от Федосеевки до Новых Дойбан были размещены 32 орудия девяти батарей (четыре орудия нам так и не дали); на высотах у реки Днестр разместились наблюдательные пункты. Впервые на фронте, а не в тылу отдавали начальники штабов дивизионов лейтенанты А. П. Морозов, И. В. Шахов и их помо-

щники Д. В. Дубовик, И. Ф. Халин, С. М. Новиков распоряжения по организации разведки и связи, подвоза боеприпасов и горючего... Впервые выбирали боевые наблюдательные пункты начальники разведки дивизионов младшие лейтенанты Б. А. Лившиц, Т. П. Далиев, О. Д. Казачковский, впервые вели наблюдение за настоящим противником, выходявшим к Днестру, командиры взводов управления младшие лейтенанты Г. Н. Дацько, С. А. Воробьев, Н. А. Доморацкий, В. М. Новиков, старшие сержанты З. Акижанов, Е. И. Спиваковский, А. Д. Спиридонов, О. В. Соколов, П. А. Филимонов, И. И. Шаховский. Первые линии связи прокладывали в бою лейтенанты Н. В. Иванов, А. Д. Гацкан, старшие сержанты А. П. Шишкан, П. Т. Монаенко, А. С. Прилуцкий, А. С. Вербовский.

Боевые действия полк начинал в составе 48-го стрелкового корпуса генерала Р. Я. Малиновского. Вместе с 58-м отдельным пулеметным батальоном 80-го укрепленного района полк взял под защиту участок фронта длиной 22 километра.

Сначала в штаб полка поступали сведения от разведчиков о выходе противника к реке Днестр. Потом появились и цели, достойные нашего удара: утром 23 июля в роще, что западнее Стодолны, было замечено оживленное перемещение солдат и автомашин; потом было обнаружено место скопления автотранспорта и переправочных средств. Проведя анализ разведданных, старший лейтенант И. А. Соколов доложил свои предложения командиру полка. Майор В. М. Бачманов приказал капитану И. А. Пирогу, командиру 3-го дивизиона, открыть огонь.

Быстро и точно подготовлены исходные данные, проведена пристрелка, потом грянули залпы батарей. Сначала боязливо, из ровика, зажимая ладонями уши, дергали за шнур замковые — вчерашние пахари, рабочие МТС и заводов. Но с каждым выстрелом все спокойнее и увереннее становились их действия...

Весть о первых 129 снарядах, умело и с большим эффектом выпущенных по врагу, быстро облетела весь полк. Заметно поднялось настроение бойцов. Политработники провели беседы.

То было начало наших боев, которые с каждым днем становились все более напряженными. Вот боевая хроника тех дней.

24 июля противник обстрелял наблюдательный пункт 3-го дивизиона. Были обнаружены и подавлены стрелявшая батарея врага, наблюдательный пункт, а также уничтожено скопление его переправочных средств у Ципово.

В ночь на 25 июля, левее полосы действий полка, противник переправился через Днестр и занял села Кучиеры, Роги (северо-западнее Дубоссар) и Дороцкое с прилегающей петлей реки (к югу от Дубоссар). Довернув батареи влево и ведя огонь на предельную дальность, 1-й дивизион (командир дивизиона капитан И. А. Пальчиков, командиры батарей: 1-й — лейтенант Т. А. Ка-

паев, 3-й — А. А. Перфильев) в течение 25, 26 и 27 июля не раз рассеивал скопления противника, разбивал его переправочные средства, отражал атаки на плацдарме. При поддержке дивизиона подразделениям 30-й стрелковой дивизии удалось выбить противника из сел Кучиеры и Роги; однако в районе южнее Дубоссар противник удерживал плацдарм, 27 июля навел мосты и начал усиленно переправлять войска...

В эти же дни 3-й дивизион, действовавший на правом фланге нашей полосы, обнаружил и подавил минометную батарею противника у Стодолны; точным ударом 8-й батареи лейтенанта Н. Б. Холодкова был разрушен штаб противника в Лалово.

28 июля по штабу немецкой пехотной дивизии в Сусленах успешно выпущено 34 снаряда, здание штаба серьезно разрушено. В районе Вышкауц разведана и подавлена минометная батарея. 1-м дивизионом подавлена артбатарея, а также рассеяно до батальона пехоты, пытавшейся переправиться в районе Голерканы — Маловата.

29 июля вечером из Булаешт (Мырзача) открыла огонь 4-орудийная 105 мм батарея противника. Она была обнаружена разведкой батареи лейтенанта Н. Т. Зекунова, а затем подавлена.

В ночь на 30 июля из 58-го отдельного пулеметного батальона и с наших передовых наблюдательных пунктов стали поступать сообщения о подозрительном шуме за Днестром. Затем разведчики обнаружили подготовку противника к переправе — сосредоточение живой силы с переправочными средствами. Усилив освещение района с помощью ракет, наблюдатели обеспечили точную и быструю пристрелку целей. Грянули залпы нескольких наших батарей, и переправа была сорвана.

Днем 2-й дивизион (командир — капитан П. И. Пустовой, командиры батарей лейтенанты Н. Т. Зекунов и П. И. Шаронов) подавили одну 105 мм батарею врага. 1-й дивизион произвел огневой налет на колонну танков и машин в районе Маркауц, в результате чего в колонне возникли три больших пожара.

...Тревожной была сводка Совинформбюро 30 июля: вместо Невельского появилось Новоржевское направление; сообщалось об особо упорных боях на Смоленском и Житомирском направлениях. О боях на Южном фронте не упоминалось. А бои шли, не затихая.

За 31 июля нашим огнем сожжены три танка и до 10 машин с пехотой на дороге к Голерканам; подавлена минометная батарея у Мырзача; рассеяно до батальона пехоты и сорвана его попытка переправиться в районе Ципово...

В ночь на 1 августа, после артиллерийской подготовки, противник вновь пытался переправиться у Ципово и в направлении Лопатны. Четко взаимодействуя с 58-м отдельным пулеметным батальоном, 3-й и 2-й дивизионы быстро пристреляли районы переправ, а затем мощными огневыми налетами разбили пе-

реправочные средства, рассеяли до полка пехоты противника, неся ему большие потери. Очень губительным для врага был подвижной заградительный огонь: стена разрывов вставала в тылу вражеских подразделений; затем этот огневой вал постепенно смещался все ближе и ближе к берегу, сметая все на своем пути; не было спасения ни на берегу, ни в воде... В самом начале боя небольшой группе пехоты противника удалось на нескольких лодках переправиться через Днестр, но все они были уничтожены огнем стрелков и пулеметчиков. ...Дважды за ночь пытался противник осуществить здесь переправы. И дважды отступал, понеся большие потери. Ночь не помогла ему.

3 августа вечером противник открыл огонь по нашему доту. Артиллерийская разведка полка обнаружила хорошо замаскированную стрелявшую батарею врага. Старший лейтенант Е. Е. Беззуб, ставший к этому времени признанным мастером точных огневых ударов, уничтожил эту вражескую батарею. За отличную стрельбу была объявлена благодарность особо отличившимся при выполнении боевой задачи: старшему на батарее лейтенанту Н. Г. Докудовскому, командиру огневого взвода старшему сержанту Н. Ф. Маликову, командиру орудия сержанту М. С. Фалю, красноармейцам — орудийным номерам Н. И. Зайченко, А. Комову, К. И. Харькову и другим.

В тот же вечер 2-й дивизион произвел огневой налет по большому скоплению пехоты и автомашин противника у с. Лопатна, после чего более двух часов в расположении врага бушевал пожар.

За первые десять дней боя на рубеже реки Днестр полк вместе с 58-м отдельным пулеметным батальоном сорвал все попытки врага переправиться на фронте протяжением 22 километра. Кроме этого, огнем полка подавлены или уничтожены три артиллерийских и две минометных батареи, подавлены и разрушены наблюдательный пункт и два штаба, сожжено 8 танков и 10 автомашин, рассеяно и частично уничтожено свыше полка пехоты противника.

Полк был готов и дальше бить врага на рубеже Днестра. Но обстановка круто менялась.

На плацдарм южнее Дубоссар противник переправил большую часть 72-й пехотной дивизии (немецкой), а также румынскую дивизию, которые продолжали наступательные действия; еще южнее, у Тирасполя, противник сосредоточил до десяти румынских дивизий, находящихся в готовности форсировать Днестр. Через несколько дней они совместно с немецкими дивизиями протаранили оборону армии в направлении на Жовтень, Березовку...

Правее 9-й армии еще в середине июля противник (11-я немецкая армия) прорвался в стыке Юго-Западного и Южного фронтов, а также глубоко вклинился в нашу оборону на стыке с 18-й ар-

мией Южного фронта, рвался к Южному Бугу. Ныне известно также, что в конце июля немецко-фашистское командование решило двинуть подвижные соединения 1-й танковой группы Клейста через Шполу на юг, во фланг и тыл войск Южного фронта... Ко 2 августа моторизованный корпус из состава этой группы прорвался с севера и северо-востока к г. Первомайску, а затем устремился через Вознесенск на г. Николаев. Теперь все это широко известно. А тогда полк просто выполнял очередные боевые приказы и распоряжения...

Утром 4 августа в штабе 80-го укрепрайона командир полка получил приказ о переподчинении 51-й Перекопской стрелковой дивизии, которая имела задачу перейти в наступление и овладеть Дубоссарами. Для выполнения этой задачи 3-й и 2-й дивизионы сменили боевой порядок в районе Дубово, а 1-й развернулся фронтом на юг в занимаемом районе.

5 августа дивизия перешла в наступление. Поддерживая ее, полк нанес мощные огневые удары по скоплениям противника у сел Н. Гояны, Н. Розовка, Федоровка и в роще, что в 7 километрах юго-западнее Дубово, а также по боевым порядкам немецких войск, по их контратакующим частям... Противник, имея превосходящие силы, остановил продвижение 51-й стрелковой дивизии, а затем, контратакуя, продвинулся вперед. Так, немецкие войска вошли в колонию Трехграды, а вечером прямо на улице устроили «победный пир». Полк превратил этот пир в большие похороны, когда обрушил на скопление пехоты около трех сотен снарядов!..

В ночь на 6 августа стрелковые части получили приказ на отход; роты 80-го укрепрайона, с которыми мы так успешно действовали, еще с вечера накануне начали снимать вооружение и взрывать укрепленные точки: командование армии принимало меры к тому, чтобы вывести войска из западни, которую готовили немцы — их «клещи» готовы были сомкнуться в нашем тылу.

Приказ на отход поступил в полк с задержкой. Мимо батарей уже прошли основные силы стрелковых частей, когда была дана команда «отбой». Чтобы подготовить к маршу такую крупную часть, как наш полк, требовалось порядочно времени... Но вот сборы закончены. Взорваны неисправные тракторы; на их ремонт нужны дни, а вражеская разведка совсем близко. Пошли на восток и мы. Пошли, надеясь: «Все-таки мы победим. И вернем тебе свободу, Молдавия».

Заставы сражались стойко

В. И. МАТИЕЦ,

бывший начальник санчасти 24-го погранполка,
полковник в отставке

В ночь на 22 июня 1941 года в 4 часа утра меня разбудил посыльный штаба 24-го пограничного отряда, который тогда дислоцировался в Бельцах.

— Срочно в штаб, боевая тревога! — сказал он.

По прибытии в штаб я сразу почувствовал, что тревога действительно боевая. Собрались все офицеры штаба. Начальник отряда майор Соловьев Иван Владимирович изложил оперативную обстановку. Закончил ее словами:

— По всей границе от Болотино и до Скулян идет бой. Румынские и немецкие войска атакуют наши заставы, стремятся форсировать Прут. Пограничники еще держатся. Это не провокация, это война! Всем быть на местах. Сообщить семьям и готовить их к эвакуации. Эшелон уже заказан.

Его слова заглушили взрывы бомб: началась бомбардировка города.

Я сразу же стал заниматься тем, что предписывалось нашей санчасти мобилизационным планом: развернул дополнительный лазарет на 20 коек. Обстановка была напряженная, но все работало четко, оперативно, без паники, организуя помощь заставам. Еще до начала войны мы не могли не заметить приготовлений фашистов на границе. Факты говорили сами за себя. По ту сторону Прута — скопления немецко-румынских войск, артиллерии, танков, понтонов. Заметно проводилось и отселение гражданского населения в тыл, усилилась авиаразведка противника. Фашисты нагло летали днем над нашей границей, но нам был дан приказ: самолеты не обстреливать. Граница, конечно же, была подготовлена к отпору, но даты начала войны никто не знал.

Командование отряда приняло безотлагательные меры: на заставах были оборудованы дзоты, окопы, созданы запасы боеприпасов и продовольствия. В мае была усилена охрана границы. Три четверти офицеров штаба находились непосредственно на заставах.

Но перед самым началом войны войсковые части Одесского военного округа ушли на маневры за 200 километров, под Одессу, и в первый день войны вместо двух дивизий, которые были расположены в районе Бельц, мы располагали между Болотино и Скулянами всего двумя стрелковыми полками без танков. Войну встретили пограничники без мощной поддержки войск. Держались, отбивая врага штыками, гранатами, пулеметным и винтовочным огнем.

Особенно тяжелые бои развернулись в Скулянах — на главном направлении наступления одной из дивизий противника, против которой стояли одна комендатура и полк нашей пехоты, подошедший на помощь пограничникам.

Граница была в огне. Ни один боец не отходил без приказа. Наши бойцы в ряде мест, воодушевленные командирами, переходили в контратаки, достигали правого берега Прута. Раненые после оказания медицинской помощи отказывались от эвакуации и оставались на заставах, продолжая сражаться.

Бельцы подверглись ожесточенной бомбардировке. Завязались воздушные бои. Наши летчики сражались в неравных боях с вражеской авиацией. В первый же день войны произошел случай, который я запомнил на всю жизнь.

С подбитого фашистского самолета выбросился на парашюте летчик. При падении он повредил бедро. Его захватили в плен наши пограничники за городом и доставили в штаб отряда. Мне пришлось оказать ему медицинскую помощь.

Впервые я увидел фашиста. Здоровенный, в кожаных шортах, с финкой на поясе, в спортивной рубашке, с железным крестом на груди, он, даже будучи ранен, вел себя вызывающе и нагло.

На допросе он показал, что его авиачасть ранее располагалась в Средиземном море — на острове Крит. Несколько дней назад ночью им был зачитан приказ Гитлера: СССР напал на Германию, и им предстоит ее защищать.

Зная немецкий язык, я спросил его, почему же они бомбят гражданское население, а не только военные объекты? Он ответил: «Вы все равно будете все уничтожены. А вас, доктор, прошу передать в Международный Красный Крест мой жетон, чтобы в случае моей смерти об этом известили моего отца в Берлине, полковника в отставке».

Расстреливая женщин и детей, разрушая город, матерый фашист даже в плену не забыл, однако, о своей шкуре. Он настоятельно стал просить меня сделать ему переливание крови. Судьба зло посмеялась над ним. После оказания ему медицинской помощи он был отправлен в Кишинев в госпиталь на санмашине. По дороге машину разбомбил немецкий же самолет...

Мне как начальнику санитарной службы отряда с первых часов войны пришлось организовывать медицинскую помощь на границе. Летучие санитарные отряды на обычных и санитарных автомашинах проводили эвакуацию раненых с застав и полей сражений. В первые же дни стали поступать десятки раненых пограничников, а медработников не хватало. На помощь пришли жены офицеров, отказавшиеся выезжать в тыл.

Так, жены капитана К. И. Афанасьева, старшего лейтенанта Н. И. Михайлова остались на заставах и до приказа об отступлении под огнем противника перевязывали раненых. Впоследствии они медсестрами прошли весь боевой путь полка, воюя вместе со своими мужьями-офицерами. Большую помощь заставам ока-

зывало и местное население. Оно выделяло им транспорт, молоко раненым, укрывало их у себя.

Из-за непрерывной бомбежки Бельц штаб отряда был перемещен на окраину города в Поминтены — в сад бывшего епископского дворца и церкви, которые противник не бомбил. Так как здание санитарной части было разрушено бомбами, то и санчасть тоже была переведена в Поминтены.

Вспоминаю, как бойцы, которых доставляли в санчасть, требовали, чтобы им быстрее оказали помощь и отправили обратно на передовую. А на передовой тогда совершались поистине героические поступки.

Бессмертный подвиг совершил, например, старшина заставы И. Г. Стеблецов, погибший смертью храбрых. Сейчас эта пограничная застава носит имя Ивана Григорьевича Стеблецова, его именем названа также улица в Кишиневе.

Мне рассказывали, как под ураганным огнем противника два офицера одной из застав взорвали мост через Прут и противник долго не мог его форсировать.

К одной из застав в первый же час войны фашистам удалось подойти скрытно, но бдительный часовой выстрелом предупредил внезапное нападение. Личный состав заставы контратаковал разведку противника и полностью ее уничтожил.

В то время некому было записывать, а зачастую даже просто фиксировать многочисленные подвиги пограничников. Бои были упорные. Особенно трудно пришлось в районе Фалешт, куда провралась рота мотоциклистов. Но она была полностью уничтожена — уже в районе Скулян.

Тысячи трупов фашистских захватчиков остались на границе. Десять дней держали герои-пограничники свои рубежи до подхода частей Красной Армии. К 1 июля отошли к Днестру, в район Сорок. О наших боях упоминалось тогда в сводках Совинформбюро.

2 июля мы оставили Сороки, но бои в пограничных районах продолжались, и только 6 июля немцы захватили Бельцы. Оставляя границу, мы твердо верили, что еще вернемся сюда, вернемся победителями. Так оно и случилось. Примечателен в связи с этим такой факт. Когда уходили из села Чечуля Фалештского района, капитан И. Н. Пестерев попросил одного крестьянина закопать сундук, в котором были некоторые вещи капитана, фотографии. В 1944 году, через три дня после освобождения села, И. Н. Пестерев вернулся на этот участок бывшей границы и патриот-молдавин вернул ему припрятанное, сказав при этом: «Я знал, что вы вернетесь — победить Советскую власть нельзя».

Мы никогда не забудем своих боевых товарищей, павших на берегу Прута, в полях Украины, в Донбассе и на Северном Кавказе. В трехдневном бою в Сальских степях полк, в котором я воевал, потерял до трехсот бойцов и офицеров. Среди них — комбат А. И. Матицын, И. М. Ладушкин, политрук С. Е. Сечкарев, сер-

жант С. Ф. Шпринкин, капитан И. И. Кручин, пулеметчик А. В. Воробьев, санинструктор, двадцатилетняя комсомолка О. К. Линдрик, комсомольцы лейтенанты Н. Г. Тихомиров, Н. А. Чумаков, старшина Я. И. Калитов, рядовые Н. А. Денисов, М. В. Немовец, Б. Е. Кочмала и многие другие. Фашисты ненавидели нас, пограничников в зеленых фуражках, и боялись нас, ибо знали, что пограничники всегда стоят насмерть.

24-й погранполк вошел в состав действующей армии и воевал на Украине, Северном Кавказе, на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Потом первым вступил в апреле 1944 года на Государственную границу по реке Прут, установив на ней пограничный столб. За это он получил звание Прутского.

В период Великой Отечественной войны в полку выросло много славных командиров. Среди них полковник Степан Елисеевич Капустин, Герой Советского Союза генерал-майор Иван Владимирович Соловьев, капитаны комбаты Ф. Я. Шумкин, С. Г. Самошкин, А. И. Акимов впоследствии стали подполковниками, многие мои однополчане трудятся ныне инженерами, врачами, учителями, в народном хозяйстве, на культурном фронте.

В Музее погранвойск в Москве хранится овеянное боевой славой знамя нашего полка, с которым он прошел свой боевой путь от Прута до Северного Кавказа, вернулся к своей родной границе и окончил войну под Прагой.

В день 30-летия Великой Победы — 9 мая 1975 года — Главное политическое управление пограничных войск КГБ СССР, Музей пограничных войск, совет ветеранов 24-го пограничного полка организовали встречу в Москве, на которую прибыли со всех концов нашей страны 70 ветеранов полка — офицеры, солдаты, жены пограничников. Торжественно вынесли из Музея пограничных войск наше боевое полковое знамя, которое со слезами на глазах поцеловали седые ветераны. Тут же клятву верности боевым традициям дали молодые курсанты-пограничники. Нас приветствовали комсомольцы, пионеры.

Мы посетили памятные и дорогие каждому советскому человеку места — мавзолей Ленина, могилу Неизвестного солдата. Потом многие из нас побывали в местах бывших боев.

На Северном Кавказе наш пограничный полк в 1942 году на неделю остановил на Маныче танковый фашистский корпус. В городе Сальске высится величественный мемориал в честь павших героев-пограничников, воздвигнутый трудящимися Сальского района. Здесь ежегодно организуются митинги трудящихся всего района, возлагаются венки. Здесь чествуют героев. Всегда на эти митинги приглашают и нас, ветеранов-пограничников, где мы рассказываем о боевом пути своего полка. Крепкая дружба связывает ветеранов и с жителями Молдавии, где пограничный отряд принял боевое крещение. Мы никогда не забудем боевые июньские дни 1941 года, дни, когда наши воины-пограничники с честью выдержали испытание на верность своему народу

Литературная обработка Е. Ткачука

Две недели на водном рубеже

Д. И. ПИСКУНОВ,
бывший начальник артиллерии 95-й стрелковой
дивизии, полковник в отставке

В 1940—1942 годах я был начальником артиллерии 95-й стрелковой дивизии, впоследствии получившей название Молдавской. В составе дивизии я встретил войну, испытал всю горечь отступлений и тяжелых потерь. Испытал я и ни с чем не сравнимую радость побед над врагом — и не только в ходе наступлений наших войск, но и тогда, когда мы отступали, когда, казалось, этому отступлению конца-края не видно. Да и тогда, когда отступали, ибо отступали мы не сломя голову, противнику приходилось не спины наши видеть, а ошестинившийся всеми огневыми средствами фронт — пусть и не вытянувшийся еще тогда единой неодолимой преградой, пусть в нем были свои «бреши», которые приходилось «залатывать» ценой невероятных усилий, но это был фронт, который давал яростный отпор превосходящим силам врага, изматывал его день ото дня, нанося ему многочисленные удары. Такие отпоры для всех нас были хоть и маленькими, но запоминающимися победами.

Сейчас, десятилетия спустя, я думаю, что не будь этих маленьких побед, после которых отступление все же продолжалось, не было бы и Великой Победы.

Тогда же, в сорок первом, нас иногда мучили сомнения: а не зря ли положили головы наши бойцы за какое-нибудь крохотное селышко, не имеющее ровным счетом никакого стратегического и тактического значения, был ли смысл отстаивать его до последнего, если своевременное отступление сберегло бы и людские резервы, и технику, которые позарез нужны были на другом рубеже обороны? Но тогда каждый из нас — полковых, дивизионных офицеров — мог судить о целесообразности той или иной операции лишь «с колокольни» своей должности и звания. Нам, конечно же, трудно, да и невозможно было представить всю цепь следствий того или иного незначительного, а то и нецелесообразного, на наш взгляд, сражения.

И только потом, многие годы спустя, восстанавливая общую картину фронтовых событий по документам, воспоминаниям, мы начинали понимать, что на войне, как на войне, — ничего без последствий не остается, а какое-нибудь сражение «местного» масштаба, которое даже в сводку Совинформбюро не попало, в конечном итоге вылилось в крупное фронтовое событие: где-то благодаря ему была осуществлена так необходимая переброска наших

войск, где-то были сорваны планы противника, где-то был разлит успех наших войск.

Перебирая в памяти большие и незначительные сражения, участником которых мне пришлось быть, я не раз вспоминал две недели боев на Днестре в первые месяцы войны.

Беседы с фронтовыми товарищами, личные записи, архивные документы позволили мне воссоздать картину боевых действий нашей 95-й стрелковой дивизии в те нелегкие дни.

...Итак, как известно, после тяжелых оборонительных боев в Молдавии войска центра и левого крыла Южного фронта, согласно приказу Ставки Верховного Главнокомандования, в период с 18 по 22 июля 1941 года отошли на восточный берег Днестра.

95-я стрелковая дивизия, входившая в состав войск 9-й армии того же фронта, переправилась через Днестр в ночь на 20 июля и заняла оборону на старой Государственной границе — между Григориополем и Тирасполем. Нашим соседом справа была 9-я кавалерийская дивизия, переправившаяся через Днестр еще 18 июля, слева — 25-я Чапаевская стрелковая дивизия.

21 июля мы получили приказ о создании Тираспольского боевого участка в составе Тираспольской зоны 82-го укрепленного района, 95-й Молдавской стрелковой дивизии, 397-го артполка укрепрайона, 266-го корпусного артполка, 528-го армейского гаубичного артполка большой мощности и корпусного зенитного артдивизиона. Начальником Тираспольского боеучастка был назначен полковник М. С. Соколов — командир нашей дивизии, а начальником артиллерии — автор этих воспоминаний.

Побывавший у нас 22 июля генерал-майор Д. Г. Егоров сообщил, что 95-я дивизия будет входить теперь в его 14-й стрелковый корпус и, следовательно, в Приморскую армию, о чем вскоре последовал приказ.

Ширина полосы обороны нашей дивизии составила 42 километра, но протяжение переднего края из-за изгибов реки превышало 75 километров, из-за чего боевой порядок дивизии и стрелковых полков был построен всего в один эшелон. И все же наше положение на этом рубеже считалось относительно благоприятным, так как дивизия получила пополнение из укрепрайона, оборудованного долговременными огневыми точками.

241-й стрелковый полк, которым командовал полковник П. Г. Новиков, оборонял участок на правом фланге полосы (Григориополь — Бутор). Артиллерийскую группу составили 1-й и 2-й артдивизионы 397-го артполка майора П. П. Полякова.

161-й стрелковый полк полковника С. И. Сереброва оборонял участок на левом фланге полосы (Красногорка — Тирасполь). Артиллерийскую группу непосредственной поддержки пехоты составили 57-й артполк и 3-й артдивизион 397-го артполка, командовать которой было поручено майору А. В. Филипповичу — командиру 57-го артполка.

90-й стрелковый полк майора А. И. Планидина оборонял участок в центре полосы (Бутор — Красногорка), артиллерийскую группу непосредственной поддержки пехоты составил 134-й гаубичный артполк майора И. Ф. Шмелькова.

266-й корпусный артполк составил правую, а 528-й гаубичный артполк левую артгруппы дальнего действия (АДД). Первый занял огневую позицию в 4 километрах восточнее сел Ташлык и Бутор, второй — в 5 километрах западнее села Малаешты.

Штаб дивизии и 97-й противотанковый артдивизион расположились в селе Малаешты. 175-й Отдельный зенитный артдивизион (ОЗАД) нашей дивизии прикрывал правую, а корпусной зенитный артдивизион — левую группу АДД.

Таким образом, части нашей дивизии были полностью готовы к боевым действиям на новом рубеже. Сочетание мощных огневых точек укрепрайона с хорошо обученным личным составом подразделений полевого заполнения, получившим боевой опыт на реке Прут и в кодрах, создавало благоприятные условия для устойчивой и активной обороны.

Мелкие группы противника появились перед передним краем нашей дивизии уже утром 21 июля. К исходу дня разведка установила, что в прибрежном лесу сосредоточиваются пехота и артиллерия, а у села Шерпены — мотопехота и танки противника.

В ночь на 22 июля было замечено сосредоточение пехоты, танков и кавалерии в прибрежном лесу, вокруг озера Калфа и в лесу западнее села Варница.

Утром 22 июля полковник М. С. Соколов вызвал меня для доклада. Я доложил ему об огневых возможностях каждой артгруппы. Он в свою очередь проинформировал меня о том, что противник, возможно, попытается сегодня форсировать Днестр на участке сел Ташлык и Бутор, что прошедшей ночью неприятель переправился через Днестр южнее Дубоссар и захватил плацдарм. Полковник приказал мне не дать возможности противнику форсировать Днестр в районе села Шерпены, нанести упреждающий артиллерийский удар по Шерпенской группировке врага.

Через полтора часа наша артиллерия открыла огонь из 67 орудий. Надо сказать, что наши огневые позиции до этого были тщательно замаскированы, временно бездействовали, так что для противника наш удар был совершенно внезапным. Это и привело к тому, что сразу же было подбито много танков, сгорело большое количество автомашин. Были уничтожены также переправочные средства, подтянутые к берегу, взорваны боеприпасы, подведенные к лесу. Вражеская пехота большими толпами бежала на запад, спасаясь от взрывов снарядов и возникших пожаров. Успех был полный. Это была наша первая маленькая победа на водном рубеже. Но маленькая ли? Дело даже не в том уроне, который мы нанесли, дело в другом — после нашего огневого удара пугаченская излучина Днестра на целых девять суток стала

пассивным участком фронта. Замысел противника был сорван, какое-то время, необходимое для укрепления нашей обороны, было выиграно. По опыту мы уже знали, что следует тут же ждать ответного удара вражеской авиации.

И авиация противника появилась—вскоре после прекращения нашей артиллерией огня. Но свои удары она нанесла по ложным артиллерийским позициям и копнам сжатого хлеба. Действующие же огневые позиции артиллеристы успели вовремя прикрыть маскировочными сетями.

Обстановка тогда менялась буквально не по дням, а по часам. Оперативная необходимость привела к тому, что уже во второй половине дня 3-й артдивизион 266-го корпусного арtpолка убыл в 30-ю стрелковую дивизию, сменившую 9-ю кавдивизию в ночь на 22 июля. На следующий день туда же убыл штаб и 2-й артдивизион этого же полка. У нас остался 1-й артдивизион, которым командовал капитан З. М. Султанов и который, в силу обстоятельств, сложившихся впоследствии, вошел в состав нашей дивизии.

Противника, форсировавшего Днестр южнее Дубоссар, правому соседу выбить за реку не удалось. Успев закрепиться на плацдарме, он переправил сюда новые подразделения с танками и начал теснить на восток 30-ю стрелковую дивизию. Обострение обстановки на фронте 30-й дивизии сразу же почувствовали и мы. 22 июля противник проник в Григориополь, создал угрозу нашему правому флангу. Командир нашего правого флангового 241-го полка полковник П. Г. Новиков, узнав об этом, приказал занять оборону на южной и юго-восточной окраинах поселка, а соседний 256-й стрелковый полк предпринял попытку выбить противника из Григориополя.

23 и 24 июля немецким и румынским войскам удалось вклиниться в оборону соседней 30-й стрелковой дивизии в направлении села Глиное, что создало угрозу прорыва в тылы нашей дивизии. 241-му стрелковому полку пришлось всеми своими батальонами занять оборону от южной окраины поселка на восток—по балке, тянущейся в сторону сел Глиное и Карманово, в район севернее села Мал. Колосово вышел 90-й стрелковый полк и занял оборону на южном берегу той же балки. Артиллерийскую группу непосредственной поддержки 90-го стрелкового полка составили 2-й артдивизион 134-го гаубичного арtpолка и 75-й арtpолк 30-й дивизии, отошедшей в ходе боев в район Мал. Колосово. Одновременно на острие вражеского клина нами был выслан мотоотряд, усиленный 97-м противотанковым артдивизионом, которым командовал капитан В. И. Барковский.

Вот так и образовался правый «перевернутый фланг» 95-й стрелковой дивизии. Теперь в обороне на Днестре остались лишь 161-й стрелковый полк и по одной стрелковой роте от двух других полков. С этого момента наша дивизия оказалась втянутой в бой сразу с двумя вражескими группировками.

Командующий 9-й армией, обеспокоенный создавшейся обстановкой в районе Григориополя, поставил перед 30-й и 95-й стрелковыми дивизиями задачу: совместными усилиями уничтожить противника, форсировавшего Днестр, и восстановить положение южнее Дубоссар.

Для руководства этой операцией была создана армейская оперативная группа во главе с заместителем командарма генералом В. И. Репиным. В нее вошли комиссар дивизии, полковой комиссар Я. Г. Мельников, начальник связи дивизии майор И. Н. Пазников, начальник разведки дивизии капитан И. А. Чистиков и я. Через сутки к ней присоединился начальник оперативного отделения штаба капитан В. П. Сахаров, исполняющий в то время и обязанности начальника штаба дивизии.

В село Шипку, где должна была размещаться оперативная группа, мы прибыли перед восходом солнца и стали очевидцами перемещения в нашу полосу обороны частей 30-й дивизии, выделенных для участия в операции. Это обстоятельство подсказало нам, что армейский план операции в чем-то разойдется с нашими соображениями на этот счет. Так оно и получилось.

Армейская оперативная группа в Шипку прибыла в полдень. Кроме генерала В. И. Репина в нее входили член Военного Совета армии, начальник артиллерии армии генерал С. Н. Кузнецов и начальник оперативного штаба армии майор Владимиров. Генерал Кузнецов сразу предупредил меня по телефону, чтобы я через полчаса прибыл к нему для доклада об обстановке на фронте нашей дивизии. Когда я явился, он представил меня остальным членам оперативной группы и тут же предложил мне приступить к докладу. Таким образом, слушателями моего доклада стали все члены армейской оперативной группы.

Предупредив, что мои сведения о противнике относительно устарели, так как прошло десять часов после их получения, я сначала доложил о противнике на Днестре, затем о его действиях в районе восточнее Григориополя. Оказалось, что последний район их как раз особенно интересует. Сведения о противнике, изложенные мною, оказались для армейской группы неожиданными. Майор Владимиров, например, вдруг заявил, что он не согласен ни с моей оценкой сил противника, ни с данными о его расположении на местности.

— Все не так, как докладывается,—заявил он.—У противника не может быть здесь столько сил, и не может он так располагаться.

Мои сведения вызвали недоверие и у остальных членов армейской опергруппы, особенно у генерала Репина. Дав мне два часа на уточнение данных о противнике на правом фланге нашей дивизии, генерал Репин предупредил меня, чтобы через два часа я был готов заново доложить свои соображения.

Пере проверка показала, что каких-либо изменений в составе сил противника и его расположений в течение суток не произошло.

К вечеру нас — полковника Соколова, полкового комиссара Мельникова и меня — вновь пригласили в армейскую группу. На этот раз, чтобы принять решение на бой. Когда мы явились, то там уже были командир, комиссар и начарт 30-й дивизии, а также командир и комиссар 522-го армейского гаубичного артполка БМ (большой мощности), переместившегося на нашу полосу вместе с частями 30-й дивизии.

Генерал Репин, объявив, по какому случаю он собрал нас, приказал мне доложить данные о противнике на правом фланге нашей дивизии, сказав при этом:

— Из опыта нам известно, что артиллеристы лучше знают сведения о противнике. Ведь чтобы стрелять, им надо видеть его.

Я доложил тогда, что в ходе боев за предыдущие пять суток на левом берегу Днестра установлено наличие двух пехотных дивизий противника с танками и артиллерией. К исходу 26 июля основная масса этих сил сосредоточилась в лесу и в балке — в 4—6-ти километрах северо-восточнее и севернее села Мал. Колосово, а днем на территории колхоза им. Калинина появился пехотный полк противника без артиллерии.

Полковник Соколов подтвердил эти сведения, и они легли в основу решения, принятого генералом Репиным.

Последний же нашел целесообразным нанести главный удар севернее Мал. Колосово двумя наступающими навстречу друг другу группами, расчленив силы противника и уничтожить их по частям, а вспомогательный — по пехоте, сосредоточившейся в колхозе им. Калинина.

Начало наступления было назначено на утро 28 июля. В оставшееся время в частях велась рекогносцировка местности, разведка дислокации противника, перегруппировка сил, занятие исходных для атаки рубежей, подвоз боеприпасов.

На рассвете 28 июля, после тридцатиминутной артподготовки, части 30-й и 95-й стрелковых дивизий перешли в наступление в сопровождении артиллерийского и минометного огня. Фашисты оказали упорное сопротивление, но наступающие части все же имели тактический успех; к середине дня разрыв между группами, наступающими друг другу навстречу на главном направлении, был сокращен с десяти до двух километров. 90-й стрелковый полк выбил пехоту из усадьбы колхоза и отбросил ее.

Вражеская авиация подвергла бомбардировке боевые порядки наших войск, особенно артиллерийские позиции. Противник подтянул свежие силы пехоты с танками, сумел перейти в контратаку, отбросил назад 35-й стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии, наступающей с севера, создал угрозу выхода в тыл 90-му стрелковому полку и тем заставил последний отойти назад. Приостановилось продвижение частей и южной группы. 522-й армейский гаубичный и 121-й гаубичный артполки израсходовали почти все снаряды, мало их осталось и в других артчастях. Стало очевидным, что поставленная задача невыполнима. Поэтому генерал Репин

приказал командиру и комиссару 30-й дивизии немедленно вывести из-под удара 35-й стрелковый полк и тылы дивизии. В ночь на 29 июля они покинули Шипку. Начарт армии генерал С. Н. Кузнецов в свою очередь приказал командиру 522-го артполка следовать в направлении на город Николаев, а командиру 121-го гаубичного артполка вывести полк в тыл, оставив на позициях столько батарей, на сколько хватит снарядов. Однако в полку их осталось не более ста, поэтому на огневой позиции оставили только одну батарею, остальные же, выйдя из боя, расположились на хуторе в двух километрах южнее села Шипки. Утром 29 июля армейская оперативная группа также покинула Шипку.

Так закончилась попытка в июльские дни 1941 года восстановить фронт южнее Дубоссар. Тут, к слову сказать, и обнаружилось, что для проведения подобных операций нужно привлекать значительно большее количество артиллерии и обеспечивать ее боеприпасами по нормам, обязательно прикрывать район авиацией. Но, увы, всего этого тогда не было. И все же удар, нанесенный противнику 28 июля, вынудил его изменить направление своих действий, он начал развивать свой успех в северо-восточном направлении — на город Ананьев. Это была, как потом выяснилось, еще одна наша маленькая победа, обошедшаяся врагу большими потерями. Именно поэтому 29 и первая половина 30 июля прошли относительно спокойно: на правом фланге нашей дивизии противник активных действий не предпринимал. Но бои шли, шли где-то далеко на северо-востоке — в направлении на Ананьев. С той стороны до нас доходили далекие артиллерийские выстрелы. Зато на левом фланге днем, 29 июля противнику был нанесен ощутимый удар артиллерией боеучастка. А дело было так.

Уезжая в Шипку, я приказал начальнику штаба артиллерии майору Е. А. Яковлеву вести неослабное наблюдение за группировками противника перед фронтом 161-го стрелкового полка, выявить момент готовности их к форсированию Днестра, чтобы нанести по ним упреждающие удары. Эти группировки заметно активизировались в день нашего наступления в районе Мал. Колосово, начали активно вести разведку реки и нашего берега, обстреливать нашу оборону. В ночь на 29 июля противник подтянул свои силы ближе к берегу и сосредоточил переправочные средства против участков, выбранных для форсирования. Все говорило о том, что противник закончил приготовления к форсированию.

Обо всем этом и доложил мне майор Яковлев утром. Я предložил полковнику Соколову разгромить группировки в преддверие этого же дня, чтобы избежать ответного удара авиации противника. Полковник Соколов согласился.

В разгроме группировок врага в этот раз приняли участие 70 орудий. Огонь артиллеристы вели последовательно — сначала по пехоте и кавалерии, потом по пехоте с танками. Эффект от

одновременной стрельбы стольких орудий был исключительно велик. Силы противника в одном и другом районах были рассеяны с большими потерями для него, а переправочные средства уничтожены. В результате огневых ударов этот участок фронта стал пассивным на длительное время. Это обстоятельство позволило нам снять отсюда часть сил и направить их в тыл нашей обороны, где вскоре начались тяжелые бои с противником, подошедшим с востока.

В середине дня 30 июля начальник разведывательного отряда, действовавшего в направлении сел Шипка — Павловка, доложил, что в районе села Павловка появился противник, и высказал предположение о возможной его попытке атаковать Шипку с востока.

Пришлось срочно занять оборону на северо-восточной окраине Шипки одной ротой разведывательного батальона, усиленной гаубичной батареей и двумя батареями противотанкового артиллерийского дивизиона. Соколов приказал командиру 161-го стрелкового полка подготовить один батальон и перебросить в совхоз, находящийся в 12 километрах севернее Малаешты.

После полудня фашисты произвели огневой налет дальнбойной артиллерии по центру и западной окраине Шипки и району северо-восточнее Григориополя. Спустя полчаса в избу, где расположился наш КП, вбежал младший лейтенант М. К. Пянковский и сообщил, что колонна противника по дороге из села Комаровки подходит к Шипке. Тут же мы услышали пулеметную и орудийную стрельбу батарей противотанкового артиллерийского дивизиона, расположившихся в двухстах метрах от КП. Открыла огонь и гаубичная батарея, стала слышна ружейно-пулеметная стрельба. Командование дивизии приняло решение перебросить КП в хутор Кассиль — ближе к своим войскам. Едва я добрался до хутора, как услышал позади себя орудийные выстрелы. Выйдя из машины, увидел, что вдалеке у южной окраины Шипки на дороге стоят четыре гаубицы и стреляют прямой наводкой по противнику, подошедшему с востока, а враги, попавшие под разрывы снарядов, разбегаются по кукурузному полю. Батарея, расстреляв последние снаряды, все же сумела присоединиться к своему полку и организованно отступить.

От В. П. Сахарова и И. А. Чистякова я узнал, что после жаркой схватки с охраной КП противник занял Шипку, вышел в тыл 90-му стрелковому полку и вынудил его отойти на запад. Рота разведывательного батальона успела отойти без потерь, последним отошел противотанковый артиллерийский дивизион.

События в Шипке 30 июля явились лишь одним звеном в цепи других событий, происшедших в этот день. Противник атаковал также правый фланг 241-го стрелкового полка, но безуспешно, а под вечер северо-восточнее Новой Александровки пулеметным батальоном укрепрайона было остановлено до пехотного полка врага.

Ночь на 31 июля у нас ушла на подготовку перегруппировки войск, которая была осуществлена утром. Стрелковые полки 241, 256 и 369-й остались на прежних рубежах, 90-й стрелковый полк, усиленный 2-м артиллерийским дивизионом 134-го гаубичного артиллерийского полка, занял оборону в километре западнее Шипки. 3-й стрелковый батальон 161-го стрелкового полка, усиленный 1-м артиллерийским дивизионом 134-го гаубичного артиллерийского полка, занял оборону юго-западнее и южнее хутора, что был на 2 километра южнее Шипки. 2-й артиллерийский дивизион 57-го артиллерийского полка вышел на усиление пулеметного батальона укрепрайона, занявшего оборону в районе Новой Александровки.

Утром 31 июля в 121-й гаубичный артиллерийский полк подполковника Д. И. Трехнова были подвезены снаряды со складов Приморской армии, и он в первой половине дня занял оборону северо-западнее села Велико-Плоское.

В середине дня 31 июля оперативная группа нашей дивизии вернулась в Малаешты. Туда же отошел и 97-й противотанковый артиллерийский дивизион. Во второй половине этого же дня противник принял наступление на Новую Александровку и Мал. Колосово, но был отбит.

Об обстановке, сложившейся к вечеру 30 июля на фронте нашей дивизии, было доложено командующему Приморской армией. Последний приказал командиру 54-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии, стоявшего в армейском резерве, выйти в район села Полезное и занять оборону на фронте Цебриково — Полезное, прикрыть долину реки Кучурган, что и было сделано к утру 2 августа.

С утра же 1 августа противник значительными силами, поддержанными авиацией, начал наступление на Новую Александровку и на село Мал. Колосово. Бой длился целый день. Перед вечером противнику ценою больших потерь удалось занять села. Батальон укрепрайона, оборонявшийся у Новой Александровки, оказался обескровленным. Сломив его сопротивление, противник свернулся в колонну и начал марш на Велико-Комаровку. Однако вражеская колонна была остановлена огнем батарей 2-го артиллерийского дивизиона 57-го артиллерийского полка, перешедших к стрельбе прямой наводкой, и, понеся потери, рассеялась.

В ночь на 2 августа дивизия вновь произвела перегруппировку сил. 3-й стрелковый батальон 161-го стрелкового полка перешел на направление Велико-Комаровки, а 90-й стрелковый полк, удлинив свою линию фронта, занял его место южнее Шипки. 1-й артиллерийский дивизион 121-го гаубичного артиллерийского полка тоже был перемещен на направление Велико-Комаровки. Это направление теперь приобретало первостепенное значение.

С утра 2 августа противник повел наступление на Велико-Комаровку, но, понеся потери от нашего артиллерийского и пулеметного огня, прекратил атаки. Во второй половине этого же дня неприятель большими силами перешел в наступление в районе Мал. Колосово, где ему удалось потеснить малочисленные 256-й и

369-й стрелковые полки 30-й дивизии. Создалась угроза охвата правого фланга и окружения противником 241-го стрелкового полка. Хотя продвижение врага и было остановлено огнем прямой наводкой батареей 1-го артдивизиона И. К. Годенко 397-го артполка, но угроза сохранилась, так как противник глубоко вклинился в нашу полосу обороны.

О создавшейся обстановке полковник Соколов немедленно доложил командующему Приморской армией. С его разрешения в ночь на 3 августа 241-й стрелковый полк со средствами усиления и полки 30-й дивизии были отведены на рубеж южнее деревни Бутор. Здесь 241-й стрелковый полк занял оборону на левом фланге, правее его заняли оборону 256-й и 369-й стрелковые полки. Соответственно был выравнен фронт других частей—90-го стрелкового полка и 3-го стрелкового батальона 161-го стрелкового полка.

В течение дня 3 августа бои в основном шли в районе севернее Велико-Комаровки. Наши части, хорошо окопавшиеся, своим огнем нанесли противнику большие потери в живой силе. К этому времени перед фронтом нашей дивизии действовали две немецкие и две румынские дивизии: одна пехотная и одна кавалерийская.

К исходу дня 3 августа наша оборона проходила по линии сел Полезное, севернее Велико-Плоского и севернее Малаешты и упиралась в изгиб Днестра между селами Красногорка и Тея, далее шла по восточному берегу реки.

В течение 4 и 5 августа бои на нашем фронте восточнее Днестра продолжались с неослабным напряжением. Противник особенно активно действовал в направлении дороги, идущей из Павловки в Тирасполь через Велико-Плоское, но все же вражеские атаки были отбиты артиллерийским огнем.

Во второй половине дня 5 августа командир нашей дивизии генерал-майор В. Ф. Воробьев получил приказ командующего Приморской армией на отход частей дивизии на промежуточный рубеж: Новоборисовка, Миган, Яковлевка. Занять последнюю надлежало утром 6 августа. Обеспечение нашего отхода от удара противника с севера было возложено на 54-й полк, который должен был до 12 часов 6 августа прочно удерживать занимаемый им рубеж обороны в долине реки Кучурган. Одновременно нам предписывалось забрать с собой вооружение из дотов Тираспольского укрепрайона.

5 августа был последним днем боев нашей дивизии на молдавской земле и на старой государственной границе. Бойцы, командиры и политработники всех частей дивизии показали в боях на Днестре упорство, мужество, отвагу, высокие воинский дух и морально-политические качества. Они дрались с врагом за каждую пядь советской земли, не щадя ни своих сил, ни своей жизни, и честно выполнили свой воинский долг перед Родиной. Командиры, политработники и бойцы глубоко переживали, получив приказ отойти на промежуточный рубеж—теперь уже в глубине, за ста-

рой границей страны. Но другого выхода не было, и все это понимали.

Главным итогом боев 95-й Молдавской стрелковой дивизии на Днестре было то, что она на две недели задержала перед своим фронтом войска 4-й румынской армии и сковала на правом фланге другие части 11-й немецкой армии.

Командование Приморской армии, которой была поручена оборона Одессы, приняло во внимание создавшуюся обстановку и переправило наши войска на линию обороны Жеребково, Михайлополь, Катаржино, Раздельная, от которых до города было 40—50 километров. Ровно на сутки успели мы опередить противника занятием этого рубежа...

Литературная обработка Е. Ткачука

Натиск выдержали...

А. М. МИСОЧНИК,
*подполковник в отставке, член
Союза журналистов СССР*

Наша встреча состоялась в один из июльских жарких дней прошлого года. В беседке, увитой виноградом, в кругу своих сослуживцев сидит немолодой человек. Выглядит он старше своих 70 лет, седой, выше среднего роста. Он около 40 лет отдал службе в пограничных и внутренних войсках. Теперь ему есть о чем рассказывать: о боях на границах в Молдавии, Прибалтике, на Дальнем Востоке и на фронтах Великой Отечественной войны.

Уже давно отгремели залпы орудий, но не забыты первые дни сражения за Родину, ее верные защитники-пограничники.

Николай Георгиевич Дубов рассказал мне историю, происшедшую тридцать девять лет тому назад на молдавской земле.

...79-й пограничный отряд, входящий в состав молдавского пограничного округа, дислоцировался тогда на юге освобожденной Бессарабии, в Измаиле. Им командовали майор С. И. Грачев и батальонный комиссар В. С. Прибылов, а комендатуры находились в Рени, Измаиле, Килие и Вилково. Все—на Дунае.

Коменданта 2-й комендатуры—майора Николая Георгиевича Дубова—начало войны застало далеко от его подчиненных. Он лишь накануне прибыл в Москву на очередную экзаменационную сессию в академии им. М. В. Фрунзе. Но сессия не состоялась—все слушатели отбыли к местам прохождения службы.

...С болью в душе возвращался майор к себе на границу. И ужасы войны успел увидеть на второй день на станции Бендеры.

А на третье военное утро Дубов ступил на перрон вокзала в Измаиле. Город, до войны веселый, шумный и красивый, словно вымер. Все население находилось в подвалах, спасаясь от артиллерийского обстрела, воздушных бомбежек. На перекрестках моряки регулировали движение машин.

Комендатуры в городе уже не было. Она закрепилась на противоположном, румынском, берегу. Произошло это так.

...После того как фашисты 22 июня в 12 часов дня развернули боевые действия, Дунайская флотилия под командованием контр-адмирала Н. О. Абрамова открыла ответный огонь. А пограничники, используя растерянность врага на этом участке, под руководством начальника штаба капитана В. И. Гореватого форсировали Дунай.

Противник в панике бежал, оставив артиллерийские орудия и снаряды. У захваченных трофеев не оказалось прицелов, они

были сняты врагом и брошены в реку. Но начальник седьмой заставы З. П. Колесников и его заместитель К. П. Романенко быстро сообразили, что нужно делать.

— Открыть огонь!—раздались команды.—Стрелять на глазок!

Пограничники тотчас открыли огонь.

...Трудная задача выпала на долю личного состава 6-й заставы. Она располагалась против одного из разветвлений Дуная. Вблизи не было ни одного населенного пункта, и ждать помощи было не от кого. Три дня и три ночи не смолкала стрельба. Трое суток бойцы, руководимые начальником заставы М. Б. Холодовым, отбивали одну за другой атаки фашистских войск. Выдержали натиск, не дрогнули.

...Противник был в недоумении. Как это так? Сколько снарядов было послано в сторону заставы, но она не снесена с земли и продолжает жить.

Несколько раз пытался противник форсировать Дунай на участке заставы. Но как только он приближался к противоположному берегу на 40—70 метров, раздавались четкие команды:

— Всеми видами оружия—огонь!

— Бить метко! Не оставлять живым никого!—гремел приказ М. Б. Холодова.

Трещали пулеметы, винтовки, сыпались гранаты.

Высадка десанта противника на берег так и не состоялась. В течение недели им было предпринято много попыток форсировать реку, но все они оказались неудачными.

А за родную землю сражалось всего тридцать храбрецов. Они выдержали... И «секрет»—не хитрый. Застава размещалась в незавидном камышовом здании, обмазанном глиной, но зато под ним, в земле, была оборудована долговременная огневая точка. Об этом неприятель не знал. Румыны обстреливали заставу, но снаряды пробивали лишь стены здания, оставляя невредимыми бетонные перекрытия точек.

Противник, видя, что отсутствует ответный огонь, в уверенности, что застава уничтожена, начинал переправу, но финал... оказывался для него плачевным. И так атака за атакой. Трудно сосчитать, сколько их было за неделю...

И вот получен приказ об отступлении, которое было исключительно трудным.

Под огнем врага, по грудь в воде, через болото, прилегающее к озеру Ялпуг, шли пограничники более 15 километров. На себе тащили оружие, боеприпасы, снаряжение. Но вот все уже позади. Когда добрались до комендатуры в Измаиле, недосчитались двух человек.

Успешно сражались и бойцы 8-й, 9-й, 10-й застав, державших оборону на острове Кислицкий между Килийским и Сулинским гирлами.

79-й пограничный отряд в течение недели оборонял участок

от места впадения Прута в Дунай и до берегов Черного моря. Примерно 29—30 июня отряд по приказу начальника войск Молдавского пограничного округа стал отходить в сторону Одессы для выполнения другого задания. На смену второй комендатуре отряда для дальнейшей обороны города прибыла 50-я стрелковая дивизия.

Из личного состава второй комендатуры Н. Г. Дубова и третьей, которой командовал майор И. Н. Бурмистров, был создан отдельный батальон специального назначения, подчиненный особому отделу Южного фронта.

* * *

Сколько военных дорог—Южного, Закавказского, Северо-Кавказского, отдельной Приморской армии и Прибалтийского фронта прошел Н. Г. Дубов! В Литве, на Государственной границе СССР, закончился его боевой путь. После этого Дубов продолжая еще до 1954 года служить в пограничных войсках Дальнего Востока.

Еще юношей, в незабываемом 1924 году, по путевке комсомола был направлен на пехотные курсы имени М. В. Фрунзе. С тех пор он связал свою жизнь с внутренними войсками, а затем, с 1938 года,—с пограничными. На груди полковника в отставке Н. Г. Дубова сияют орден Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды и семь медалей. Одна медаль для него дорожее всех—«За отличие в охране Государственной границы СССР».

Комсомолец двадцатых годов, коммунист с 1926 года, он продолжает оставаться в строю, идет в ногу с молодыми коммунистами. Вот уже 12 лет, как бессменно избирают его членом партбюро и заместителем секретаря партбюро ЖЭУ-19 г. Кишинева.

...Но июньские жаркие дни 1941 года никогда не изгладятся из памяти Н. Г. Дубова.

Первые дни

Воскресное утро 22 июня 1941 года все работники Наркомата внутренних дел республики встретили в боевой готовности. После совещания, проведенного наркомом В. И. Дмитриенко и его первым заместителем П. А. Орловым, нам стало ясно, что кончилась мирная жизнь, если можно ее так лаконично называть. Началась война.

Но и до этого для С. П. Никитенко, для многих других чекистов, сотрудников оперативных служб, сутки были не мирными. Их ждали неожиданные сюрпризы либо встречи с вооруженными бандитами, уголовниками или с румынскими агентами, оставшимися в подполье после освобождения Бессарабии.

Прибыв в Кишинев, вновь ставший советским городом прямо со скамьи слушателя Центральной Высшей школы милиции, С. Никитенко с головой окунулся в оперативную работу, получив назначение начальника отделения уголовного розыска республиканского управления милиции, а потом—начальника нового отделения «ББ» (так называлось отделение по борьбе с бандитизмом). Его наставником был Г. Н. Кульчицкий, один из старейших и опытных работников угрозыска Украины, ставший в молодой республике начальником отдела уголовного розыска. На второй день войны, в 10 часов утра, С. Никитенко был вызван к наркому. В кабинете находился и полковник П. А. Орлов.

— Товарищ Никитенко,—обратился к вошедшему полковник В. И. Дмитриенко,—решением ЦК партии Молдавии и правительства республики вы назначены командиром истребительного батальона в Леовский пограничный район. Такие батальоны создаются повсеместно. Их задача—борьба с парашютно-десантными группами вражеских войск, диверсантами, шпионами, засылаемыми к нам, и выполнение других задач военного времени по охране общественного порядка и особенно оказанию помощи пограничным подразделениям в обороне границы. Действуйте смело и решительно. Подробный инструктаж получите у товарища П. А. Орлова и с ним же будете поддерживать постоянную связь. Здесь оставьте своего заместителя. На устройство служебных и домашних дел вам дается срок до утра. Желаю успеха!

— Есть!—отчеканил лейтенант и вышел.

В тот же день он отвез свою семью на станцию к эшелону с эвакуированными и отправился выполнять боевое задание. У заместителя наркома П. А. Орлова прошел инструктаж с учетом конкретных условий данного пограничного района.

В наркомате командир получил для батальона оружие и боеприпасы, погрузил их в автомашину и к вечеру вместе со своим заместителем по оперативной части, старшим лейтенантом из управления пограничного округа, шофером и двумя красноармейцами выехал к месту назначения.

Прибыв в район, лейтенант Никитенко сразу же явился в райком партии, доложил первому секретарю В. И. Урсулу цель приезда.

— По решению ЦК партии вы назначены комиссаром истребительного батальона,—стал Никитенко подробно вводить в курс дела своего собеседника.—Нам надо создать крепкий, боеспособный коллектив бойцов. Придется вести борьбу со шпионами, диверсантами, распространителями провокационных слухов, бандитами и отдельными группами вражеских войск. Здесь опасность еще и потому, что река в Леово очень узкая и фашистам нетрудно переправиться через нее.

В. И. Урсул вызвал к себе председателя райисполкома Емельянова, начальников райотделений НКВД П. Е. Петровского и

НКГБ Я. И. Шилина, представителя погранкомендатуры, активистов. Рассказал о создании истребительного батальона и объяснил:

— Все ответственные работники района обязаны оказывать батальону всяческое содействие.

На следующий день началось формирование батальона. А к вечеру П. С. Никитенко доложил по телефону:

— Истребительный батальон в количестве 200 человек создан и приступил к боевым действиям.

Выслушал указания о дальнейшей работе.

Сразу же вместе с начальником РО НКВД П. Е. Петровским, по согласованию с секретарем РК КП(б)М, выехал в села района: Антоновку, Канию, Токиле-Радуканы, Томай и другие. Там проинструктировали председателей сельских Советов, которые возглавляли инициативные группы, разъяснили, как поддерживать связь с батальоном. Наладили вопросы по взаимодействию с погранзаставой.

Через несколько дней из погранкомендатуры поступило сообщение, что в нескольких местах через Прут переправились румынские кавалерийские группы и скрылись в лесах Леовского, Комратского, Чимишлийского и Котовского районов. Группами врывались в села, нападали на отдельных военнослужащих, расправлялись с советским активом, были попытки диверсий на железной дороге.

Командование истребительного батальона сразу же организовало оперативно-подвижные группы и расставило их на самых опасных участках, например, на железной дороге у сел Яргара, Тигеч, Кания. Во главе этих групп стали участковые уполномоченные милиции И. Кусакин, Д. Соловьянов, А. Михальчук, Я. Бодунов, Е. Гушан, Г. Боянжу и работники райкома партии. Почти ежедневно бойцы батальона вступали в перестрелку с противником. В особо сложной обстановке группы прибегали к помощи пограничников и воинских подразделений Красной Армии.

В конце июня участились внезапные налеты вражеской кавалерии на мирное население. Оперативно-подвижным группам батальона, возглавляемым оперуполномоченным РО НКВД В. Бодуновым, паспортистом В. Корчинским, участковым уполномоченным М. Шмиглей, приходилось непрерывно участвовать в столкновениях с врагом.

— Боевой дух наших бойцов поднимал комиссар батальона, первый секретарь райкома партии Василий Иванович Урсул,— рассказывает бывший командир батальона, ныне полковник в отставке Семен Петрович Никитенко.— Он часто проводил беседы с бойцами, разъяснял им обстановку, цементировал и сплавивал наши силы. Многие сделали для перестройки работы в условиях пограничного фронтового района.

В истребительный батальон были включены все. Работа партийно-советского актива была направлена на мобилизацию всех сил и средств района. Они занимались хозяйственными, служеб-

ными делами, подготовкой эвакуации района. В первую очередь этими вопросами занимались второй секретарь райкома партии И. Бошко, заведующие отделами райисполкома, работники РК КП(б)М, РК ЛКСММ. В особо необходимых моментах принимали активное участие в боевых операциях, в патрулировании.

— Основная тяжесть по руководству действиями батальона,— продолжает свои воспоминания Семен Петрович,— ложилась на командование батальона. Вскоре мы потеряли начальника разведки. Ему понадобилось съездить в Кишинев на один день по неотложным делам. Рано утром, на мотоцикле, он уехал, но не вернулся. Как стало позже известно, дорога Леово—Котовск—Кишинев в нескольких местах была перехвачена отдельными группами противника. В схватке с фашистами он, видимо, и погиб.

В конце июня обстановка стала накаляться до предела. Переправившиеся ранее через Прут кавалерийские группы, скрывавшиеся в лесах, еще более активизировались. Обстановка усугублялась и тем, что к этому времени не все армейские части успели подойти к границе и занять боевые позиции. Оборону здесь, в основном, держали пограничники и мелкие подразделения Красной Армии. В связи с этим бойцы истребительного батальона помогали им во всем.

Противник в отдельных местах действовал дерзко, налетал на села, железнодорожные коммуникации и другие объекты, выводил их из строя, нарушал бесперебойную работу советских учреждений. Район стал подвергаться непрерывному артиллерийскому и пулеметному обстрелу, бомбардировке с воздуха.

В этих условиях райком партии, райисполком, органы НКВД и НКГБ четко и слаженно организовывали работу, выполняли ответственные задачи военного времени. В один из июльских дней в РК КП(б)М и РИК поступило указание из Кишинева о немедленной организации уборки хлебов.

Необходимость этого все понимали. Время торопило. Было создано несколько групп советско-партийного актива для посылки их в села. В каждую из них для охраны включены по два-три бойца батальона. В одной из них были оперуполномоченный РО НКГБ Владимир Кручинецкий, заведующая райземотделом и другие. Во время работы у села Филиппы они были захвачены румынскими и немецкими солдатами. После жестокого избиения, издевательств советские люди были расстреляны. Совершив свое гнусное дело, фашисты скрылись в лесах.

Активисты, принимавшие участие в уборке урожая, проявили истинное мужество. Зная о грозящей опасности, о затаившихся вражеских группах, они все же выезжали в села для выполнения задания. И справились с поручением райкома.

Штаб батальона получил новое тревожное сообщение. Немцы перерезали проселочные дороги Леово—Котовск—Кишинев, Лагушна—Кишинев. В захваченном Котовске подожгли несколько

государственных учреждений, жилых домов, зверски расправляются с населением.

Высланная на автомашине разведгруппа во главе с сержантом-пограничником Владимиром Ефремовым подтвердила, что дорога Леово—Котовск действительно контролируется фашистами. Не доезжая села Сарата-Галбенэ, разведчики были обстреляны из леса. Но возвратились без потерь.

Об этом необходимо было доложить в Кишинев. Но телефонная связь уже была прервана. Надо было срочно действовать. Командир батальона Никитенко направил большую оперативно-войсковую группу на двух автомашинах по маршруту Саратены—Князевка—Каракуй—Сарата-Галбенэ. Перед бойцами поставлена задача: при обнаружении мелких групп противника уничтожить их. При встрече крупных сил немедленно сообщить о высылке подкрепления.

Через несколько часов, выполнив задание, группа возвратилась. По дороге между селами Князевка-II и Каракуй из леса по автомашинам стреляли из автоматов и пулемета. Бойцы опергруппы рассредоточились и прочесали этот участок леса. Вражеские солдаты, не вступая в бой, поспешно отошли. Двигавшийся в направлении Леово из Кишинева 161-й стрелковый полк 95-й молдавской стрелковой дивизии, стремительной атакой отбросив противника в сторону Гура-Галбеней, освободил Котовск. Прибывшим из Кишинева сводным оперативным отрядом работников НКВД, НКГБ и пограничников в городе был восстановлен порядок.

С 8 по 14 июля была отмечена переправа в Леово главных сил противника, но совместными ударами подошедших частей 95-й молдавской стрелковой дивизии и подразделениями пограничного отряда они были отброшены на территорию Румынии.

Проникшая в наш тыл вражеская агентура распространяла провокационные, пораженческие слухи среди местного населения, например о захвате немцами Котовска и Кишинева. И если даже кое-где возникала паника, удавалось быстро успокоить людей. Партийно-советский актив, бойцы батальона, работники милиции, комсомольцы боролись со слухами, разъясняли населению действительное положение дел, вылавливали распространителей ложных сведений, показывали пример мужества, хладнокровия, дисциплинированности, мобилизовывали все население района на отпор врагу.

...13 июля во второй половине дня Никитенко был вызван в наркомат НКВД для получения дополнительного оружия и пополнения людьми.

Командир истребительного батальона С. П. Никитенко доложил полковникам П. А. Орлову и И. Л. Мордовцу о состоянии батальона и боевой обстановке в районе Леово. В это время в кабинет вошел начальник отделения уголовного розыска Б. А. Родин и сообщил, что оружие, боеприпасы для Леовского района погру-

жены и группа бойцов ожидает у машины отъезда. Полковник П. А. Орлов объявил командиру батальона, что ехать по этой дороге в Леово небезопасно и надо добираться иными путями.

На рассвете 15 июля стало известно, что все пограничные районы эвакуируются. Войска Красной Армии, а вместе с ними и истребительные батальоны отходят.

Начальника Единецкого райотделения НКВД лейтенанта милиции М. С. Францева начало войны застало в поезде, которым он ехал из Бельца до железнодорожной станции Редю-Маре. Он был вызван на совещание в уездный отдел НКВД после проверки работы опергруппой наркомата.

Этим же поездом из Кишинева возвращался к месту службы военком района. До Единец они добирались подводой. Здесь, в пятом часу, на окраине местечка их встретил первый секретарь райкома партии П. А. Трофименко и сказал:

— Немцы и румыны напали на нашу страну. Всю ночь идет бой на границе. Наши силы очень малы. Мы по тревоге подняли партийный актив, человек 40—50. Вооружили их винтовками и направили в помощь пограничной заставе в Вишоару. Там тяжелое положение. Ближайшее к ней село уже занято румынскими войсками... Неужели это война?

Руководители района сразу же обратились за помощью к командованию 389-го стрелкового полка 176-й стрелковой дивизии. Попросили у армейских товарищей винтовки и патроны и, получив их, вооружили первую группу коммунистов.

— А вам, Михаил Сергеевич,—обращаясь к Францеву, продолжал он,—надлежит срочно связаться с партактивом, взять на учет вооружение.

Вскоре в райотделении НКВД был создан немногочисленный аппарат, в котором было всего около десяти человек. Михаил Сергеевич рассказал собравшимся о положении дел на границе и поставил перед ними задачи в новых условиях.

— Нам надо усилить охрану общественного порядка как в городе, так и в селах. Призвать людей к бдительности и организованности.

Примерно к десяти часам утра начальнику РО НКВД удалось связаться с начальником погранзаставы, который сообщил, что пограничники при участии партактива ведут ожесточенную схватку с переправившимся через Прут на нашу сторону подразделением румынских войск. В течение нескольких часов длился бой. Противника удалось отбросить за Прут.

Отряд партактива, возглавляемый вторым секретарем райкома партии А. И. Бричевским, возвратился с заставы в райцентр для выполнения нового боевого задания.

12 часов дня. По радио выступил председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов. Стало ясно — началась война.

На помощь пограничникам для занятия обороны выдвинулся 389-й стрелковый полк во главе с командиром майором С. В. Крамским и начальником штаба майором И. К. Мамедовым.

Вечером в райкоме партии состоялось заседание бюро, обсуждавшего вопросы, связанные с перестройкой работы в военных условиях. Были намечены срочные мероприятия по охране города, решено немедленно эвакуировать семьи военнослужащих и советско-партийного актива специальным поездом в глубокий тыл.

Поздно ночью началась эвакуация на подводах до железнодорожной станции Редю-Маре. Нелегко было начальнику РО НКВД М. С. Францеву, не спавшему уже трое суток, выполнить трудную задачу по обеспечению бесперебойной работы транспорта и охраны эшелона с эвакуированными. В срок, указанный райкомом, это мероприятие было выполнено.

И вдруг пронесся слух, что эвакуированных грабят в поле. Туда помчалась группа работников милиции. Оказалось, что это было провокационное сообщение, чтобы создать панику и сорвать эвакуацию.

На второй день, после того как было получено постановление ЦК КП(б)М и правительства республики о создании истребительного батальона, он был немедленно сформирован. В его состав вошли все работники РО НКВД, НКГБ, партийно-советский актив. Решением ЦК партии командиром был утвержден начальник РО НКВД Михаил Сергеевич Францев, комиссаром — первый секретарь РК КП(б)М Павел Александрович Трофименко, заместителем командира батальона по оперативной части — начальник РО НКГБ Павел Александрович Шилов. Разведывательной работой занимался и старший оперативный уполномоченный РО НКГБ Михаил Федорович Гуленок, человек энергичный, досконально знавший состояние дел в районе.

— Если бы не было истребительного батальона, — вспоминает сегодня пенсионер, подполковник в отставке М. С. Францев, — райкому партии, исполкому райсовета намного труднее было бы решать вставшие перед ними задачи. Бойцы батальона добросовестно исполняли обязанности, не жалея сил, энергии, а порой и жизни.

...Работать приходилось много. Днем и ночью. В районе после восстановления Советской власти в 1940 году оставалось много бывших членов распушенных буржуазных партий — железнодорожники, кузисты и прочие, враждебно настроенные против нашего строя.

— Находясь прежде в подполье, — рассказывает подполковник в отставке М. Ф. Гуленок, — они в первые дни войны стали выступать открыто, вели активную антисоветскую пропаганду, распространяли провокационные слухи, сеяли панику, пытались сорвать проводимые партийными и советскими органами мероприятия.

Бойцам истребительного батальона приходилось выявлять

этих отщепенцев, давать им должный отпор. Старший лейтенант М. Ф. Гуленок арестовывал одного из руководителей местной подпольной организации железнодорожников. Тем самым была приостановлена активная деятельность остальных участников этой бандитской группы.

Немалую работу проводила наша разведка по разоблачению антисоветчиков в пограничных селах. На второй день войны Гуленок и секретарь райкома партии Белоцерковский по пути в с. Лопатник для эвакуации семей военнослужащих попали под пулеметный обстрел. Но удалось проскочить и выполнить задание райкома партии. Связь с пограничными заставами разведкой истребительного батальона поддерживалась аккуратно, что помогло в охране населенных пунктов.

Одной из больших задач, стоящих в те дни перед работниками милиции и бойцами истребительного батальона, было оказание всемерной помощи райвоенкомату в проведении мобилизации взрослого населения в ряды Красной Армии. И эта работа была выполнена в срок.

Заняв оборону вдоль границы, подразделения 389-го полка вместе с пограничной комендатурой, которой командовал капитан Волков, и пограничниками застав днем и ночью вели бой. Самые ожесточенные схватки приходились на ночное время. Отдельные села ночью несколько раз переходили из рук в руки.

До 30 июня сражались наши бойцы, причинив врагу большие потери в живой силе и технике.

Ощущались серьезные затруднения в своевременной доставке к линии фронта снарядов, патронов и других боеприпасов. Полк нуждался в дополнительном транспорте. И тут большую помощь оказали полку и пограничной комендатуре бойцы истребительного батальона. Они разъехались по селам, где, встретившись с крестьянами, владевшими лошадьми, попросили их помочь фронту. Большинство крестьян охотно откликнулись на эту просьбу, объединились в бригады, которые по ночам доставляли на передовую все необходимое для отражения натиска врага. Было около 100 подвод. Обозы с боеприпасами к линии фронта сопровождали, как правило, солдаты армейского полка или бойцы истребительного батальона. Чаще других этим занимались оперуполномоченный Петр Толстиков, милиционеры Владимир Затушевский, Григорий Шерман.

Бдительно несли бойцы батальона патрульную службу. Бойцы подвод, которыми руководили заведующий райфинотделом Михаил Гречухин, секретарь парторганизации РО НКГБ Василий Труханов и подвижная группа во главе с первым секретарем райкома комсомола Константином Геничевым выполняли трудные обязанности по борьбе с паникерами, распространителями ложных слухов, сигнальщиками, диверсантами, враждебная деятельность которых была практически сведена на нет.

...В небе над Единцами часто проходили воздушные бои. Внимательно следили за ними посты милиции. В случае выброски немецких парашютистов их встречали бы во всеоружии. В одном из воздушных поединков был подбит советский самолет, который упал недалеко от райцентра. К месту происшествия сразу же прибыла группа бойцов батальона. Но, к сожалению, было уже поздно, летчик-комсомолец оказался мертвым. Героя похоронили там же, в поле.

— В ночь на 30 июня, — вспоминает М. С. Францев, — нам позвонили из Братушанского района и сообщили, что румыны захватили часть населенных пунктов, подходят к Братушанам. Приходится уходить в тыл. Тогда и мы приняли решение отходить. В два часа ночи вывели батальон из райцентра на окраину. Ранним утром 30 июня мы с секретарем райкома партии Павлом Александровичем Трофименко и председателем райисполкома Яковом Максимовичем Майстренко объехали райцентр. Все было в порядке, заехали в полк. Нас встретил начальник штаба майор Мамедов и сообщил:

— Мы получили приказ отступить в направлении города Могилева-Подольского. В ту же сторону уходят и пограничные заставы.

Руководители района в последний раз зашли в райком партии, райисполком, попрощались с опустевшими кабинетами. Выехали вдвоём за отступившим батальоном в десять часов утра. Вскоре в местечко ворвалась на мотоциклах фашистская разведка.

— Как потом мне стало известно, — заканчивает свой рассказ Михаил Сергеевич, — немцы с ходу подъехали к РО НКВД, рассчитывая, очевидно, на беспечность, надеясь застать нас врасплох. Но этого не случилось.

Оккупантам в тот день удалось задержать только уборщицу райотделения Екатерину Чернову. Ее избивали, пытали, требовали у нее сведения о месте нахождения батальона и его командира. Но так ничего и не узнали.

* * *

Григориопольский район до 28 июня 1940 года был пограничным — почти все его села расположены вдоль Днестра. Жителям района с малых лет была присуща бдительность. Они зорко оберегали мирную жизнь, помогали пограничникам в охране государственной границы, следили, чтобы ни один нарушитель не прошел в глубь страны.

Уже в начале войны одни были призваны в ряды Красной Армии, другие нашли свое место в истребительных батальонах, сформировавшихся партизанских группах.

Когда в районе стал создаваться истребительный батальон, туда добровольно наряду с советско-партийным активом стали вступать и многие рядовые труженики. Они оказывали неоцени-

мую помощь органам НКВД и милиции в борьбе со шпионами, диверсантами, провокаторами и другими преступниками.

Командиром батальона, состоящего через три дня после начала войны из 200 человек, был утвержден начальник РО НКВД старший лейтенант Василий Семенович Музыченко. Воспитательную работу первоначально проводил второй секретарь РК КП(б)М Федор Михайлович Козин, поскольку первый секретарь Андрей Иванович Швачко в то время был вызван ЦК партии в Кишинев и обратно не возвратился. Затем обязанности комиссара батальона исполнял районный прокурор Федор Прокофьевич Таран.

Истребительный батальон действовал в тесном взаимодействии с подразделениями пулеметного батальона Григориопольского укрепрайона. Подразделения истребительного батальона были сосредоточены в таких пунктах, куда постоянно засылались шпионы и диверсанты, но их вовремя, с помощью народа, вылавливали и обезвреживали.

Первым взводом командовал коммунист, лейтенант милиции, старший оперуполномоченный угрозыска Михаил Шурман. Взвод дислоцировался в селе Колосово. Во главе второго взвода стоял начальник паспортного стола раймилиции лейтенант Иван Заливадный. Третий взвод возглавлял начальник 3-й части райвоенкомата старший лейтенант Николай Трофимович Порожнюк.

Командирами групп были подобраны инициативные коммунисты и комсомольцы. Это были председатель райисполкома Федор Федосеевич Кот, народный судья Александр Михайлович Швец, секретарь райисполкома Анатолий Павлович Мельник, участковый уполномоченный Павел Александрович Ковальчук и другие. В боевое ядро батальона входили и другие работники милиции участковые уполномоченные: в Шипке — Александр Поляков, в Григориополе — Ефим Беспаленко, Александр Горохов, Петр Краснянский, в других селах милиционеры — И. Стажилов, З. Макаренко, К. Зюрзя, работники райвоенкомата, советско-партийных и комсомольских органов.

В истребительный батальон вступали некоторые колхозники со своими семьями.

Спустя 32 года после Победы мне показали удостоверение № 11 от 15 июля 1941 года, выданное Григориопольским РО НКВД на имя бойца истребительного батальона Михаила Петровича Шнайдера, в котором указано, что за ним закреплена малокалиберная винтовка № 39/92, а затем боевая винтовка № 10/47. Как это произошло, вспоминает ныне майор-инженер запаса Шнайдер:

— Вступление в истребительный батальон было делом сугубо добровольным. Мой отец и старший брат сразу же записались. Меня же по возрасту не хотели принимать, не было еще 18 лет. Но я проявил настойчивость, говорил, что мне уже 18 лет. Однако командир батальона товарищ В. С. Музыченко не верил и не хотел зачислить меня бойцем. Но я все равно находился в расположении

штаба батальона, и моему зачислению бойцом помог случай. Поймали немецкого парашютиста-диверсанта, и начальник штаба батальона, лейтенант-пограничник, искал переводчика. Я тут же вызвался им быть, так как хорошо знал немецкий язык. После этого случая меня зачислили бойцом истребительного батальона, вместе со всеми нес службу по охране тыла.

...С первых дней войны хорошо была организована охрана порядка в ночное время в райцентре и селах. В патрулировании участвовали все бойцы батальона. Они следили за соблюдением светомаскировки, вылавливали сигнальщиков, обеспечивали сохранность объектов, находились в засадах по поимке вражеских парашютистов. Бойцами батальона были пойманы четыре парашютиста. Доставленные в РО НКВД, они дали важные показания, которые были использованы командованием Красной Армии для организации контрударов на отдельных оборонительных участках Григориопольско-Дубоссарского направления.

Много дел было у бойцов истребительного батальона. Группы секретаря РИКа Анатолия Мельника и прокурора Тарана организовали колхозников на помощь фронту. Со станции Затишье ежедневно 300 подвод доставляли к линии фронта к Днестру передовым частям Красной Армии снаряды, патроны и другие боеприпасы. Организована была планомерная эвакуация архивов и секретной документации советско-партийных организаций, скота и рабочих лошадей из совхозов и колхозов. Работники милиции отгружали секретную документацию и вывозили к ближайшей железнодорожной станции. Машину с документами сопровождали милиционер Григорий Буровец и водитель Федор Зедник.

Когда немецко-фашистские соединения прорвали оборону наших войск, здесь, на Днестре, они встретили упорное сопротивление наших войск. До войны вдоль старой границы на Днестре было построено множество дотов. Прорвав линию обороны в районе Дубоссар, противник устремился на села Котовка, Колосово, Осиповка, Васильевка, вышел в тыл Григориопольского укрепрайона. В этой критической обстановке в 20 числах июля истребительному батальону пришлось вступить в бои с передовыми частями противника и обеспечивать вывозку скота, техники, продовольствия и других ценностей. То, что нельзя было вывезти, уничтожали.

В Григориополе подрывники истребительного батальона уничтожили районный радиоузел и электростанцию, в соседних селах винпункты, помогли эвакуации раненых из Григориополя и села Глиное. После эвакуации запасного военного полевого аэродрома осталось горючее. Оно было срочно вывезено в Тирасполь. В селе Колосово после ухода одной из военных частей остался склад с продуктами. По приказу командира батальона В. С. Музыченко, командир взвода М. Б. Шурман раздал продукты оставшимся колхозникам.

Вскоре сюда пришли оккупанты. Некоторые местные жители, враждебно настроенные против Советской власти, встречали их хлебом-солью. Эту церемонию своими глазами видел лейтенант милиции Михаил Шурман, переодевшись в гражданскую одежду. В суматохе никто его не заметил и не выдал, но зато он увидел всех предателей из местных жителей, которые приветствовали непрошенных гостей. Ему удалось незаметно скрыться, а затем догнать остальных бойцов истребительного батальона, которые отступали с боями в направлении Ширяево, Вознесенска, Цебриково...

...В селе Колосово Григориопольского района в первые дни оккупации был создан и вооружен фашистами полицейский отряд, в задачу которого входила расправа с советскими активистами. Возглавлял его Зеель Отто Фридрихович, в прошлом судимый, ярый враг Советской власти.

Он сумел выследить оставшихся по нелепой случайности в оккупированном Григориополе участковых уполномоченных А. Горохова и Е. Беспаленко и арестовал их. В темную августовскую ночь каратель расстрелял А. Горохова, а Е. Беспаленко удалось бежать. Предатель поставил его для расстрела на крутой обрыв и отошел на несколько шагов, чтобы изготавиться к стрельбе. Но Беспаленко, используя этот момент, кубарем скатился вниз. Темень помогла ему уйти от преследователей. Перейдя линию фронта, участковый Беспаленко вступил в ряды Красной Армии и до конца войны бил фашистов.

Зеель и его «команда» расправились и с другими советскими людьми. Сам он расстрелял председателя сельсовета, коммунистов болгарина Виктора Железко и украинца Романа Тимофеевича Токиренко, сельских активистов немецкой национальности Фридриха Яковлевича Ессера, Фридриха Фридриховича Штроу, Эдуарда Иоановича Кусмауля, председателя сельского потребительского общества Бенциана Шмудевича Гуровича с семьей. На счету предателя Зееля свыше 40 расстрелянных советских граждан.

После освобождения Красной Армией Григориопольского района банда предателя Зееля предстала перед судом и понесла суровую кару.

Эти суровые первые дни

И. М. ЧЕРВОВ,

*участник гражданской и Великой Отечественной войн, бывший начальник политотдела
99-й стрелковой дивизии, майор в отставке*

Первые дни войны... Сказать, что это были самые тяжелые дни войны, не скажешь. Потом бывало и потруднее, и посложнее каждому, кто эту войну прошагал. Но первые дни, наверное, запомнились каждому не меньше, чем самый последний — день Победы.

Чем? Я думаю, что прежде всего колоссальным переломом в психике людей, в образе, всем укладе нашей жизни. Ведь еще вчера, скажем, 21 июня, мы дышали заботами мирной жизни — каждый своими, а уже сегодня, 22 июня, все перевернулось, у всех одна общая забота — война с ее ужасами и неопределенностями. Да, неопределенностями. Ими первые дни войны тоже запомнились особенно.

Надолго ли эта война? Да и война ли? А может, наглая провокация? Что нужно делать в первую очередь?

Не секрет, что значительная часть населения в первый день войны была полна оптимизма: врагу тут же будет дан сокрушительный отпор, и воевать мы будем не на своей, а на чужой территории. Это и понятно: ведь в предвоенные годы такая точка зрения была даже популярна.

Надо ли говорить, какие ответственные задачи ложились в этот начальный период прежде всего на партийные органы и организации. Предстояло в считанные дни преобразовать на военный лад не только близкий тыл, но и психологию людей.

В те первые военные дни мне по долгу работы пришлось быть свидетелем и участником всего того, что проводил ЦК Компартии Молдавии. Нужно было организованно провести мобилизацию в армию людей и техники, локализовать пожары и очаги разрушений от авиабомбежек, наладить эвакуацию материальных ценностей, создать отряды по борьбе с вражескими десантами, заложить основы будущего подпольного и партизанского движения, предупредить растерянность и панику. Часть работников аппарата ЦК была срочно разослана в пограничные районы, часть ушла в армию. Круглые сутки не закрывались двери Центрального Комитета. Здесь в любое время суток можно было встретить секретарей ЦК П. Г. Бородину, Н. Л. Салагору, Н. Х. Сморугу, работников С. В. Царанова, К. Д. Белоуса и других. Сюда стекалась самая оперативная информация, отсюда в районы шли оперативные указания, распоряжения, директивы.

27 июня 1941 года был создан штаб по эвакуации материальных ценностей. Его возглавил заместитель председателя Совнаркома республики Ф. Г. Ильинский. Меня назначили уполномоченным ЦК КПМ. В этот же день секретарь ЦК КПМ Н. Л. Салагора провел с уполномоченными краткий инструктаж, распределил зоны их действия.

Во второй половине ночи мне вместе с Ильинским пришлось выехать в Тирасполь. Шофер газика мастерски объезжал воронки по дороге. Ехали молча, раздумывая о предстоящих трудных делах.

Тирасполь жил тревожной жизнью. Несмотря на раннее утро, на улицах встречались группы вооруженных людей, которые останавливали нашу машину, проверяли документы. Наш газик подъехал к дому на улице Покровской. Туда же вскоре прибыли представители горкома партии и горсовета. Они доложили нам обстановку и сообщили, что оборудование с Первомайского консервного завода и других объектов уже демонтируется. Пока что работает только хлебозавод: армии и населению нужен хлеб.

Здесь же, на Покровской, в доме № 55 немедленно был собран партийно-хозяйственный актив. Ильинский ознакомил присутствующих с решением правительства об эвакуации материальных ценностей и поставил задачу провести эту работу в предельно короткие сроки. Раздалось несколько возмущенных голосов: «Да неужели мы пропустим врага через Днестр?», «Ни за что, все войдем в окопы!» Мы постарались успокоить собравшихся, объяснили, что обстановка может измениться в ближайшее время.

Работали быстро и слаженно. Через каждые 2—3 часа без освещения и гудков уходили с вокзала груженные составы. На вокзале с каждым часом увеличивалось количество людей, которые настоятельно просили эвакуировать их в глубь страны. Об этом мы в тот же день доложили в ЦК.

К следующей ночи мы получили указание эвакуировать и всех желающих. Началась более сложная работа. Если с эвакуацией ценностей дела шли оперативно, то с отправкой людей не обошлось без промахов. Рано утром я вернулся с Первомайского консервного завода. Ф. Г. Ильинский, отмеряя быстрые шаги по комнате, громко объяснялся с незнакомыми мне людьми с опухшими от бессонных ночей веками.

Я спросил, в чем дело. Ильинский, не снижая тона, ответил: «А вы куда смотрели?»

Оказалось, что на каждый вагон первого отправленного эшелона пришлось только по 15—16 человек эвакуированных. Тут же мы приняли решение располагать в вагонах не менее 35—40 человек, разрешить брать им с собой только на 4—5 суток продуктов и необходимую одежду. С этим решением ознакомили эвакуируемых.

В этот же день положение было исправлено, эшелоны уходили с полной нагрузкой. А мне Ильинский сказал: «Есть новое сроч-

ное задание, и выполнять его придется вам. Надо вооружить партизанский отряд, который должен остаться в тылу врага. Оружие и боеприпасы уже получены».

Разыскивать будущих партизан долго не пришлось: они размещались на окраине, в поселке. Встретил меня бывший секретарь Тираспольского горисполкома П. С. Топор. Поселок выглядел безжизненным. Но с наступлением темноты будущие партизаны собрались в одном из домов. Все были в приподнятом настроении, но в разговорах чувствовалась явная недооценка сложности предстоящих задач. Я поделился опытом партизанской жизни времен гражданской войны, передал им доставленное оружие и боеприпасы. Беседы затянулись до утра.

Когда возвратился в Тирасполь, город был окутан туманом. В мое отсутствие сюда приехал с группой работников нарком здравоохранения товарищ Бабанов. Его приезд был связан с эвакуацией населения, передачей из аптек медикаментов воинским частям.

В этот день усилился артиллерийский обстрел города, и мы вынуждены были справиться не очень приятное новоселье — перебраться на окраину города, в поселок Колбалку...

Работа по эвакуации материальных ценностей и людей подошла к концу. Мы дружески распрощались с Ильинским, пожелали друг другу скорой встречи, совершенно не зная, состоится ли она через несколько лет или совсем не состоится.

Потом началась моя фронтовая жизнь. Я был начальником политотдела 164-й, а затем 99-й стрелковых дивизий. С Ильинским я увиделся только в начале 1946 года, когда вернулся работать в Молдавию. За годы войны мне пришлось встречаться с сотнями и тысячами самых различных людей. Иные встречи надолго остались в памяти, иные тут же забылись.

Но первые дни войны, люди с которыми я тогда работал, запомнились навсегда. Потому что в эти дни, с этими людьми я, как и каждый, вступал в совершенно новую жизнь, полную лишений, опасностей, крутых поворотов, в жизнь, от содержания которой зависела судьба страны.

Литературная обработка Е. Ткачука

Снова в Молдавии

В. С. МЕЛЬНИКОВ,
полковник-инженер в отставке

Совершив марш из освобожденной Одессы, 18 апреля 1944 года полк занял огневые позиции в районе Глиного (у Слободзеи). В те дни части 5-й ударной армии вели бои за удержание и расширение плацдармов на западном берегу Днестра.

Поддерживая действия 320-й стрелковой дивизии, полк только за 19 апреля своим огнем обеспечил отражение атаки врага, подавил артиллерийскую батарею, открывшую огонь по боевым порядкам стрелков, уничтожил две вражеские огневые точки и до взвода его солдат.

Это — за один день. А бои шли до начала мая...

1 мая, отражая вражескую контратаку, был смертельно ранен на наблюдательном пункте командир 7-й батареи гвардии капитан А. С. Скрипников — один из опытейших и храбрейших наших офицеров, верный сын партии... Несколькими днями раньше во время марша погиб гвардии старший лейтенант Мухомедшин Джигангир, кавалер орденов Красного Знамени и Отечественной войны, ветеран полка. Вместе с ним погибли гвардии сержант Б. Ф. Михайлов и рядовой В. Т. Пронин.

К 13 мая полк перешел на огневые позиции в район Гыртоп, что юго-восточнее Дубоссар. 14 мая началось наступление 34-го гвардейского стрелкового корпуса с целью очистить от противника территорию петли, которую Днестр образовал у сел Кошница, Перерыта, Дороцкое, и занять плацдармы на гребне высот по правому берегу Днестра у Коржово, Делакеу.

В первый же день боя корпус выполнил задачу, но далее успеха не было. Бои были крайне ожесточенными, шли на земле и в воздухе.

В конце мая 1944 г. на базе нашего 110-го гвардейского армейского пушечного артиллерийского полка была создана 44-я гвардейская пушечная артиллерийская бригада. В нее кроме нашего полка вошли: 839-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион в полном составе и огневые взводы 1162-го пушечного артполка, а также несколько офицеров из других подразделений этого полка.

Бригаду формировал и командовал ею гвардии полковник Соколов Иван Александрович — начальник штаба полка в первые месяцы Отечественной войны, потом заместитель командира (с сентября 1942 г.) командир 648-го и 110-го гвардейского

артполков. Он пользовался большим уважением и авторитетом не только в полку и бригаде, но и во всей армии. Три ордена Красного Знамени и орден Александра Невского, которыми он был награжден к маю 1944 г., свидетельствовали и о его умении командовать и управлять огнем полка, и о личном мужестве и отваге в борьбе с немецкими захватчиками.

Созданный в бригаде политотдел возглавил опытный политработник гвардии подполковник Мальцев Василий Григорьевич.

По началу августа на участке действий бригады было спокойно; наша огневая деятельность ограничивалась пристрелкой и проверкой исходных данных по ренерам и плановым огням. Зато самым напряженным образом работали все органы и средства артиллерийской разведки.

Днем и ночью велись наблюдение за противником и разведка его системы обороны и огневых средств с сети наблюдательных пунктов огневых дивизионов; вместе с ними, рядом теперь действовали посты взвода оптической разведки разведдивизиона, и действовали умело. За проявленную доблесть и мужество были награждены орденами и медалями командир старший лейтенант А. Ф. Коришев и начальники постов этого взвода сержанты Н. С. Ващенко, В. П. Головнев и Ф. Р. Хорошко, командиры отделений разведки огневых дивизионов старшие сержанты А. И. Ключковский, И. П. Попов, В. Я. Симонов и В. И. Мордаев.

Непрерывно действовали на рубеже Днестра батареи звуковой разведки, предназначенные определять координаты батарей противника по звуку их выстрелов, а также координаты разрывов снарядов. Эти батареи возглавляли опытные специалисты артиллерийской инструментальной разведки капитаны В. Г. Николаев и С. Ф. Медведев. С конца мая одна из батарей звуковой разведки была перемещена в район южнее Григориополя, где обслуживала 7-ю артиллерийскую дивизию, действовавшую у нашего плацдарма. В этот период работы особо отличились звукометристы — начальники акустических баз и постов батареи звуковой разведки старшие сержанты И. С. Головашев, С. С. Моисеев, Д. П. Пилюев, И. Ф. Поплавский — их наградила командир бригады. Старшина Н. Н. Литвинов — командир измерительно-вычислительного взвода — был награжден орденом Славы 3-й степени, награда была вручена ему в тот же день. Мастерами разведки проявили себя командиры взводов старшие лейтенанты А. В. Белозеров и В. Н. Соцков.

Батарея топографической разведки, командиром которой был многоопытный, энергичный и отважный капитан С. Н. Цыцаров, нередко действовала на Днестре в отрыве от бригады. Она выполняла за лето огромную по объему работу, развивая опорную топографическую сеть, и произвела топографическую привязку 21 огневой позиции, 27 наблюдательных пунктов, многие из которых в августе заняли артиллеристы частей, прибывшие для участия в наступлении. В глубине обороны противника

батарей были засечены 25 ориентиров и др. Умелая и самоотверженная работа топографов — старших лейтенантов А. И. Латола и И. С. Михайленко, сержантов К. П. Галкина, А. Д. Мартыненко, И. П. Самодурова, В. Г. Иовича, рядового Н. И. Яблонского и других была отмечена боевыми наградами.

Фотограмметрический взвод (командир — лейтенант И. М. Шейкин) оформил три артиллерийских фотопанорамы полосы обороны армии, для чего эту полосу сфотографировал с наблюдательных пунктов, снимки топографически и тактически отцифровал, а потом смонтировал их в единую панораму.

Взвод произвел также составление трех смен аэрофотосъемки с площади 493 кв. километра. При этом отличились фотограмметристы М. Т. Зудин и К. С. Трофимов.

Успешная работа всех подразделений разведдивизиона, о чем сказано выше, была обусловлена хорошей выучкой личного состава и умелым руководством со стороны командира дивизиона майора А. И. Повелейко, а также начальника штаба капитана А. П. Котова, заместителя командира по политчасти майора А. А. Чауса. Командование бригады начало присваивать личному составу дивизиона звание гвардейцев, вручать значки «Гвардия СССР».

В наступлении

К середине августа 1-й и 2-й дивизионы составляли группу АДД-32 (артиллерии дальнего действия 32-го стрелкового корпуса), имея огневые позиции в балке у Ново-Владимировки и восточнее села Бутор; была установлена связь с командующими артиллерией стрелковых дивизий. 3-й дивизион сначала один батарея, потом в полном составе вошел в подчинение командира 26-го гвардейского стрелкового корпуса и ушел в район северо-восточнее Оргеева; вместе с ним пошла вторая звукобатарея.

18 августа в 9 часов два батальона (один — из района северо-западнее окраины Шерпен, другой — из района южнее Мукомольни, что на южной окраине Шерпен) внезапно атаковали противника с целью соединить плацдармы, которые были разведены селом Шерпены, находившимся в руках противника. Правый батальон продвинулся на 600 метров в обход Шерпен с запада; батальон, наступавший с юга, ворвался в первую линию траншей и овладел ею. Минные поля замедлили темп продвижения. Это позволило противнику опомниться; начали работать его артбатареи, подошли танки и штурмовые орудия, была подброшена мотопехота...

По плану бригада не должна была участвовать в бою, но получила приказ открыть огонь. Нами были подавлены трехорудийная 150 мм и двухорудийная 105 мм батареи, рассеяны

скопления танков, штурмовых орудий, машин и пехоты. Атаки немцев были отбиты; но соединить плацдармы батальонам не удалось...

Вечером от командующего артиллерией 5-й ударной армии генерал-майора артиллерии П. И. Косенко поступило приказание о переходе 1-го дивизиона на огневые позиции в район южнее Ташлыка. Переместились в район Ташлыка наблюдательные пункты, разведдивизион и штаб бригады.

С утра 20 августа было тихо. В 12 часов наши батальоны на плацдарме у Вайново поднялись в атаку и стремительным броском овладели высотой 79.4 — наиболее удобным для наблюдений пунктом.

21 августа в полдень генерал П. И. Косенко прибыл в штаб бригады и лично поставил командованию бригады боевую задачу. Позже поступил боевой приказ из штаба артиллерии корпуса.

К 17 часам штабом бригады (начальник штаба подполковник И. В. Шахов, его заместитель майор Ф. И. Белехов, помощник — автор этих строк, при участии сержантов Д. М. Гайдакина, С. И. Лермана, А. А. Морозова) были разработаны и оформлены боевой приказ, план артнаступления, произведен расчет площадей подавления и потребного количества боеприпасов. Были подготовлены списки координат батарей противника, подлежащих подавлению, и схемы перемещения боевых порядков. Начальник связи полка майор Н. И. Хренов и его помощник по радио старший лейтенант Г. Д. Трубочанинов в то же самое время отработали документы по организации связи. И нарочными все они были доставлены в 1-й и 2-й дивизионы.

Далее работа по планированию огня была продолжена в штабах 1-го и 2-го дивизионов, которые возглавляли капитаны И. Ф. Халин и А. С. Куко. Работали они быстро, сноровисто, четко. Вскоре огневые задачи на наступление были доведены до каждого орудия.

Итак, предстоит наступление; мы к нему готовы.

Не прошло незамеченным, однако, что на шесть батарей двух дивизионов бригады назначены для подавления одиннадцать (!) батарей противника; что перед самым наступлением боевой порядок бригады был растянут от Бутора до Суслен — на 70 с лишним километров по фронту... Стало ясно: не здесь, не 5-й ударной армией будет наноситься главный удар фронта в наступлении. Но наши задачи от этого не стали ни легкими, ни малоответственными.

Хорошее политико-моральное состояние личного состава — это, как известно, необходимое условие успешного выполнения боевых задач. В месяцы, предшествовавшие наступлению, огромную воспитательную работу провели, вместе с командирами, начальник политотдела подполковник В. Г. Мальцев, гвардейцы — майоры Н. И. Филатов и К. А. Смирнов, капитан А. В. Довженко, заместители командиров дивизионов по политчасти майоры

Н. Я. Лицманов, П. С. Ремень, А. А. Чаус, Г. А. Зурков, парторги дивизионов капитан Л. М. Шнапер, старшие лейтенанты А. Ф. Ефимов, В. М. Кац, Ф. С. Сибига.

22 августа огневая деятельность артиллерии и минометов противника, слабая с утра, к полудню сильно возросла. Обстрелу подвергались, в основном, наши плацдармы, а также районы Ташлыка и Бутора. Нам приказано не отвечать.

С 14 часов стало отмечаться усиление движения автомашин и повозок в лагере противника. Позже был обнаружен уход одной артбатареи противника с направления Коржево... В 17 часов противник зажег на переднем крае дымовые шапки. Часа через три в районах огневых позиций ряда батарей вспыхнули пожары: противник готовился отходить.

Отход был обнаружен в 3-м часу 23 августа.

Вслед за передовыми подразделениями стрелковых дивизий вперед двинулись разведка и радисты бригады. К 9 часам передовые наблюдательные пункты продвинулись на 8 километров и вошли в Ново-Романовку.

В 10-м часу по приказу комбрига полковника Соколова снялись с позиций и пошли вперед 1-й и 2-й дивизионы. До 13 часов 15 минут они переправились через Днестр юго-западнее Ташлыка. Движение батарей в районе бывшего переднего края было замедленным: в сплошных минных полях саперами были расчищены только узкие проходы, да и куда свернешь с 7,5-тонными орудиями, когда все перерыто окопами и траншеями? Когда вышли в поле, движение орудий ускорилось.

Бригадные разведчики, следуя на автомашинах, обогнали передовые отряды пехоты и достигли окраины Мерен, где обосновалась группа прикрытия немцев. Старшие лейтенанты П. П. Скалин — командир взвода разведки и командиры взводов управления батарей 1-го дивизиона А. А. Шимаковский и Я. М. Пивоваров доложили по радио в штаб бригады и атаковали немцев.

Благодаря внезапной атаке численно превосходящий противник был обращен в бегство.

Мужественно и бесстрашно действовали в этом бою гвардейцы — сержанты Д. П. Гайдуков, Н. П. Костюков, радиотелеграфисты В. Н. Карзанов, А. П. Карачун, шофер ефрейтор В. М. Селезнев: им удалось перебить прислугу вражеского орудия прежде, чем противник открыл огонь, поэтому две пушки стали нашими трофеями... Я. М. Пивоваров захватил у немцев пулемет и огнем из него уничтожил 13 гитлеровцев. Разведчик С. Д. Хозрашвили увидел немца, прицеливавшегося в его командира взвода, и сразил врага быстрым и точным выстрелом. Попытка врага задержать здесь продвижение наших частей была сорвана.

Своевременные и точные доклады об обстановке позволили командованию и штабу оперативно влиять на марш подразделений. Так, 1-й дивизион, взаимодействовавший с 60-й гвардейской

стрелковой дивизией, перед Чимишенами получил от полковника И. А. Соколова приказание повернуть на Будешты.

Командир 1-го дивизиона майор В. А. Голец, проявив высокое умение управлять подразделениями, после 50-километрового марша развернул к 20 часам двенадцать орудий дивизиона на огневых позициях северо-восточнее Новых Чекан. В указанное командованием дивизии время батареи капитанов А. Г. Гришина, А. М. Лавриненко и В. Е. Семенова открыли прицельный огонь по огневым средствам противника, мешавшим продвижению частей 60-й гвардейской стрелковой дивизии, подавили две минометные батареи и 5 станковых пулеметов, чем способствовали выходу дивизий на окраину Кишинева и быстрейшему продвижению ее к центру города.

2-й дивизион организованно и четко следовал за пехотой 416-й стрелковой дивизии. К 19 часам командир дивизиона майор А. А. Ларионов развернул батареи, которыми командовали капитаны П. А. Иванов, А. И. Вайн и А. Ф. Болмасов в балке юго-восточнее Новых Чекан и приказал быстро изготовиться к ведению огня. А огонь наших тяжелых батарей требовался: подразделения дивизии, вышедшие на обращенные к Кишиневу скаты высот, встретили сопротивление — из слободы Кожевенной били пулеметы, из центра города и южной окраины Бол. Малины вели огонь минометы врага... В 21 час дивизион нанес удар по минометным батареям и взял под огонь юго-западные выходы из Кишинева, чем способствовал успеху частей дивизии.

А как действовал 3-й дивизион в полосе 26-го гвардейского стрелкового корпуса?

Первой прибыла сюда 9-я батарея капитана Д. Л. Пейсаховича. С 10 по 20 августа огневые взводы этой батареи перешли к роще южнее Суспен. Выполняя план и задачи штаба артиллерии корпуса, вели огонь, создавая у противника ложное представление о группировке нашей тяжелой артиллерии. (Заметим: других орудий такого типа в составе и 26-го гвардейского и 32-го стрелковых корпусов не было.)

За три дня до начала наступления весь третий дивизион, совершив в одну ночь 90-километровый марш с форсированием Днестра, перешел в указанный позиционный район. Командир дивизиона майор И. И. Макаренко сумел не только на редкость организованно провести марш, но и быстро освоить новый участок и создать централизованное управление огнем дивизиона, составлявшего корпусную группу особого назначения.

22 августа в полосе 26-го гвардейского стрелкового корпуса наша артиллерия не молчала; майор Макаренко получил приказ подавлять вражеские батареи, которые вели огонь. С помощью 2-й батареи звуковой разведки были обнаружены и пристреляны две артиллерийские и минометная батареи. Одна за друго-

они были подавлены огнем наших быстро и слаженно действовавших батарей капитанов И. Я. Янченко, А. В. Лантухова и Д. Л. Пейсаховича.

Разведчиками-наблюдателями под руководством старшего лейтенанта В. Г. Горшкова был обнаружен склад боеприпасов; подвергнув его обстрелу, дивизион взорвал склад, лишил противника снарядов и мин.

Перед наступлением темноты противник начал отход, который был своевременно обнаружен. Части корпуса преследовали противника, не давая ему оторваться, а 3-й дивизион вел огонь, затрудняя отход. Так, например, по колонне, двинувшейся в направлении Пересечино, было выпущено 49 снарядов, которые рвались в гуще врага. В этот день отличились вместе с другими телефонисты Я. Ф. Сулима и А. Ф. Плескачев: под жестоким огнем противника они устранили много повреждений линий связи и обеспечили тем самым первый — засечку звукобатарей стрелявших батарей противника, а второй — управление огнем на их подавление. Было это при бое за освобождение правобережной части Оргеева.

К 18 часам 23 августа 3-й дивизион, совершив 50-километровый марш, по приказанию командующего артиллерией корпуса полковника М. П. Михайличенко развернул батарею в 8 км севернее Кишинева.

К исходу дня корпус завязал бои на северо-восточной и северо-западной окраинах Кишинева, где встретил огневое сопротивление. Дивизион участвовал в короткой артподготовке, после которой части корпуса сломили сопротивление противника и с боем вышли к центру города.

Таким образом, сопровождая и поддерживая пехоту огнем и колесами, бригада в полном составе приняла участие в решающем бое за Кишинев, причем по врагу было выпущено более пяти тонн снарядов. В спешке боя не были осмотрены позиции противника, по которым батареи вели огонь, не был уточнен ущерб, нанесенный врагу их огнем. Одно было установлено точно: как только в непосредственной близости от города «заухали» наши тяжелые орудия и на позициях врага и на путях его отхода стали рваться мощные снаряды, в рядах немцев начался переполох и они оставили Кишинев, не успев полностью осуществить разрушения в городе...

24 августа части армии, преследуя отступавшего противника, с боями продвигались вперед. Москва готовилась салютовать войскам, отличившимся при освобождении Кишинева, в том числе нам, «артиллеристам полковника Соколова», а бригада продолжала неотступно сопровождать пехоту.

Наши разведчики, возглавляемые в бригаде начальником разведки майором Н. Г. Докудовским, а в дивизионах и батареях — старшими лейтенантами В. С. Цветковым, А. А. Шумским,

И. И. Пьяниковым, Л. М. Койнашем и др., шли вперед вместе с передовыми подразделениями пехоты, своевременно докладывая о противнике и положении наших частей, что позволяло вовремя уточнять боевые задачи дивизионов. Командиры отделений разведки и разведчики-наблюдатели показали в боях хорошую выучку, совершили немало славных подвигов. Вот некоторые примеры в дополнение к приведенным ранее: сержант П. П. Семенов в районе Оргеева обнаружил, находясь под огнем, минометную батарею противника, передал целеуказание, что позволило уничтожить эту батарею огнем нашей артиллерии; при освобождении Кишинева он ворвался в город вместе с передовыми отрядами пехоты и сообщил ценные сведения о противнике.

Старший сержант Г. Д. Попов, ворвавшись в Кишинев в боевых порядках пехоты, обнаружил вражескую батарею, вызвал огонь своей батареи и, корректируя его, подавил батарею противника, а также подбил две автомашины. Он уничтожил огнем из автомата несколько гитлеровцев и взял в плен пять... За совершенные подвиги П. П. Семенов, Г. Д. Попов, а также сержант Н. П. Костюков и красноармеец В. П. Рождественский были награждены орденами Славы 3-й степени. Красноармеец А. Г. Тихонькин отличался особой смелостью в бою. Он не раз выдвигался к переднему краю обороны противника, чтобы лучше разведать его огневые точки. В боях на Днестре он по плавням, в холодной воде, вынес с поля боя тяжело раненного радиста, чем спас ему жизнь. В бою за Кишинев обнаружил артиллерийскую и минометную батареи, которые затем были подавлены... Тихонькин, а также другие гвардейцы-разведчики старшина И. Я. Тарабаркин, ефрейторы Н. Д. Денисенко, И. К. Енюков, В. А. Мазалов, Б. И. Нагоркин и другие были награждены орденами и медалями в боях за Молдавию.

Наши связисты — начальник связи бригады майор Н. И. Хренов, старшие лейтенанты Г. Д. Трубочников, П. И. Лещинский, Д. П. Свиридов и лейтенант А. А. Дробышев добились того, что командир бригады и командиры дивизионов и батарей, а также штабы бригады и дивизионов имели бесперебойную связь как между собой, так и с поддерживаемыми стрелковыми частями, что позволяло своевременно обеспечивать огнем наступление пехоты. Сержанты и рядовые — радисты и телефонисты — показали немало образцов умения и отваги в бою. Так, красноармеец А. П. Карачун обеспечил штабу бригады бесперебойную радиосвязь с 9-й батареей и всем 3-м дивизионом на дальность 50 километров, что значительно больше нормы: связь на расстоянии в 2 раза больше нормы держали и сержанты Б. М. Корнейчев и И. З. Николенко. Телефонист Д. Н. Чекурин, прокладывая линию связи, обнаружили группу гитлеровцев. Скрытно подобравшись к ним, он скомандовал: «Руки вверх!» — обезоружил офицера, схватившегося за писто-

лет, взял его и еще 8 солдат в плен. Славные подвиги совершали также сержанты и рядовые А. А. Абсатаров, Н. И. Бобрин, В. Ф. Иванюшин, Я. И. Нечаев, А. И. Семин, С. П. Семенычев, Н. Е. Упский, М. Е. Хрищатый, И. Т. Шевченко, телефонистка М. А. Сахнова и другие. 1-й и 2-й дивизионы не задержались в Кишиневе, а пошли вперед. Сначала район огневых позиций им был назначен у Сочитен. Но разведчики докладывали об успешном продвижении частей 32-го стрелкового корпуса, поэтому полковник И. А. Соколов приказал следовать до Бардара, где батареи развернулись и стояли в готовности открыть огонь по первому требованию.

Есть в артиллерии скромная, но очень важная офицерская должность: командир огневого взвода. В каждой батарее их было по два (по числу огневых взводов); один из этих командиров был старшим офицером батареи (или старшим на батарее). Это они — командиры огневых взводов непосредственно руководили маршем орудий; от их распорядительности и мастерства зависели быстрота развертывания орудий на новых огневых позициях и готовность к открытию огня, а затем его точность и быстрота маневра траекториями. В боях за Молдавию самую высокую оценку командования заслужили командиры огневых взводов старшие лейтенанты и лейтенанты Н. И. Кононов, В. И. Трухтанов, К. М. Силенин, А. И. Шилягин, Д. М. Карпов, А. П. Чернуха, В. Н. Гизатулин, С. И. Лаговский, И. Я. Сичар, Н. В. Третьяков и другие.

Заслуженными наградами было отмечено четкое выполнение боевых заданий, отвага и самоотверженность командиров орудий, наводчиков и других номеров орудийных, сержантов и рядовых К. Ф. Беспалова, Д. С. Бездетнова, Ю. А. Абдулаева, А. М. Захарова, Х. Гарипова, Г. П. Гогиявы, Ф. Г. Саркисавили и других. Наград по праву удостоились и те, кто поддерживал в постоянной исправности и вел тягачи — тракторы ЧТЗ-65 — с орудиями.

Утром 25 августа бригадная разведка первой достигла моста через р. Когильник и помешала немцам его взорвать. Подоспевшие стрелковые подразделения с ходу атаковали Котовск (Ганчешты), в ожесточенном бою разгромили вражеский заслон. По получении донесения об успешных боях за Котовск комбриг послал дивизионы вперед.

На марше по батареям неожиданно открыли огонь из автоматов и пулеметов группы немцев, пытавшихся выйти из окружения. Но огневики были готовы к неожиданностям. Бой был коротким. Одна группа врага была уничтожена, другая предпочла сдаться в плен. По обоим сторонам дороги наши батареи не раз встречали исковерканные повозки, автомашины, пушки и другую технику, трупы лошадей, солдат, офицеров врага — следы работы нашей штурмовой авиации.

К 15 часам дивизионы подошли к Котовску и развернули орудия: 2-й — слева от дороги, перед мостом, а 1-й — справа от дороги на окраине Котовска.

Часом позже разведка доложила, что у Сарата-Галбенэ большое скопление пехоты, обозов и техники врага. По этому району и по скоплениям врага у с. Каракуй дивизионы совершают мощные огневые налеты. Цели были накрыты хорошо. Еще и еще посылали туда наши гвардейцы снаряды, отбивая у врага охоту наступать. Вечером противник вел себя тихо.

На рассвете 26 августа разведчики сообщили: с направления Сарата-Галбенэ на Мерешены движутся густые колонны немцев. По приказу штаба изготовился к бою 1-й дивизион. После быстро проведенной пристрелки майор Ф. И. Белехов скомандовал беглый огонь. Снаряды рвались в гуще колонн... Долго потом над балкой стояли стоны и вой... Оставшиеся в живых сдавались в плен.

Днем район огневого воздействия был осмотрен. Это была обычная для Молдавии балка. Маленький ручей, протекавший внизу, делал чернозем липким, как смола, в нем колеса машин застревают безнадежно... Восточный берег балки крутой, западные склоны — пологие, с дорогой вдоль ручья. В этом районе — сотни машин, разбитых и целых, в колоннах и вне их. Здесь же сотни лошадей — здоровых и искалеченных, в упряжи и с обрезанными построками — следами паники. Лошади бродили среди машин, повозок, трупов и пожарищ. В машинах и на повозках полно военных грузов. Но кое-где из чемоданов и ранцев вываливалось... детское белье; некоторые из владельцев этих «трофеев» валялись здесь же. Эти и отворовались, и отвоевались. Их было множество.

Днем через этот район пытался пройти еще один «блуждающий котел». Немцы — их было до пяти сотен — неожиданно высыпали на бугры, что восточнее ручья, и открыли автоматный и пулеметный огонь. На их пути оказалась группа разведчиков бригады, а также одиночки-бойцы. Разведчики залегли. Около них стали собираться одиночные бойцы. Силы были явно неравные, но разведчики не дрогнули. Началась перестрелка. В бою был тяжело ранен шофер ефрейтор Г. Н. Кожухарь, но он продолжал вести прицельный огонь из карабина... Исход боя решили батареи наших дивизионов и минометы, через 2 — 3 минуты открывшие сильный огонь. Вскоре немцы выбросили белые флаги и начали сдаваться в плен.

Были и другие стычки вроде этой. Но основные бои в полосе 32-го стрелкового корпуса были уже позади. 26 августа бригада (без 3-го дивизиона) пошла в район сосредоточения у Лапушны.

Продолжая действовать с 26-м гвардейским стрелковым корпусом, 3-й дивизион 24 августа выдвинулся на позиции у Мал. Малины, а затем пошел на Стольничены.

В 9 часов утра 25 августа передовые наблюдательные пункты дивизиона обнаружили колонны отходящего противника. Развернув 9-ю батарею в 2 километрах восточнее Стольничен, майор И. И. Макаренко после быстро проведенной пристрелки дал огневой налет. Было уничтожено 2 и подбито 4 автомашины, 12 повозок, убито до полутора сотен солдат и офицеров противника. Такой была последняя сводка дивизиона, вошедшая в отчет бригады о ее боевых действиях.

В район сосредоточения дивизион прибыл 30 августа.

...В августе 1941 г., отступая с Днестра, мы надеялись вернуться и освободить Молдавию от захватчиков. Наша надежда сбылась через три года.

В боях за Молдавию в 1944 г. участвовали в бригаде воины 25 национальностей: русские, украинцы, белорусы, молдаване, армяне, грузины, азербайджанцы, узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, латыши, евреи, кабардинцы, осетины, даргин, чечен, татары, чуваша, мордвина, башкиры, удмурты, марийцы, поляки.

За отличное выполнение боевых заданий командования в боях Ясско-Кишиневской операции орденами и медалями был награжден 121 человек. Это ли не подтверждение того, что героизм солдат, сержантов и офицеров в боях за Молдавию был массовым. За пять дней боев принято в члены КПСС 26 человек и в кандидаты — 31 человек, наиболее отличившихся в боях.

В начале сентября 1944 г. бригада покинула Молдавию, оставив в ее земле отважных сынов Родины, павших смертью храбрых: гвардии сержантов П. В. Заниздру и Н. С. Матяша, гвардии красноармейцев Н. Я. Шобика, В. Ф. Букурова, П. И. Обухова. Пусть вечной будет ваша слава, герои!

В. И. БАРАНОВ,

гвардии капитан юстиции в отставке

Среди моих боевых наград есть орден Красной Звезды. Этой наградой я особенно дорожу, так как получил ее за освобождение края, в котором и остался после войны. Живу я в Черновцах, а соединение, в котором я воевал, освобождало Северную Молдавию и некоторые районы Черновицкой области.

Часто бываю в Молдавии, на местах бывших боев. И вот решил написать о том, как все это было в те мартовские дни 1944 года.

Правда, не всему изложенному ниже я был непосредственным свидетелем. Да и многому ли мог быть свидетелем рядовой офицер?! Подчас мы, сидя в окопах или меся грязь на дорогах наступления, не знали даже, что творится в соседнем полку. Когда же прошло время и память опять вернулась к фронтовым дням и ночам, каждому из нас хотелось предельно точно установить, какое место в больших событиях занимали его рота, батальон, полк, дивизия.

Так у каждого участника войны какие-то частные эпизоды фронтовой жизни складывались в целостную картину событий большого масштаба.

Поэтому, повторяю, то, о чем я хочу рассказать, это не только и не столько лично мои наблюдения. Это, скорее, сумма впечатлений, сведений, воспоминаний, которые я вынес из встреч с однополчанами, с теми, кто шел по тем же фронтовым дорогам.

Весна 1944 года рано дала о себе знать. Выпадали обильные снега, шли частые дожди, были и заморозки, и оттепели. Дороги войска до того размесили, что всякое движение транспорта по ним было почти невозможно.

Нам предстояло разгромить Уманскую группировку противника и овладеть первоначально рубежами Ладыжин — Гайворон, а на втором этапе форсировать Днестр и нанести удар по врагу в направлении Липкан, чтобы затем выйти на бывшую Государственную границу СССР.

Командующий фронтом маршал И. С. Конев побывал в дивизиях 40-й армии, сказал генерал-лейтенанту Ф. Ф. Жмаченко:

— Полагаю, вы понимаете, что сложившаяся обстановка требует от нас вести наступательные операции с высокой маневренностью, быстрыми темпами, без длительных пауз для подготовки этих операций.

Готовилась к этим трудным боям и наша 42-я гвардейская

стрелковая дивизия. Командовал ею генерал-майор Ф. А. Бобров. Только через многие годы после войны мне удалось собрать некоторые скудные биографические сведения о нашем генерале. Тогда же мы, офицеры, знали о нем совсем немного, как, впрочем, немногие знали о прошлом командиров и в других соединениях.

Федор Александрович Бобров родился в марте 1898 года в бедной крестьянской семье в селе Бобры Витебской губернии. С ранних лет он познал тяжелый труд землепашца. Первая мировая война. Он мобилизован в царскую армию. Позже девятнадцатилетний Бобров принимает активное участие в революционных событиях 1917 года. Еще позже организовал из бывших солдат Красной гвардии отряд. Был начальником команды станковых пулеметов.

В период гражданской войны Ф. А. Бобров защищал Петроград, воевал на Восточном и Южном фронтах, получил тяжелое ранение. Но жизнь свою навсегда связал с армией. Она и воспитала в нем все необходимые качества командира.

Бобров хорошо знал и понимал солдата, понимал значение политической работы среди бойцов. Тогда, в марте, на одном из совещаний командиров и политработников дивизии Бобров говорил:

— Мы должны готовить к трудным боям каждого солдата. Слово политработника тут приобретает двойной вес — ведь наша задача заключается в том, чтобы выйти на священную Государственную границу СССР.

В период подготовки войск к наступлению генерал Бобров лично проводил по несколько собраний в каждом полку. Он умел просто и доходчиво рассказать солдату о боевой задаче, вдохновить его.

5 марта, на рассвете, артподготовка известила о начале наступления в Уманско-Ботошанской операции. Взламывая оборону противника на реке Горный Тикач, гвардейцы 136-го полка майора Л. Я. Уставщикова ударили по флангу врага, а 132-й полк 42-й дивизии под командованием Героя Советского Союза П. И. Шурухина при поддержке огня танкового корпуса форсировал реку. В течение двух недель шли упорные бои. Гвардейцы дивизии потеснили противника, форсировали реку Южный Буг и с ходу первыми ворвались в район Ладыжин, освободили один за другим ряд населенных пунктов Украины.

За успешные боевые действия маршал И. С. Конев объявил гвардейцам благодарность.

За эти же бои 42-я стрелковая дивизия была награждена орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, а заместитель командира полка по политчасти майор Л. С. Смозюк, капитан В. Д. Колупов, старший лейтенант М. Т. Голубев, рядовой А. И. Шатохин были удостоены звания Героя Советского Союза.

Генерал Бобров всегда был там, где труднее, где немедленно

требовалось его личное присутствие. Гвардейцы любили своего командира. Они верили ему, считали, что раз генерал с ними, то фашисты будут разбиты, победа будет непременно одержана.

Развивая наступление, дивизия продвинулась севернее Могилева-Подольского. С захватом этого города предстояло форсировать Днестр. Реку нужно было преодолеть как можно быстрее, так как в этом районе правобережья в руках противника важные железнодорожные узлы — Окиница и Липканы, которые обеспечивали немецкую оборону живой силой и боеприпасами. Но сначала нужно было разведать правый берег — задача не из легких. Ее-то и поручили выполнить начальнику разведки 127-го полка майору И. П. Зиме. Операция поручалась самому начальнику разведки отчасти потому, что Иван Павлович Зима работал до войны начальником геологоразведочной партии в Сокирянском и Новоселицком районах. Он хорошо знал местность, ибо исходил со своей партией каждый километр побережья.

В ночь на 20 марта группа разведчиков переправилась на правый берег Днестра и заняла маленький плацдарм. Охранять его оставили сержанта Кабильчика с пятью автоматчиками, а Зима, сержант Чередник и два автоматчика направлялись к селу Волошково. В течение дня разведчики определили расположение огневых точек и места возможного сопротивления противника. Вечером, возвращаясь к реке, разведчики заметили двух немцев, шедших с переднего края обороны в село. Организовали засаду. В штаб дивизии вернулись с «языком». За эту операцию разведчики были награждены орденами, а Герой Советского Союза И. П. Зима получил пятую награду — орден Отечественной войны 1-й степени. Дивизия готовилась к форсированию Днестра: были приведены в порядок надувные лодки, в подразделениях изыскивали подручные средства для переправы, артиллеристы противотанкового дивизиона майора П. С. Трошилова занимали боевые позиции для поддержки огнем наступающих.

Первым форсировал Днестр в ночь на 29 марта 127-й полк майора Середы. За ним переправился 136-й полк майора Уставщикова, а 132-й полк подполковника Шурухина прикрывал правый фланг дивизии от окруженной фашистской группировки в районе Ханьковцы — Жеребьевка, которую добивала 133-я стрелковая дивизия.

И все же самой первой на правом берегу оказалась стрелковая рота лейтенанта Островского. Сразу же появились осветительные ракеты противника, по наступающим был открыт беспорядочный огонь врага, но они все же достигли берега и заняли плацдарм. Для его укрепления командир передового батальона Л. И. Дряпа быстро организовал переправу 2-й роты лейтенанта Николаева.

Саперы капитана Скоробогатко под обстрелом противника оперативно переправляли одно подразделение за другим. Надежными помощниками наступающих бойцов были артиллеристы,

которые поддерживали огнем передовые части. Ночной бой на правом берегу реки все больше и больше ожесточался, но на рассвете, когда переправился 136-й полк, сопротивление противника было сломлено. Были освобождены населенные пункты Волошково и Васильевка, а плацдарм расширился до 8 километров по фронту.

Жители села Волошково радостно встретили наших воинов. А еще до этого Иван Перевозник, Опанас Решетник, Артем Гуцул и другие с риском для жизни помогали нашим солдатам быстрее переправиться через Днестр.

В ночных боях дивизия уничтожила более 470 человек противника, захватила три склада, самоходное орудие, 60 человек пленных и много военной техники.

Утром следующего дня первым продолжил наступление 136-й полк майора Уставщикова. Полковая разведка доложила, что гитлеровцы закрепились перед Сокирянами. Тогда командир полка решил обходным маневром атаковать противника. Гвардейцы с фланга достигли окраины Сокирян и с криками «ура!» стремительно бросились в атаку. Перепуганные фашисты всюду встречали автоматный огонь, пулеметные очереди, взрывы гранат. Фланговые атаки дали возможность уже к 11 часам освободить районный центр Сокиряны.

Противник отступил на железнодорожную станцию в трех километрах от районного центра. Оттуда он предпринял несколько контратак при поддержке бронепоезда. Гвардейцы батальона И. М. Дудуры сдерживали контратаки, в то время как рота автоматчиков старшего лейтенанта И. Слепого и стрелковая рота В. Мешкова скрытно обошли врага с тыла. Внезапным совместным ударом противник был разбит, а станция Сокиряны была освобождена.

В этих боях дивизия уничтожила более 200 гитлеровцев, захватив трофеи и пленных. В то же время на левом фланге вела наступление на железнодорожную станцию Окиница 163-я дивизия. Совместными с нашей дивизией усилиями группировка противника в упорных боях была уничтожена, а 24 марта рабочий поселок и железнодорожная станция Окиница были тоже освобождены. Но после этого 42-я дивизия, как передовая ударная группа армии, продолжала выполнять задачу выхода на Государственную границу СССР в районе Липкан. Сломив сопротивление противника, дивизия овладела населенными пунктами Кобольчин, Гвоздивцы, Мендыковцы, Алексеевка. При отступлении немцы сжигали дома, грабили местное население, расстреливали местных жителей. Так, в селе Гвоздивцы они расстреляли П. С. Тимчука, И. А. Видижу, М. П. Матьковского и других. Освобождая села, мы всегда сталкивались с фактами чудовищных злодеяний гитлеровцев. Бойцы горели стремлением быстрее очистить нашу землю от коричневой чумы. Но враг был еще силен. Обстановка часто менялась. Противник начал контратаковать большими силами, сдерживая наше

продвижение на запад. 136-й полк отбивал яростные атаки из района Требисоуц, артиллеристы 91-го полка пытались остановить наступление танков и самоходных орудий, а 132-й полк, совершив обходной маневр, с ходу вступил в бой, помогая другим полкам отбивать контратаки. Только за 25 марта дивизия отбила более 10 мощных контратак. Гвардейцы выстояли. Враг через их оборону не прошел, оставив на поле боя 3 танка, 2 самоходных орудия, 5 пушек, 8 пулеметов, более 350 солдат и офицеров. Успешнее шли дела на левом фланге, где наступал 127-й полк майора Середы. Полк овладел населенным пунктом Перерыта, а 232-я стрелковая дивизия заняла Тицканы. Это выравнило положение на правом фланге в направлении Липкан. Преследуя врага, 136-й полк решительным ударом овладел населенным пунктом Бластинешты, а затем Шересуцами и Липканами. Это уже была граница. Враг на участке боевых действий дивизии был отброшен на территорию Румынии. Тысячу девять дней и ночей в упорных сражениях мы шли к этой заветной цели — достичь границы СССР.

Безграничной радостью были наполнены сердца наших гвардейцев. Не обращая внимания на близость врага, они салютовали из автоматов, кричали «ура!», обнимались и целовались, бросали вверх шапки, пили холодную воду из Прута.

Командиры и политработники в боевых донесениях отмечали массовый героизм гвардейцев в боях за освобождение южной части Буковины и Бричанского района Молдавии.

26 марта Москва 24-мя залпами из 324-х орудий возвестила о замечательной победе воинов 2-го Украинского фронта, вышедших на Государственную границу СССР.

За успешные боевые действия на территории Буковины и северной Молдавии, за выход первыми на Государственную границу 42-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина, а командир дивизии Ф. А. Бобров орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени. За мужество и умелое руководство боевыми действиями многие бойцы, командиры и политработники были награждены орденами и медалями нашей Родины. За участие в операции по выходу на Государственную границу СССР был награжден орденом и автор этих строк...

Вскоре дивизия получила приказ перенести боевые действия на территорию Румынии. В ночь на 27 марта подразделения батальона Дряпа 127-го полка форсировали Прут в районе Перерыта. На следующий день в районе Липкан реку форсировал 136-й полк. Завязались бои за расширение плацдарма на территории Румынии. Гвардейцы выбили фашистов из населенных пунктов Крайничены, Редеуцы, Дарабань. Однако неожиданно для нас поступил приказ: занять оборону. Нас, вступивших на территорию Румынии, тепло приветствовали жители поселка Дарабань. Вышли навстречу с красным флагом, преподнесли хлеб-соль. Стихийно возник митинг. Власти поселка благодарили на-

ших воинов за освобождение от фашистского порабощения. С коротким ответным словом выступил генерал Ф. А. Бобров:

— Воины Красной Армии пришли на вашу землю не для захвата территории Румынии, а для уничтожения фашизма. Советский солдат, воспитанный Коммунистической партией в духе интернациональной дружбы и мира с трудовым народом, никому вреда не причинит, а потому жители поселка могут жить и работать спокойно.

После перевода речи командира дивизии на румынский язык по всей площади прокатилось многократное «ура!».

Вечером в театре и парке жители организовали танцы. Громко играли советский и румынские оркестры. Все напоминало мирную обстановку, хотя на передовой вовсю шла стрельба...

42-я гвардейская стрелковая дивизия активное боевое участие принимала в Яско-Кишиневской операции.

Утром 20 августа гвардейцы перешли в наступление и в течение двух суток взламывали оборону противника в предгорьях Карпат — в районе Парканского укрепрайона.

При прорыве обороны врага командир отдельной штурмовой роты сержант Николай Кучерявый повторил героический подвиг А. Матросова. В ходе наступления батальон залег перед заминированным проволочным заграждением. Обойти его в горах было невозможно. Из ближайших дотов строчили немецкие пулеметы, которые еще плотнее прижимали наших бойцов к земле. Командир отделения Кучерявый, оценив обстановку, быстро поднялся и крикнул:

— Вперед, гвардейцы! За Родину!

Он быстро побежал к проволочному заграждению и бросился всем телом на него. Мощный взрыв разбросал во все стороны каменистую землю, столбы, обрывки проволоки. В образовавшийся проход кинулись гвардейцы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии сержанту Кучерявому Николаю Даниловичу за совершенный подвиг было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он павечно зачислен в списки воинской части.

Преодолевая предгорья Карпат, дивизия заняла города Пятру, Тыргу-Нямц, Быстрица и много других населенных пунктов.

23 августа Румыния вышла из войны. Но бои с немецкими частями на территории Румынии продолжались.

25 сентября мы начали вести наступление в районе Регии в северной Трансильвании, где 132-й полк под командованием подполковника П. И. Шурухина встретил упорное сопротивление гитлеровских войск. Генерал Бобров решил ускорить продвижение полка. Воодушевив гвардейцев личным примером, он сам кинулся в атаку. Но противник обрушил на наши позиции и на наступающих массированный артиллерийский огонь. В этом бою погиб смертью героя стойкий и храбрый генерал Федор Александрович Бобров.

Весть об этом молниеносно разнеслась по наступающим цепям. Яростным штурмом воины выбили противника с рубежей, погнали его дальше.

Родина высоко оценила боевые подвиги Федора Александровича Боброва, присвоив ему посмертно звание Героя Советского Союза.

Сейчас в Черновцах в городском парке стоит памятник, на котором высечено имя генерал-майора Федора Александровича Боброва. Он был представителем старой большевистской гвардии и через всю свою жизнь пронес искреннюю любовь к партии. Он знал и ценил силу примера в бою, потому и ходил в критические моменты в атаки. Может, с точки зрения полководческого искусства это был не совсем оправданный прием, но Бобров все же следовал ему до конца своих дней. Но ведь и его полководческое искусство было оценено двумя орденами Ленина, тремя орденами Боевого Красного Знамени, полководческими орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, медалями.

В нашей гвардейской стрелковой дивизии не только сам генерал Бобров был и стал Героем. Кроме него еще 26 человек носили это звание, а командир 132-го полка Павел Иванович Шурухин удостоился его дважды...

Ордена, медали... Они были добыты на трудных дорогах войны. Но на этих дорогах было добыто нечто большее — свобода и счастье народное.

Литературная обработка Е. Ткачука

Ясская отдельная инженерная

М. П. ДУДОЛАДОВ,
бывший начальник штаба 27-й
отдельной моторизованной инженерной бригады,
полковник в отставке

11 марта войска 2-го Украинского фронта достигли реки Южный Буг и в течение нескольких дней форсировали этот водный рубеж. Но для переправы основной массы войск нужны были мосты.

Командир 148-го батальона инженерных заграждений нашей бригады капитан С. Шокуров получил приказ начальника инженерных войск 53-й армии построить мост через реку. Противник всеми силами старался помешать строительству, обстреливал и бомбил непрерывно, но минеры, привыкшие к работе в таких условиях, начали строить мост одновременно с правого и с левого берегов. Им часто приходилось погружаться в ледяную воду, и выносливости их мог позавидовать любой современный «морж». Четкая и умелая организация работ возлагала на каждого персональную ответственность за порученное дело. Старший лейтенант М. Г. Голощанов отвечал за транспортировку материала, Герой Советского Союза старший лейтенант А. П. Руднев нес ответственность за заготовку леса, а капитан В. И. Астахов был ответственным за изготовление элементов моста и их установку.

К установленному сроку пошли по мосту наши автомашины с боеприпасами и артиллерия.

Несмотря на распутицу и жестокое сопротивление врага, стремящегося закрепиться на водных рубежах, фронт стремительно рванулся вперед и вскоре достиг Днестра. И здесь противник упорно сопротивлялся, пытаясь остановить наши войска.

Минеры 147-го и 148-го батальонов инженерных заграждений начали готовить и оснащать паромы и лодки, причалы, строить мосты. Началась переправа первых подразделений. Первым обычно труднее. С другого берега их встречают плотным огнем, и не каждому выпадает ступить на твердую землю. И саперам переправа первого десанта дается нелегко. Поэтому первыми мы посылали самых мужественных, самых умелых. Так было и на Днестре. Минер Андрей Потарило, находясь в расчете гребцов десантной лодки, был ранен. Но увидев, что командир автоматчиков тоже ранен — притом тяжело, принял командование на себя и, организовав ответный огонь, уничтожив точку противника, обеспечил высадку десанта. А в это же время на другой лодке обеспечивал переправу пятнадцати бойцам минер 148-го батальона Филипп Дюба. Лодка попала под сильный перекрестный огонь против-

ника, девять человек было убито и пять тяжело ранено. Чтобы спасти раненых, Дзюба бросился в воду и вплавь привел лодку обратно к своему берегу.

Невзирая на интенсивную бомбежку, минеры строили причалы и мосты. Быстрый подъем воды в реке неожиданно затопил только что построенный мост, разрушил паромные причалы. Но минеры работали наперекор стихии, погружаясь по грудь в холодную воду, борясь со стремительным течением.

Вспоминается такой эпизод. Достигнув рубежа на реке Реут, наши войска захватили небольшой плацдарм. 148-й батальон получил задачу срочно построить мост. Противник вел огонь прямой наводкой, препятствуя началу работ. Дождались ночи, но стало не намного легче, сильное течение реки сносило ряж — все попытки закрепить его оказались тщетными, огнем противника было затоплено два понтона и разбиты все лодки. Но минеры вплавь переправили на противоположный берег канат, при помощи которого закрепили ряж, а потом и строительство моста закончили. Особенно умело и бесстрашно действовали сержант М. М. Резниченко, лейтенанты В. Е. Романино и Д. А. Лайкин.

К 26 марта бригада достигла бывшей границы, вышла на реку Прут. Батальоны бригады, обеспечивая наступательные действия войск, получили задачи по закреплению отвоеванных рубежей по рекам Днестр, Реут, Кула, Прут.

Противник бомбежками систематически разрушал мосты и переправы, а минерам приходилось постоянно восстанавливать их. На Днестре, например, бомбежкой были разрушены паромные причалы, а требовалось срочно переправить танки. Рядовой Н. И. Мещеркин с группой минеров, несмотря на воздушный налет противника, в холодной воде восстановили причалы и обеспечили переправу танков.

Подобный эпизод был и на реке Прут в районе Ракулешт. Авиация противника разрушила мост грузоподъемностью 45 тонн. Командир 7-го электротехнического батальона майор В. И. Кулеша получил задание срочно восстановить мост. Прошла ночь, и мост был восстановлен. Но заботой бригады было не только исправное функционирование переправ — в полосе действий 52-й, 53-й и 4-й гвардейской армий наши минеры установили на переднем крае обороны 14 866 мин.

В первых числах апреля советские войска подошли к Яссам. Противник создал здесь мощные оборонительные рубежи, защищенные проволочными заграждениями и минными полями. Войска 52-й армии заняли под Яссами несколько господствующих высот, откуда открылся удобный обзор всей поймы реки Прут. Но противник никак не мог с этим смириться и в конце мая предпринял наступление, чтобы овладеть высотами. Разгорелись упорные бои, длившиеся семь дней. Перед 7-м электротехническим батальоном бригады была поставлена задача: установить электрозаграждения, усиленные минные поля.

На выполнение этой задачи были направлены взводы старшего лейтенанта И. Короткова и лейтенанта А. Астахова. Каждый взвод установил электризованные препятствия на два километра по фронту и полтора километра в глубину. Здесь занимал оборону полк, который потерял в боях значительную часть личного состава. Электрозаграждения оказались большой помощью для полка.

А. Астахов рассказал, как шла эксплуатация электрозаграждений. Чтобы создать противотанковую оборону, перед электрозаграждениями установили электромины с электродетонаторами. При наезде на них танков замыкалась специально установленная скоба с заграждениями и происходил взрыв. Такое устройство было безопасно для наших танков. Сзади электрозаграждений были оборудованы четыре позиции для пушки. Одна пушка, скрытно кочуя по позициям и стреляя, создавала впечатление стрельбы целой батареи. У противника же против фронта электрозаграждений стоял полк, усиленный артиллерией, а в ночное время по железной дороге Яссы — Унгены курсировал бронепоезд.

Обычно электрозаграждения находились обесточенными. Ток же включался по условной команде командира полка. При включении тока у противника нарушалась вся проводная связь, так как мембраны трубок издавали сплошной треск. Немцам было ясно, что перед ними установлены электрозаграждения, но определить точное их расположение они не могли. Несколько раз пытались поиском разведгрупп установить места установки электрозаграждений, но каждый раз терпели неудачу. Наконец открыли сплошной артиллерийский огонь, продолжавшийся около двух часов. Но электрозаграждения получили лишь незначительные повреждения, которые были тут же быстро устранены. Методический обстрел по ночам наших позиций из бронепоезда тоже не дал противнику никаких результатов, а пустить пехоту на электрозаграждения он не рискнул.

Так электрозаграждения обеспечивали оборону около двух месяцев. Особо усердно выполняли свои обязанности минеры Н. Ишутин, И. Саган, П. Сигунов и другие. А отделение сержанта Г. Поливары, охраняя подступы к заграждениям с фланга, автоматным огнем успешно отражало попытки вражеских разведчиков установить расположение электрозаграждений.

Обеспечивая действия войск, батальоны бригады только в течение мая перевезли через Днестр в районе Красного Кута 8667 человек, 6907 лошадей, 2591 повозку, 60 автомашин, 60 орудий и 70 тонн различных грузов; построили и восстановили 14 мостов через Реут, Днестр и Прут в районах сел Жеврены, Требужены, Ракулешты, Красный Кут, Скуляны и Таксобеи; на рубежах обороны по рекам Реут и Днестр отрыли 14 километров траншей, оборудовали их стрелковыми ячейками и пулеметными площадками, построили 5 дзотов, 78 блиндажей и 45 убежищ для раненых.

На танкоопасных направлениях нашей обороны было установлено 44 330 мин. Большинство минных полей устанавливалось

под огнем противника, поэтому чаще случались потери не от наших ошибок, а от пуль врага.

Так, например, коммунист сержант Я. Дерий установил минное поле непосредственно у траншей противника под ружейно-пулеметным огнем, но при возвращении после выполнения задания его настигла вражеская пуля. Мы теряли на молдавской земле своих лучших людей, но эти потери окупались потом сотнями и тысячами сбереженных солдатских жизней. Такой, скажем, пример: минеры 3-й роты 149-го батальона инженерных заграждений (командовал ротой капитан Василий Куделя) преподнесли противнику настоящий сюрприз, установив перед его траншеями около 300 фугасов натяжного действия.

Работой минеров, конечно же, были довольны пехотинцы, ибо они были надежно защищены от попыток врага перейти в контрнаступление.

В течение пяти ночей командиру 1-й роты капитану Сергею Албулу с двадцатью пятью минерами пришлось под сильным ружейно-пулеметным огнем, переползая по-пластунски и маскируясь, волоча за собой мины, устанавливать их в то время, когда ненадолго гасли осветительные ракеты. Проявляя самоотверженность, отвагу и мужество, минеры прикрыли передний край 41-й стрелковой дивизии 1161 миной.

На другом фланге этой же дивизии работала 2-я рота минеров под командованием бывшего архитектора старшего лейтенанта Сергея Блументала. Им также пришлось, приспособившись к местности, переползать с минами под пулями врага. В течение четырех ночей — с 12 по 16 мая — минеры установили передним краем обороны дивизии 1070 мин.

Несколько подробнее, думаю, следовало бы рассказать о Сергее Николаевиче Блументале. На его личном счету числилось более тысячи снятых и обезвреженных мин и фугасов противника. Он был смелым и одновременно осмотрительным — весьма похвальные качества минера. Закончив войну, Сергей Николаевич вернулся к своей профессии архитектора. Он участвовал в разработке генерального плана восстановления Сталинграда — города, равного которому по разрушенности, наверное, не было за всю историю войны. Его автографы остались на проектах планировки Дзержинского района, сельхозинститута, домов на улицах Ленина, Пушкина, Советской, на проспектах Мира и площади Оборонных. С 1954 года он работал главным архитектором Краснознаменного Северного флота, ему присвоили звание инженера-полковника. И тут появились его автографы на генеральном плане Североморска, на проектах застройки других гарнизонов флота. На груди Сергея Николаевича были ордена Александра Невского, Отечественной войны 2-й степени, два ордена Красной Звезды, многие медали. Символично, что свою военную профессию минера, которая в основном сводилась к тому, чтобы взрывать, разрушать, он сменил на профессию создателя. К сожалению, он не дожид до наших дней...

Для минеров затишья на фронтах не существовало. Они всегда были в бою, даже в месяцы длительного противостояния фронтов.

Вот авиация противника разбила мост через Прут в районе Скулян, а надо переправлять срочные грузы. Время не ждет. 7-й электротехнический батальон, не имея даже хороших специалистов по постройке мостов, немедленно приступает к работе. А противник продолжает бомбить. Вот уже убит боец С. Абдулаев, смертельно ранены лейтенант В. Бурдин, боец С. Лутай, тяжелое ранение у младшего сержанта Н. Пилипенко. Но работы продолжают. И к утру мост восстановлен.

В июне бригада получила наименование «27-я отдельная моторизованная инженерная бригада». Батальоны инженерных заграждений бригады стали отдельными моторизованными инженерными батальонами, 7-й электротехнический батальон стал 7-м отдельным батальоном электрозаграждений, а рота специализированная получила наименование 147-я отдельная рота специального минирования. Дело, конечно, не в названии, а в том, что за ним следовало: бригада значительно пополнилась автотранспортом, техникой.

Наступил июль. Во всех частях было приподнятое настроение. Прибывали пополнение и техника. Политсостав и все коммунисты развернули интенсивную работу с личным составом. Батальонам бригады, как отдельным частям, вручались боевые красные знамена.

В торжественной обстановке на митингах минеры давали перед знаменами клятву не щадя сил выполнять стоящие перед ними боевые задачи, быть достойными звания воинов-освободителей.

В эти дни, совершенствуя оборону, 149-й отдельный моторизованный инженерный батальон строил мост через реку Чугур юго-восточнее села Кюрт и землянки-блиндажи для узла связи фронта в Стольниченах. А уже с 11 по 18 июля батальон вместе с 147-й отдельной ротой специального минирования вел работы по строительству и оборудованию учебного полигона в районе села Стырча. Объект следовал за объектом. Инженерные войска, как и все части фронта, готовились к наступательным действиям, участвовали в ряде учений и показательных занятиях. Подразделения 149-го отдельного моторизованного инженерного батальона, 147-й отдельной роты специального минирования и 7-го отдельного батальона электрозаграждений принимали участие, например, в показательных занятиях для офицеров и генералов инженерных войск 3-го Украинского фронта.

С личным составом частей бригады — главным образом с прибывшим пополнением — проводилась боевая подготовка. Отрабатывались задачи инженерного обеспечения штурма укрепленных районов во взаимодействии с пехотой, артиллерией и танками, обеспечение боевых действий войск в горных условиях.

А разведподразделения частей бригады в это время вели непрерывную разведку переднего края обороны противника на глубину 1—2 километра.

Разведка велась безуспешно. К примеру, ночным поиском 22 июля был взят пленный, который дал показания о состоянии обороны противника. А перешедший на нашу сторону рядовой Кацер-Макарий из 39-го стрелкового полка 14-й пехотной дивизии дал ценные сведения о системе обороны, о заграждениях и минных полях. Так пополнялись сведения о противнике.

Совершенствуя свою оборону, противник укреплял ее провололочными заграждениями и минными полями. Он создал глубоко эшелонированную систему обороны с долговременными фортификационными сооружениями, стремясь всеми силами не допустить прорыва и дальнейшего продвижения наших войск.

Во второй декаде августа бригада получила задачу построить передовой КНП командующего 2-м Украинским фронтом на высоте 195,0.

Район строительства был в зоне артиллерийского огня противника, поэтому в первые дни работы велись только в ночное время при тщательной маскировке. Затем были установлены маскировочные сети и работы велись круглосуточно. К 19 августа было построено 7 убежищ тяжелого типа, 3 убежища усиленного типа, НП тяжелого типа с ходом сообщения в 40 метров, открытый НП с ходом сообщения в 50 метров, 10 щелей, 15 боксов и 7 землянок, сделаны подъездные дороги, произведена тщательная естественная маскировка. КНП противником не был обнаружен, несмотря на близость к переднему краю.

Саперы работали по 18—20 часов в сутки и в несколько раз перевыполняли установленные нормы. Как-то во время беседы с бойцами 140-го отдельного мотоинженерного батальона сапер Семен Цибульник сказал: «У меня сейчас три сына в Красной Армии. Старший сын артиллерист, имеет несколько наград, средний сын танкист, Герой Советского Союза, младший пехотинец, тоже дважды награжден. Пишут они мне, что бьют немца и в хвост и в гриву. Я им ответил, что снова перешел к старой профессии — к саперному делу. Старшему сыну строю артиллерийские НП, среднему навожу переправы, а младшему рою траншеи, чтобы укрыть его от вражеского обстрела. Почетная у нас работа, товарищи! Поэтому и выполнять ее мы должны с гордостью».

К вечеру 19 августа на передовой наблюдательный пункт 2-го Украинского фронта прибыли представитель Ставки Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, маршал авиации С. А. Худяков, командующий фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский, генералы и офицеры оперативных групп. А ночью 20 августа был объявлен приказ о наступлении.

К началу наступления минеры подготовили проходы в минных полях и провололочных заграждениях противника, обозначили пути в своих заграждениях. Когда забрезжил рассвет, на врага обрушился шквал огня артиллерии, и войска пошли в наступление.

Литературная обработка Е. Ткачука

Через три реки

Т. С. ТРАЩЕНКО,

бывший командир 69-го отдельного армейского инженерно-саперного батальона, полковник в отставке

Живу я в Черкассах, в Молдавии бываю редко, разве тогда только, когда собираются однополчане. Но мысли мои все чаще и чаще возвращаются к месяцам и дням сорок четвертого.

О саперах писано немало — правда, меньше, чем они того заслуживают. В мемуарной литературе предпочтение отдается тем, кто сидел в окопах, шел в атаку — одним словом, передовой. Оно и понятно: передовая решала — кто кого. Но одна ли передовая?

Взять, скажем, нас, саперов. Вроде бы не сидели в окопах и не ходили в атаки — хотя и такое случалось. Но не наведи мы переправ через реки, не проложи проходов в минных заграждениях, и передовая сразу почувствовала бы это. А ведь и то, и другое, и десятки других саперных дел мы совершали не в глубоком тылу, а тут же, на передовой, или рядом с ней, совершали под бомбами, артиллерийским, минометным и пулеметным обстрелом.

Так было и в Молдавии. Даже сейчас, когда речь заходит об этом крае, мне прежде всего вспоминаются три реки — Днестр, Рут и Прут. Вспоминаются именно реки потому, что вся история освобождения края лично для меня, да и всех бойцов батальона, которым я командовал, связана в первую очередь с организацией преодоления этих водных преград.

К вечеру 17 марта 1944 года наш батальон вышел к Днестру. На другом берегу мы увидели южную окрестность Сорок. Получили приказ с ходу начать форсирование. Командир 1-й саперной роты старший лейтенант Ф. М. Гура совместно с командирами взводов лейтенантами Л. С. Жуковым, Б. И. Козиным, В. В. Сидякиным тут же приступили к выполнению его под усиленным обстрелом врага с правого берега. Переправа была налажена, и 18, 19 и 20 марта на правый берег сумели передислоцироваться соединения и части 21-го стрелкового корпуса. Часть задачи была выполнена. Часть, потому что двум другим ротам предстояло овладеть переправы южнее.

Командир 2-й саперной роты старший лейтенант И. М. Иронов организовывал форсирование в районе села Трифауцы, что в 6 километрах от Сорок. Из Трифауц роту интенсивно обстреливали.

Командиры взводов лейтенанты Д. Е. Винограденко, Р. С. Ба-

ранов и И. В. Грановский со своими бойцами в ночь на 18 марта высадились десантом на правый берег и к утру сумели освободить село.

Легче пришлось 3-й роте, которой командовал старший лейтенант Н. С. Флексер. Форсировав Днестр в районе села Васильково, что в 15 километрах южнее Сорок, она без боя освободила село.

С наведением переправ мы никак не могли рассчитывать на некоторую передышку. Фашистские стервятники группами по 10—20 самолетов бомбили переправы по несколько раз в день — особенно в районе Сорок. Приходилось маневрировать лодками и парами, которые состояли из надувных лодок А-3, чтобы при минимальных потерях в материальной части и личном составе переправить части на правый берег.

Выполнение нашей задачи не завершилось и тогда, когда части были переправлены. Надо было построить еще и мосты для переправы танков, артиллерии, различного снаряжения. На долю саперов батальона, которым я командовал, выпало строить целых три моста. Первый мост длиной в 240 метров к Сорокам был построен за четверо суток. При строительстве его помогло местное население: 120 подвод подвозили лесоматериал из леса, что в десяти километрах от города. Нашлись и плотники. Они обрабатывали детали моста. Саперы же строили мост. Наиболее трудоемкая и тяжелая работа — забивка свай. Ее выполняли мы, саперы. Налеты вражеской авиации не прекращались. При налетах бойцы, которые работали на берегу, уходили в укрытия. Хуже приходилось тем, которые находились на середине реки. Через день был ранен командир отделения сержант А. А. Давиденко, который не оставил свой пост и продолжал работать со своим отделением на забивке свай и под бомбежкой. 4 марта началась переправа тяжелых грузов.

Второй мост был построен через Днестр в районе села Вадул-Рашков, в 50 километрах южнее Сорок. 25 марта после марш-броска батальон прибыл в Вадул-Рашков, а 26 марта приступил к строительству. Облегчило задачу то, что материал для строительства мы нашли на месте. Но и здесь нам не давала покоя авиация противника.

27 марта налетели сразу 30 стервятников и разбомбили те участки моста, которые уже были готовы.

Однако уже вечером 28 марта по мосту пошли тяжелые грузы. Своеобразный рекорд по забивке свай на этом мосту поставило отделение сержанта Н. Р. Сушко. 48 часов без отдыха и ухода с реки во время налетов работало отделение, 79 свай было забито им.

Фронт к тому времени ушел на юг, но войскам понадобился еще один мост — ближе к фронту.

29 марта — один день отдыха в Вадул-Рашкове, а уже 30 марта батальон пешим строем прошел около 50 километров и к вечеру прибыл в Резину. Утром следующего дня совместно

с батальоном майора К. Р. Помазова приступил к строительству моста длиной 280 метров.

Но погода испортилась. Начался дождь, подул холодный сильный ветер. 1 апреля пошел мокрый снег с дождем. Это затрудняло работы на воде, а ведь вручную предстояло забить 200 свай. Но погода и мешала в работе, и помогала: Днестр был покрыт туманом и мы были надежно спрятаны им от вражеской авиации.

Строительство моста в Резине оказалось самым трудным и продолжительным. 2 и 3 апреля дождь чередовался с мокрым снегом. Только 4 апреля в 12 часов дня по мосту пошли грузы, так необходимые фронту.

Был такой случай при строительстве моста в Резине. На середине реки при забивке свай рухнула рештовка, на которой стоял при забивке свай солдат, и четыре сапера оказались в холодной воде. Старший четверки Костя Фартушный сам спасся и спас солдата Петра Сидорова. Смелость и отвагу проявляли Герой Советского Союза старший сержант Василий Цветков, сержанты Владимир Герасимов, Кирилл Ручьев, Петр Донченко, Иван Глушко, Николай Сидоренко, солдаты Сидор Безверхий, Федор Зубков, Иван Линчевский, Сидор Могильный и многие другие.

Они отказывались от отдыха, не уходили с моста до завершения строительства. За выполнение задач на Днестре саперы получили благодарность от командующего 4-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И. В. Галанина. Батальон был также назван в приказе Верховного Главнокомандующего. Ему было присвоено наименование «Днестровский» с награждением его орденом Красной Звезды. Орден и медали были удостоены 212 офицеров, сержантов и солдат.

4 апреля батальон в полном составе отправился к линии фронта, а утром 5 апреля прибыл в Оргеев к реке Реут и сразу же приступил к выполнению боевой задачи по восстановлению взорванного врагом высоководного моста на главной магистрали Рыбница—Оргеев—Кишинев.

Линия фронта находилась тогда в 5—6 километрах южнее Оргеева, за Реутом. Мост через реку был разрушен в двух местах. С высот, где проходила линия фронта противника, мост хорошо просматривался. При появлении на мосту даже одного солдата враг открывал артиллерийско-минометный огонь. Для снабжения же войск нашего переднего края мост был крайне необходим.

В ночь на 6 апреля он был с трудом восстановлен ротой старшего лейтенанта Н. С. Флексера, а днем вновь разрушен налетом авиации. Так и пошло: днем враг выводит мост из строя, а ночью саперы восстанавливают его. Командование пришлось к выводу, что такой мост не может обеспечить передний край нашей обороны. Назрела необходимость построить другой,

и он был построен ротой старшего лейтенанта Ф. М. Гура на восточной окраине Оргеева. Но вскоре, после обнаружения противником, его постигла та же участь, что и первый. Пришлось закрепить лейтенанта В. А. Потапова со взводом за старым мостом, а лейтенанта В. В. Сидякина со взводом за новым. В течение апреля они более двадцати раз восстанавливали свои мосты.

Остальные же саперы батальона изучали передний край противника, проводили инженерную разведку, минировали местность перед нашим передним краем. Было установлено около 4 тысяч противотанковых мин.

В мае мы сдали свои мосты другим подошедшим частям и ушли в район сел Бравичены — Чокытаны в 25—30 километров западнее Оргеева. Там мы построили четыре моста и несколько гатей через болотистую пойму, по которым шло снабжение войск нашего переднего края.

На однообразие саперных работ нам жаловаться не приходилось. Мы строили прифронтовые дороги и фортификационные сооружения, рокадую дорогу вдоль фронта от Бурсучен до Теленеше длиной 40 километров. На этой же дороге возвели 12 мостов, с привлечением стрелков и бойцов тылового ополчения подготовили запасной оборонительный рубеж фронта. Последнее означало, что отрыто 60 километров траншей, 20 километров ходов сообщения, сооружено 6 наблюдательных и 2 командных пункта, оборудовано 80 отдельных огневых точек.

Построили мы также запасной отлетающий аэродром с десятком макетов самолетов. Враг, конечно же, обнаружил их и, к нашей радости, ежедневно бомбил. Точно такая же участь постигла 40 фанерных танков в районе Леушен.

Ложный аэродром и район сосредоточения макетов танков сыграли свою роль. Они отвлекли врага от места настоящего сосредоточения танков и самолетов для наступательных действий, к которым шла подготовка наших войск.

На строительство макетов и самолетов отличились солдаты Федор Калашников и Петр Бондаренко. Они были мастерами столярного и модельного дела. Насколько высоко оценили их мастерство, говорит тот факт, что за «танки» и «самолеты» их наградили орденами Красной Звезды.

20 августа наш батальон сосредоточился в селе Тодирешты, что в 10—12 километрах севернее Унген. В ночь на 21 августа нам предстояло разминировать проходы в минных полях перед передним краем обороны противника на подступах к крупному селу и железнодорожной станции Пырица.

Под обстрелом врага роты старших лейтенантов Ф. М. Гура и И. М. Иродова почти без потерь в личном составе блестяще справились с поставленной задачей. Они сняли 415 противотанковых мин, проделав 6 проходов в минных полях противника.

А утром 21 августа наши войска после пятидесятиминутной артиллерийской подготовки пошли на штурм вражеских позиций. Немецкий фронт дрогнул.

Наши войска устремились на юг. 22 августа освободили Унгены, после чего наш батальон двинулся вдоль левого берега Прута. Утром 24 августа мы пришли в село Барбоены, где было приказано навести pontонный мост из лодок А-3.

Перед селом, на его северной окраине, на берегу Прута была широкая и ровная площадка. Там и навели быстро — за один час — мост, и по нему потоком пошли грузы и войска. Батальон до особого распоряжения оставался в Барбоенах и обеспечивал движение транспорта по мосту.

Остаток дня 24 августа, ночь и весь день 25 августа прошли без изменений. Но вечером 25 августа сапер взвода управления Николай Черношек обнаружил в кустах, у самого Прута, притаившегося немецкого солдата и доставил его в штаб батальона. Сначала немец от испуга даже говорить не мог. Но спустя полчаса заговорил. Он рассказал о том, что послан с делью разведки места переправы для прорывающейся из-под Кишиня 270-й немецкой пехотной дивизии и что он, как стемнеет, должен встретить авангард дивизии в трех километрах восточнее села.

Вражеская дивизия движется в направлении села! Надо было действовать. Времени оставалось в обрез.

Немец-разведчик и донесение были направлены с конвоем и штаб инженерных войск 4-й гвардейской армии, а батальон приведен в боевую готовность.

Кроме саперного батальона, в селе больше никаких войск не было, надо было рассчитывать на свои силы. Я приказал на обоих берегах Прута поставить восемь пулеметов, гранатометчикам у моста выдать дополнительно 120 ручных гранат, усилить охрану моста взводом инженерной разведки. А на высотах, прикрывавших к селу, расставил саперные роты. Саперам, занявшим оборону, врага долго ждать не пришлось.

В два часа ночи из кукурузного поля на участке обороны роты старшего лейтенанта Ф. М. Гура послышался шум. Вражеская пехота, и приближение немцев стало заметнее.

Когда они подошли примерно метров на восемьдесят к нашему рубежу, последовал шквал пулеметно-автоматного огня. Немцы залегли и минут десять молчали, видимо, обдумывали свое положение. Но по всей линии обороны гремели взрывы гранат и слышалась пулеметно-автоматная стрельба.

Немцы при свете луны видели белую нить Прута и рвались вперед, но саперы стояли насмерть.

Расстояние между немцами и нашей линией обороны сократилось. К трем часам почти по всей линии занимаемой нами обороны разгорелся жаркий бой, который длился до утра. Когда

начало светать, фашисты еще больше обнаглели, любой ценой пытались смять нас. Пришлось бросить в бой последний резерв — комендантский и хозяйственный взводы. А подкреплений, которые ожидал батальон, все не было.

Создалось тяжелое положение на участке роты старшего лейтенанта И. М. Иродова, которая оборонялась перед мостом. Пришлось перебросить туда подкрепление из роты капитана Н. С. Флексера с юго-восточной окраины села, где нажим фашистов ослабел.

В тот момент, когда подкрепление спешило на участок Иродова, немцы прорвали его линию обороны и бегом бросились к мосту. Но охрана моста оказалась на месте. Врага встретили пулеметы, автоматы.

Около десяти раз он пытался взять переправу штурмом, но ее защитники держались стойко.

Когда взошло солнце, немцы вновь бросились на мост. Но в этот момент подоспело подкрепление, и прорвавшиеся немцы, около 400 человек, были отрезаны от своих главных сил.

Два наших взвода отошли на правый берег реки и направили весь огонь на стык моста с левым берегом. Примерно 180 человек все же ворвалось на мост, но их настиг ливень нашего огня. 118 человек сдались в плен.

Бой за мост был самым тяжелым моментом нашей обороны. Но гитлеровцы поняли, что их авангарду не удастся захватить переправу. Они дрогнули и начали сдаваться в плен. К 10 часам утра мы захватили уже более 500 пленных, разместили их в бывшей школе и бывшем сельсовете. Но бой продолжался, ибо подходили новые подкрепления немцев. Особенно трудно пришлось около 12 часов дня, когда к селу подоспела свежая часть противника. Просочившиеся в село вражеские солдаты подожгли несколько домов, возникли пожары.

К 15 часам прорывающаяся группа немцев в основном была истреблена и пленена. Пожары потушили местные жители.

К этому времени нам на помощь (уже по второму моему донесению в штаб армии) прибыли саперный батальон майора И. В. Макарова и артиллерийский дивизион майора С. Н. Иванова, но с пушек даже чехлов не пришлось снимать.

В этом непредвиденном сражении саперы батальона уничтожили более тысячи гитлеровцев, более девятисот взяли в плен. Немцы были крайне удивлены, когда узнали, что их разгромили саперы. Мы же потеряли убитыми и ранеными всего 56 человек. Похоронены они в Барбоенах...

29 августа, разобрав понтонный мост, батальон ушел в Румынию — догонять фронт.

Литературная обработка Е. Ткачука

В бою за плацдарм

Д. Е. ПИСЛЯКОВ,
полковник запаса, заслуженный
работник культуры УЗБССР

Осенний вечер 1943 года. Наши войска готовились к форсированию Днепра.

У одного из минометов сидела группа солдат и слушала сержанта. Страстно и убедительно разъяснял агитатор сослуживцам боевую задачу, звал их на подвиг.

Вот там впервые и увидел я человека, который сейчас в театре Янгильского городского парка беседует с призывниками. Это Василий Иванович Рыбалко. На фронте мне не раз доводилось встречаться, беседовать с этим отважным воином-коммунистом, писать статьи о его ратных подвигах.

Почти тридцать три года назад наши пути разошлись. И вот теперь встретились снова. Приятно было узнать, что после увольнения в запас Герой Советского Союза Василий Иванович Рыбалко получил высшее образование, показал себя активным работником. К его боевым наградам прибавились ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Четырнадцать лет назад коммунисты Янгилья оказали бывшему фронтовому агитатору высокое доверие, единодушно избрав его первым секретарем городского комитета партии. Василий Иванович дорожит мнением коммунистов. Все силы и энергию отдает делу дальнейшего улучшения партийной работы в городе, который полюбил всей душой.

Мне хочется рассказать о славных боевых делах ветерана.

Есть под Черкассами санаторий Сосновка. Неподалеку от этого курортного городка глубокой осенью 1943 года и переправились через Днепр минометчики батареи капитана Н. Бугаева.

Выбив противника из первой траншеи, они быстро окопались. Первым ударил по вражеским огневым точкам расчет сержанта Рыбалко. Четко, согласованно действовали наводчик комсомолец ефрейтор Николай Компанец, заряжающий рядовой Кирилл Братко и подносчик комсомолец рядовой Сергей Бережной.

Вскоре Василия Рыбалко вызвал командир батареи, и приказал ему с расчетом сержанта А. Закса обойти село, превращенное противником в укрепленный опорный пункт, и ударить с тыла. Под огнем противника вышли в указанный район. На

рассвете за селом взвилась красная ракета — сигнал, означавший, что минометчики приступают к боевым действиям.

Навесным минометным огнем, длинными пулеметными очередями храбрцы ударили по домам, занятым фашистами. В селу поднялась паника. В это время к нему устремились только что переправившийся стрелковый батальон.

Дружными усилиями враг был сметан и уничтожен. Над зданием сельсовета взвился красный флаг. Были отмечены храбрость и мужество коммуниста Рыбалко, его наградили медалью «За отвагу»...

Ночью наши подразделения подошли к Пруту в районе села Таксобоны и залегли в прибрежном кустарнике. Комбат отдал боевой приказ на форсирование реки.

Сержант Рыбалко еще раз взглянул на водную гладь. Непоспокойной была она в эту раннюю осеннюю пору, вышла из берегов, разлилась далеко окрест. Но советские воины преодолеют все. Это знал Василий Рыбалко, «перешагнувший» до этого Днепр и Днестр. Знал он и то, что коммунисту-агитатору предстоит первым переправляться через бужущую водную преграду. Поэтому сразу же, как только командир взвода лейтенант Н. Горемыкин поставил расчету боевую задачу, он разъяснил ее подчиненным, а затем начал готовиться к действиям.

Ефрейтор Компанец, рядовые Братко и Бережной отыскивали в кустарнике бревна. Сержант Рыбалко соорудил из них плот. Отчалили от берега. Большие часы понадобилось расчету, чтобы преодолеть широкую бужущую реку.

Промокшие, ступили наши воины на противоположный берег, занятый врагом. Гитлеровцы беспрерывно освещали местность ракетами, стреляли из пулемета. Одна из огневых точек противника оказалась почти рядом, за кустом. Рыбалко приказал подчиненным в случае необходимости прикрыть его огнем. А сам по-пластунски начал подбираться к вражескому пулемету. Через несколько минут бесцельно прикочил дежурившего пулеметчика. Двоих гитлеровцев, находившихся в землянке, захватил в плен.

Вскоре немцы обнаружили нашу переправу. Завязался ожесточенный бой. Враг не выдержал дружного удара советских воинов и стал откатываться назад. Преследуя противника, батальон капитана Новожилина к рассвету достиг реки Жижия. Река эта не широкая, но довольно глубокая, с топкими подходами. Противоположный берег, поросший густым кустарником, очень крутой. Единственный железобетонный мост гитлеровцы взорвали.

Время дорого. Противник может воспользоваться нашей заминкой и закрепиться на господствующих высотах. Этого нельзя допускать. Усталые, измотанные предыдущими тяжелыми боями, но сильные духом, советские воины начали форсировать

водную преграду. И снова первым преодолел реку сержант Рыбалко со своим расчетом.

Удерживаясь за колючие кусты терновника, воины вскарабкались на высоту. Слева монастырь помещицкого имения Розняну, у которого гитлеровцы разворачивают батареи. Сержант немедленно доложил об этом командиру. Расчету приказал готовиться к бою. Через несколько минут вражеская батарея перестала существовать: ее уничтожили наши минометчики.

Бой на плацдарме разгорелся с новой силой. Батальон отразил девять яростных атак. Сотни вражеских трупов валялись на подступах к окопам.

Когда противник бросил на наши позиции десятки танков и до двух батальонов пехоты, Рыбалко, как и другие воины, храбро сражался. Пехоту удалось остановить. А танки продолжали наступать.

Вот две вражеские машины подошли совсем близко к окопу минометчиков. Рыбалко схватил припасенные гранаты и по ходу сообщения двинулся навстречу машинам.

Метнул гранату под гусеницу ближней. Раздался взрыв. Танк с черным крестом на борту дернулся и остановился с перебитой гусеницей. Сержант бросил еще гранату. Танк загорелся.

Из другой вражеской машины ударили по окопу, где находился отважный воин. Рыбалко изловчился и бросил одну из другой две гранаты. Танк окутался черным дымом, а затем вспыхнул.

Трудный поединок с танком продолжался около часа. Третью вражескую машину минометчик подпустил совсем близко к своей позиции. Когда до нее оставалось не более тридцати метров, Рыбалко метнул связку гранат. Гусеница перебита.

В этот момент возле нашего окопа разорвался вражеский снаряд. Командира расчета отбросило в сторону.

Над головой появился танк. Рыбалко и его солдаты плотнее прижались к стенке окопа. Как только танк перевалил через траншею, сержант вскочил, бросил связку гранат...

Четыре танка уничтожил гранатами партийный активист Василий Рыбалко. Эта весть с быстротой молнии облетела наши подразделения. Следуя примеру героя, самоотверженно дрались все воины.

За мужество и отвагу, проявленные при форсировании Прута, захвате, расширении и удержании плацдарма, вместе с капитаном Василием Филипповичем Новожилиным и другими бойцами 116-й стрелковой дивизии 52-й армии сержант Василий Иванович Рыбалко удостоился звания Героя Советского Союза.

Много других подвигов совершил отважный воин-коммунист. Однажды, например, он действовал в тылу, отыскивал вражескую батарею. Гитлеровцы обнаружили смельчака. Тогда он вызвал огонь на себя.

В другой жестокой схватке при отражении вражеской контратаки, пренебрегая смертельной опасностью, спас жизнь офицеру. За смелость и отвагу на гимнастике сержанта Рыбалко засверкал орден Отечественной войны 2-й степени.

Основой его успехов в боях были крепкая дисциплина, исполнительность, нерушимая верность присяге и уставам, горячая любовь к Советской Родине.

Трудное испытание

Радостной и волнующей оказалась эта неожиданная встреча.

Служебные дела привели меня к начальнику отдела кадров Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Когда наша беседа подходила к концу, открылась дверь и в комнате появился невысокого роста коренастый человек. Лицо его показалось мне знакомым. На правой щеке шрам. Слева тоже отметины от разрывов вражеских снарядов и мин.

«Голос знакомый», — пронеслось в голове, когда услышал слова: «День добрый».

— Жмуровский, — здороваясь, представился вошедший.

— Дмитрий? Пулеметчик Жмуровский из 254-й?

— Так точно! Он самый...

Только накануне, знакомясь с книгой «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», я еще раз вспомнил о Жмуровском, о тяжелых боях, в которых нашей дивизии пришлось участвовать тридцать два года тому назад. В книге на странице 139-й сказано:

«Один из примеров мужества показала группа автоматчиков и пулеметчиков во главе с командиром взвода 936-го стрелкового полка 254-й стрелковой дивизии 52-й армии сержантом Д. П. Жмуровским. Эта группа за день отразила 20 яростных атак противника, удержала плацдарм на правом берегу реки Прут до подхода наших войск и помогла этим их быстрому продвижению».

Я лично видел этот бой, вернее, бои. Будучи военным журналистом, по свежим следам писал о них. На страницах дивизионной газеты «За Советскую Родину» рассказывал о беспримерных ратных подвигах комсомольца Дмитрия Жмуровского.

Последний раз видел отважного пулеметчика тридцать два года назад за рекой Прут. Тяжело раненного, истекающего кровью, отправлял его командир полка подполковник Г. Ф. Короленко в медсанбат.

Вскоре в дивизию пришла радостная весть о присвоении сержанту Дмитрию Петровичу Жмуровскому звания Героя Советского Союза. Я попытался отыскать пулеметчика, чтобы поздравить его с высокой правительственной наградой, в медсанбате ответили: «Жмуровский отправлен в тыловой госпиталь».

И вот встреча через многие годы. Крепкие объятия. Подробные расспросы о жизни, о фронтовых друзьях. Воспоминания о боях, в которых довелось участвовать. Словно мы снова шли по огненным дорогам войны. Шагали рядом с боевыми побратимами Героями Советского Союза командиром полка Григорием Федотовичем Короленко, командиром 1-го батальона Василием Ивановичем Ауловым, командиром роты Иваном Степановичем Конько, пулеметчиками Василием Филипповичем Фесенко, капитаном Климовичем Руденко, разведчиком Иваном Никоновичем Бровченко и многими другими, которые, не щадя крови и самой жизни, беспощадно громили закланного врага, отстаивая честь, свободу и независимость любимой Отчизны.

Смотрю на Дмитрия Петровича, теперь уже постаревшего, пополневшего и без той светлой копны волос, что раньше покрывала его голову, и в мыслях, как в калейдоскопе, проносятся многочисленные бои, в которых довелось участвовать. Особое место в военной биографии Жмуровского занимает весна 1944 года.

Преследуя отступавшего противника, подразделения 936-го стрелкового полка первыми в 52-й армии вышли к Пруту. Это было 26 марта 1944 года. В районе молдавского села Скуляны.

Вот она, Государственная граница! Завтра огонь войны будет перенесен на территорию врага. Это знали сержант Жмуровский и его товарищи.

А сейчас, в наступившей темноте, Дмитрий вслед за командиром батальона капитаном В. И. Ауловым и командиром пулеметной роты младшим лейтенантом И. С. Конько спешат к реке. Пробираются по узкой тропинке, петляющей среди густого кустарника. Идти тяжело. Ноги все глубже погружаются в тягучую грязь. По лицу хлещут ледяные струи не прекращающегося вторые сутки дождя со снегом.

Сейчас бы отдохнуть. Воины заслужили это. Батальон с боями по бездорожью прошел многие десятки километров. Особо устали пулеметчики сержанта Жмуровского. Им пришлось на себе тащить оружие и боеприпасы. В грязи, под мокрым снегом и дождем изговливаясь к бою и открывать огонь по врагу. Так случилось часто. Но Дмитрий, как и другие бойцы, не думает об отдыхе. Он понимает, что надо быстрее форсировать Прут, не дать противнику закрепиться на противоположном берегу.

Об этом говорил и заместитель командира батальона по политчасти капитан А. Кузнецов на последнем привале. Этого настоятельно требует сложившаяся обстановка.

По сигналу комбата все следовавшие за ним остановились. В нескольких шагах от них гудит и пенится река, над которой то и дело взлетают ракеты. В неярком свете заметны несущиеся многочисленные льдины с рваными краями.

Тяжело, очень тяжело будет преодолевать эту разлившуюся

в весеннюю распутицу водную преграду. Но начинать форсирование надо немедленно, на подручных средствах.

— Первыми должны пойти самые смелые, опытные и умелые бойцы, — сказал капитан Аулов. И здесь же добавил: — От их действий во многом будет зависеть общий успех.

За короткое время воины собрали несколько плотов из бревен и досок. Прочно скрепили каждый из них. Тем временем в батальон прибыл командир полка Г. Ф. Короленко. Началось формирование команды на первый плот. Включали лишь добровольцев.

— Разрешите мне возглавить команду, — обратился сержант Жмуровский к командиру полка.

Короленко взглянул на комбата и ротного. Капитан Аулов и младший лейтенант Конько ответили, что желание комсомольца Жмуровского следует поддержать.

Василий Иванович и Иван Степанович хорошо знают отважного пулеметчика. За плечами у Дмитрия богатый опыт форсирования водных преград. Он родился и жил на белорусской реке Сож, в деревне Борисовичи Климовичского района Могилевской области. После окончания третьего курса Могилевского педагогического института его призвали в армию. С июля 1941 года на фронте. Форсировал десятки больших и малых водных преград. «Перешагнул» через Днепр, Буг и Днестр. Служил в железнодорожных войсках, был минометчиком. Последние два года возглавлял пулеметный расчет. А теперь исполняет обязанности командира взвода.

Дмитрий не раз отличался в жестоких схватках с врагом. Например, у села Малая Яблоновка отбил несколько яростных вражеских атак, истребив десятки фашистов. Там же захватил пленного. В этом жестоком бою получил ранение в правую щеку.

Смелость и мастерство проявил Жмуровский в боях за г. Черкассы, особенно, когда выбивали фашистов из домов по улице Шевченко, а также под Корсунь-Шевченковским. Взвесив все это, командир полка разрешил Жмуровскому первым начать переправу через Прут.

Вместе с сержантом на плот ступило девять человек. У них два станковых и два ручных пулемета, автоматы, гранаты, патроны. К плоту прикрепляются канат и телефонный кабель.

Лавируя между льдинами, наши воины приближались к противоположному берегу. Но вот фашисты обнаружили их и открыли ураганный огонь. Вода кипела от разрывов.

Советские солдаты с оружием стали прыгать в воду и пробираться в прибрежный кустарник. Жмуровский с помощью двух солдат успел закрепить за ствол мощного дерева канат и телефонный провод. Подключив аппарат, доложил, что группа переправилась через Прут и начинает бой за захват и расширение плацдарма.

В нескольких десятках метров от Жмуровского оказался вра-

жеский пулемет, обстреливавший реку. Дмитрий незаметно подобрался к опасной огневой точке и меткой очередью уничтожил расчет. Группа Жмуровского вывела из строя два немецких орудия.

К рассвету бой разгорелся с новой силой. И не затихал весь день. Несколько яростных вражеских атак отразили наши бойцы. Сержант Жмуровский уничтожил около пятидесяти гитлеровцев.

Боеприпасы были на исходе. А фашисты наседали. Уже слышны их хриплые, возбужденные голоса.

— Без команды не стрелять! — приказал сержант.

Когда вражеские цепи подошли совсем близко, Жмуровский подал команду по ним из пулемета. Ударили другие наши бойцы...

С наступлением темноты подошло подкрепление. Командир роты младший лейтенант Конько горячо и сердечно поблагодарил Жмуровского и оставшихся в живых пятерых солдат за стойкость и мужество. В ходе дальнейших боев за расширение плацдарма Дмитрий также показывал пример беззаветной храбрости, нерушимой верности присяге, своему воинскому долгу. В числе первых на рассвете форсировал неширокую, но глубокую речушку Жижия и ворвался в занятое противником село Кырпицы. Вместе с рядовым Василием Фесенко и Михаилом Руденко пробрался к дому, где спали фашисты. Фесенко бесшумно снял часового. А Руденко в этот момент метнул в окно противотанковую гранату. Гитлеровцы всполошились. Стали выбегать из дома. Но тут же попадали под меткие выстрелы Жмуровского. А вел огонь он из трофейного пулемета, расчет которого накануне лично уничтожил на окраине села.

Внезапность, разумная инициатива Жмуровского и его двоих товарищей во многом предопределили успех боя за населенный пункт. На помощь им поспешили рота Конько и другие наши подразделения.

Вскоре сюда прибыли командир полка подполковник Г. Ф. Короленко и командир 254-й стрелковой дивизии полковник М. К. Путько. Михаил Константинович поздравил Жмуровского, крепко обнимая его, сказал:

— Я наблюдал за вашими действиями по захвату и расширению плацдарма, а также в ходе боя за село Кырпицы. Вы проявили подлинный героизм. Спасибо вам за это!

— Служу Советскому Союзу! — чеканя каждое слово, ответил сержант.

На второй день личный состав читал в газете «За Советскую Родину» заметки о мужественном пулеметчике.

А затем в части и подразделения поступила листовка, посвященная сержанту Жмуровскому. Ее содержание подробно излагается в книге «Герои и подвиги», выпущенной Институтом истории Академии наук СССР в 1958 году. Эта листовка, переизданная Главным политуправлением, экспонируется в Белорусском государственном музее Великой Отечественной войны.

После демобилизации Дмитрий Жмуровский вернулся в родной колхоз «Герой труда» Климовичского района. На его гимнастерке были Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина.

Тепло и сердечно сельчане встретили своего прославленного земляка. Вскоре домой возвратились отец Петр Аврамович, награжденный орденом Отечественной войны 2-й степени и многими боевыми медалями, брат Сергей, кавалер ордена Славы 3-й степени и пятнадцати медалей, брат Василий, нефтяник с Сахалина. Не было только младшего брата Александра. Он пал смертью храбрых под Старой Руссой. Дмитрий Петрович с братом Сергеем побывали на кладбище Рамешево, где в братской могиле покоится Саша...

В сентябре 1945 года бывший фронтовик поступил в Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, чтобы продолжать прерванную войной учебу. Затем стал аспирантом. Проявил склонность к научно-исследовательской работе. В январе 1959 года защитил диссертацию, стал кандидатом исторических наук. А в мае 1972 года Дмитрий Петрович успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. В октябре 1975 года Президиум ВАК утвердил его в ученом звании профессора по кафедре истории КПСС.

Коммунист Герой Советского Союза Д. П. Жмуровский награжден Ленинской юбилейной медалью и двумя Почетными грамотами Верховного Совета Белорусской ССР.

Литературная обработка Е. Ткачука

На молдавской земле

Л. С. АНЦЕЛОВИЧ,
*капитан запаса, бывший комсорг 187-го
гвардейского стрелкового полка*

На Кицканский плацдарм 61-я гвардейская Краснознаменная Славянская стрелковая дивизия вступила теплым апрельским днем 1944 года. Позади были тяжелые бои за Правобережную Украину, за Николаев и Одессу. Впереди лежала Молдавия, богатейшие земли которой все еще топтали сапоги оккупантов.

Переправившись через Днестр, мы сразу же у Леонтьева вступили в бой. Около двух недель пытались овладеть этим селом, но успеха не имели. И это можно легко объяснить. Почти четыре месяца дивизия вела наступательные бои—за это время мы прошли путь от Никополя до Днестра. Солдаты были сильно утомлены боями на Правобережной Украине. Да и роты поределели. В 1-м стрелковом батальоне, комсоргом которого я был в то время, осталась одна треть личного состава. И такое положение было во всех подразделениях 187-го гвардейского стрелкового полка и в других частях дивизии.

В начале мая был получен приказ об обороне, и мы стали окапываться на участке северней Леонтьева. Установились теплые погожие дни, быт солдат на плацдарме стал налаживаться, появились благоустроенные землянки. Но оборона—это не отдых. Это бои местного значения, эта непрерывная работа по совершенствованию своих окопов, по разведыванию обороны противника.

Наша линия обороны просматривалась врагом, и поэтому днем в первое время жизнь на нашем участке замирала—только наблюдения велись непрерывно. А ночью начинались работы по созданию ходов сообщения полного профиля, осуществлялся подвоз боеприпасов, пищи и т. п. Позади полосы нашей обороны подходила балка—мы называли ее «балкой смерти». Она простреливалась противником, укрыться первое время было негде, но в то же время это был единственный путь к нашей обороне. По ней с наступлением ночи подъезжали кухни, подвозили боеприпасы, приводили новое пополнение. Но уже через 2—3 недели мы могли по ходам сообщения пройти с батальонного командного пункта в передовые взводы и пулеметные расчеты, а позже были вырыты ходы сообщения и до штаба полка—целый подземный город с улицами и перекрестками.

В эти дни в подразделениях проходило вручение наград вои-

нам, отличившимся в боях на Правобережной Украине, при освобождении Николаева и Одессы. Одному из первых на плацдарме была вручена медаль «За отвагу» полковому разведчику И. В. Бызову, который в составе роты автоматчиков участвовал в поиске на подступах к городу Николаеву. Он возглавил группу разведчиков, задачей которой было добыть сведения об обороне противника. Разведчики выполнили тогда задачу: добыли необходимые сведения, взяли «языка», но командира им пришлось нести на себе — был тяжело ранен. После излечения догнал он свою часть уже на Кицканском плацдарме.

Здесь же, на плацдарме, к знамени дивизии был прикреплен орден Красного Знамени — награда за освобождение Одессы. Во всех подразделениях проходили митинги, на которых воины клялись громить врага до последней капли крови.

Вскоре в подразделения стало поступать пополнение. В основном это были молодые ребята из южных областей Украины и Молдавии, проживавшие более трех лет на оккупированной врагом территории.

Командир полка гвардии подполковник Г. И. Иванов и его заместитель по политической части подполковник М. А. Жданов, учитывая, что солдаты нового пополнения на протяжении трех лет были оторваны от нашей советской действительности, не читали наших газет, не общались с советскими людьми, поставили перед нами, политработниками, задачу: ознакомить молодых солдат с боевыми традициями дивизии и полка, разъяснить им международное и внутреннее положение нашей страны, обеспечить быстрое обучение их военному делу.

И все мы — заместитель командира по политической части гвардии капитан П. А. Обьедков, парторг батальона гвардии лейтенант П. И. Зубенко и я как комсорг — ежедневно находились во взводах и ротах, проводили политинформации, политические занятия. Во время бесед с молодыми воинами мы часто рассказывали об отличившихся наших товарищах: о полковом разведчике Иване Бызове, который еще в период боев на Северском Донце ходил в тыл врага за «языками», о санинструкторе нашего батальона Шура Глоба, которая пользовалась всеобщим уважением в полку за смелость и отвагу.

Трудными были ее военные дороги, но она стойко переносила все невзгоды фронтовой жизни. Она бесстрашно шла в бой, подбадривая солдат доброй улыбкой, мягким украинским юмором, бодрим словом. Еще в марте 1944 года в боях за село Березниговатое Николаевской области Шура была ранена, но не покинула боевые порядки батальона, и только после окончания боев ее увели в медсанбат. Тогда она была награждена орденом Славы 3-й степени. Через некоторое время Шура опять с нами, опять на передовой, но уже на земле Молдавии, на Кицканском плацдарме. Несмотря ни на что, она добилась направления в свою часть. Полк находился в обороне, но бои не

прекращались. И не один воин 1-го стрелкового батальона нашего полка, вспоминая бои на Кицканском плацдарме в апреле — июне 1944 года, называет своей спасительницей Шуру Глоба. Она всегда успевала оказать первую помощь раненым, а если надо — то и вынести их с поля боя. Казалось, что это не по ее силам — тащить тяжело раненого солдата с оружием, но Шура отлично справлялась с этой задачей. В одном из наградных листов того времени было сказано, что Шура за один бой спасла жизнь 19 раненым воинам.

В боях под Леонтьевым был такой случай. Санинструктор 2-го батальона нашего полка Мирошникова Нина находилась в землянке у Шуры. В это время туда зашел командир батальона и сказал, что звонили из роты и сообщили, что на нейтральной полосе слышны стоны раненого.

— Возможно, это комсорг, — сказал он, — его нигде не могут найти.

Шура сразу же собралась идти в роту. Комбат возразил, заявив, что он пошлет солдата, но Шура ответила: «Я маленькая, пройду незаметно».

Она надела плащ-палатку, взяла фонарик, и они с Ниной пошли в роту. Проходя по траншее около пулеметного расчета, Шура сказала:

— Возможно, стонет раненый немец или немецкие разведчики провоцируют нас и захотят взять меня в плен как «языка» — так вы открывайте огонь, не жалейте меня, не дайте им увести меня живой.

И она поползла. Когда приблизилась и, накрыв плащ-палаткой, осветила раненого фонариком, увидела, что это — немец. Взяла его документы и оружие. В роте по документам установили, что ранен был немецкий офицер. Его хотели перетащить к нам, но в это время за ним пришли немцы, завязалась перестрелка, и пулеметным огнем немцы были убиты. И вот 15 июня 1944 года. Землянка в расположении батальона на Кицканском плацдарме. Идет партийное собрание. Рассматриваются вопросы о задачах коммунистов батальона в предстоящих боях и о приеме лучших воинов в партию. Среди них была и Шура Глоба. Когда парторг батальона лейтенант П. И. Зубенко огласил заявление Шуры, раздались возгласы:

— Знаем Шуру, отважный солдат, будет достойным коммунистом.

И все присутствующие на собрании проголосовали за нее. Я рад, что мне довелось присутствовать на том собрании, как комсоргу батальона представлять Шуру коммунистам и тоже голосовать за нее — у меня не было сомнений в том, что Шура оправдывает высокое звание члена Коммунистической партии. А назавтра — снова бой, и Шура среди наступающих.

9 июля 1944 года дивизия сдала свою полосу обороны, переправилась через Днестр и расположилась в районе Слободзеи

Молдавской. Начались интенсивные учения во всех подразделениях, заканчивавшиеся дивизионными учениями. Солдаты и офицеры обучались ведению боя в обстановке, максимально приближенной к боевой, к прорыву такой линии обороны, какая была у противника на Кицканском плацдарме.

27 июля дивизия возвратилась на плацдарм и заняла оборону в районе озера Ботна, на правом фланге 37-й армии. Наш полк расположился на правом фланге дивизии — на берегу озера Ботна. И нами, и немцами велась интенсивная разведка, наши разведывательные группы по озеру уходили за линию фронта, а немецкие разведчики наведывались к нам. Поэтому берег озера доставлял нам много хлопот, охрана его велась усиленно.

Все дни пребывания на плацдарме мы готовились к наступлению. В подразделениях проводились митинги, на которых зачитывалось обращение Военного Совета 3-го Украинского фронта. Воины клялись выполнить боевой приказ Родины, разгромить врага и протянуть руку помощи народам балканских стран. У нас, в 1-м стрелковом батальоне 187-го гвардейского стрелкового полка, на митинге выступал парторг полка майор Г. И. Чураев, который страстно призывал воинов множить славные традиции нашей дивизии, воевать так, как воевали ветераны дивизии в Донских степях, под Воронежем, при освобождении Донбасса и на Днепре. Сам майор Чураев был ветераном дивизии, прошел весь ее боевой путь.

В августе приближение наступления стало ощутимее. На растало количество артиллерии, которая размещалась на плацдарме позади наших траншей. Там, где еще вечером ничего не было, утром мы обнаруживали артиллерийские или минометные батареи. Уже после войны мы узнали, что на участке прорыва протяженностью в километр было сосредоточено более 250 стволов.

20 августа — начало наступления — ознаменовалось мощной артиллерийской подготовкой, которая началась в 8 часов утра. За пятьдесят минут до окончания артподготовки огонь был перенесен в глубь вражеской обороны, а воины дивизии, находящиеся на переднем крае в первой траншее, имитировали начало атаки. Гитлеровцы, укрывшиеся в окопах второй линии обороны, бросились в первую для отражения нашей атаки — и в этот момент артиллеристы опять перенесли огонь на передний край. Летели вверх глыбы земли, висели тучи дыма и пыли. По окончании артподготовки гвардейцы с криками «ура» устремились вперед. Первая полоса вражеской обороны, состоящая из двух траншей, была взята!

Во второй половине дня 20 августа дивизия вышла к станции Каушаны. Поселок с ходу взять не удалось. Он горел после штурма нашей авиации. На станции рвались цистерны, враг

вел сильный огонь. Мы несли тяжелые потери. Батальоны за-
легли.

Командир взвода связи 2-го батальона 187-го гвардейского стрелкового полка лейтенант И. А. Курьянов вспоминает, что к этому моменту у него во взводе вышли из строя все связисты. Он обратился за помощью к начальнику штаба батальона, и тот выделил санинструктора 2-го батальона Нину Мирошникову. Она, как и Шура Глоба, была отважным воином, все дни находилась на передовой, спасая жизнь раненым. В тот момент, когда лейтенант Курьянов передал приказ начальника штаба дать связь командиру 2-го батальона, она на плащ-палатке выносила с поля боя раненого солдата. Передав раненого санитарам, Нина побежала на командный пункт батальона. Он размещался в неглубокой воронке. Комбат Белогуров по телефону требовал от артиллеристов усилить огонь по противнику. Минут через 5—10, когда артиллеристы перенесли огонь в глубину вражеской обороны, капитан Белогуров дал команду к атаке и с возгласом «Вперед, за Родину!» побежал вперед. Вдруг рядом с ним разорвалась мина, и он упал, смертельно раненный осколком в голову. Нина Мирошникова была контужена, но пост не оставила. Командир первой роты принял командование батальоном, но и он вскоре был ранен.

Поздно ночью подошли основные силы дивизии, мы пошли в атаку и ворвались в Каушаны. На следующий день, 22 августа, дивизия продолжала наступление вдоль реки Ботна. Противник, предчувствуя окружение, отходил, отчаянно сопротивляясь и переходя в контратаки. За этот день мы прошли с боями около 20 километров и вышли к Салкуце, где встретились с передовыми частями 57-й армии — с этого времени дивизию переподчинили 57-й армии, и до конца операции мы были в ее составе.

Далее нам была поставлена задача наступать на Кайнары, где укрылись части 294-й и 384-й пехотных дивизий противника. В ночь с 22 на 23 августа, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, Кайнары были взяты.

24 августа воинам дивизии пришлось вести тяжелые бои в районе населенных пунктов Митрополит и Сагайдак. Последний за день несколько раз переходил из рук в руки. На стыке 61-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий противнику удалось просочиться сквозь наши боевые порядки, но общими усилиями к исходу суток положение было восстановлено.

25 августа дивизия вела бои на рубеже Митрополит — Галбеница, имея задачу не допустить прорыва противника на запад. Накал боев не ослабевал весь день — то здесь, то там вспыхивали рукопашные схватки. Враг нес большие потери. Только во время отражения одной из попыток прорыва он оставил на поле боя 250 своих солдат и офицеров.

В последние два дня боев, 26 и 27 августа, нам приходилось

вести бои с мелкими группами противника. К исходу 27 августа окруженные вражеские войска были полностью уничтожены.

В эту победу, которая имела большое военное и политическое значение, весомый вклад внесла и 61-я гвардейская дивизия.

За прорыв сильно укрепленной обороны противника южнее города Бендеры приказом Верховного Главнокомандующего от 22 августа 1944 года личному составу нашей дивизии была объявлена благодарность. За мужество и отвагу, проявленные в ходе Яско-Кишиневской операции, сотни воинов дивизии были награждены орденами и медалями, которые были нам вручены на территории Болгарии в сентябре—октябре 1944 года.

...Прошло много лет. Ветераны дивизии ведут переписку с учениками русской средней школы № 3 города Каушаны, где клубом «Поиск» создан уголок боевой славы. В уголке часть экспозиции посвящена и нашей дивизии. Мы часто встречаемся, рассказываем молодежи о трудных, но и славных дорогах войны. И хотя годы наложили отпечаток на наши лица, изменили походку, мы, ветераны, как и прежде, на передовых позициях в борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране.

Унгенская увертюра

Е. П. ТОРОПЧИН

В результате Уманско-Ботошанской операции 26 марта 1944 года наши войска вышли на реку Прут и форсировали ее во многих местах. Родина отметила это событие 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Первыми в Румынию вступили 27-я армия С. Г. Трофименко и 52-я армия К. А. Коротева, в состав которой входила в тот период 213-я Новоукраинская стрелковая дивизия. Захватив плацдарм на подступах к Яссам, воины 213-й стояли насмерть.

Выход советских войск на подступы к Карпатам серьезно встревожил гитлеровское командование. И не только потому, что Германия теряла важную сырьевую базу. Генералы считали, что именно тут удобнее всего оборонять «Великую Германию», поэтому они сосредоточили здесь более 60 дивизий в группе армий «Южная Украина», «Ф», «Е» и создавали мощную глубокоэшелонированную оборону. На Яском направлении, например, были подготовлены три оборонительные полосы глубиной до 80—100 километров. Противник считал их неприступными.

Первоначально 11-я и 7-я румынские дивизии, стоявшие против 213-й, вели массированный артиллерийский огонь, ночную разведку, контратаковали. Но вражеские лазутчики сами становились нашей добычей, и они перестали рисковать. Зато усилилась деятельность наших разведчиков.

Несколько месяцев велись кровопролитные бои за удержание плацдармов. Но без них не было бы победы в Яско-Кишиневской операции. Бывший начальник штаба 213-й дивизии подполковник в отставке Н. И. Кирдан вспоминает: «Стояло грозное боевое лето 1944 года. В один из августовских дней меня вызвали в село Скуляны, где находился штаб 48-го стрелкового корпуса. В обширном, ярко освещенном блиндаже за широким столом сидел молодой, грузноватый, но еще энергичный генерал З. З. Rogozный. Комкор жестом пригласил к столу. Перед ним лежала крупномасштабная топографическая карта, отображавшая боевую обстановку на фронте 52-й армии: красные широкие стрелы тянулись на юг и юго-запад, угрожающе нацеливаясь на Бухарест. И я понял, почему на нашем участке наращивались силы, проводилась скрытая перегруппировка частей, подтягивалась техника, пополнялись боекомплекты, сооружались запасные и ложные объекты». Как мне стало известно позднее, здесь были сосредоточены 40, 27,

52 и 7-я гвардейская армии и часть сил 2-й и 6-й танковых армий. Далее Н. И. Кирдан сообщает: «Генерал кратко изложил задачу нашей дивизии в предстоящем наступлении».

52-я армия вышла на правобережье реки Прут и развернулась фронтом на юг. Западнее ее находились 27-я и 7-я гвардейская армии. Прут, разрезая наши боевые порядки, нес свои воды в южном направлении. На правобережье, перед нами, стояли в основном румынские дивизии, а на левобережье — преимущественно немецкие. В глубине вражеской обороны, километрах в двенадцати, — железная дорога Яссы — Кишинев, пересекающая Прут у селения Унгены.

213-я дивизия располагалась на стыке 52-й и 4-й гвардейской армий, вдоль правого берега Прута. Она получила задание захватить Унгенский мост и тем лишить немцев возможности перебрасывать свои войска на помощь румынским. Это должно было послужить началом Ясско-Кишиневской операции.

То, какое значение имела для противника железная дорога, которую предстояло перерезать 213-й дивизии, видно из хранившегося в архивах немецкого генштаба письма маршала И. Антонеску Гитлеру: «Если противнику, наступающему в направлении Ясс, удастся захватить линию Кишинев — Яссы — Роман, отступление армейской группы «А» и 8-й армии будет совершенно невозможно...» Захват моста должен был отвлечь внимание как румынского, так и немецкого командования от других участков 2-го и 3-го Украинских фронтов, где завершались приготовления к началу крупных операций.

Правобережье Прута — полузаболоченная пойма, по которой причудливо выписывает вензеля речушка Жижия. Зеленые кружева покрыли всю долину. Там и днем-то заблудиться легко, не то что ночью да еще под обстрелом. Однако предстояло пройти по этому невероятно трудному пути. Для выполнения поставленной задачи было решено выделить усиленный батальон. О том, что, кроме охраны моста, отряд встретится еще с гарнизоном Унген, что его могут отсечь от дивизии, вслух никто не сказал ни слова, хотя следовало ожидать всего.

Выбор пал на 2-й стрелковый батальон 585-го полка. Им командовал смелый и опытный офицер Н. А. Уланов.

В ночь на 17 августа батальон сняли с передовой и вывели в рощицу на реке Прут. Оказавшись в ближнем тылу, люди увидели, как живописна здесь августовская панорама, и остро почувствовали, сколь нелепа жестокая война.

Вместе с приданными подразделениями и средствами батальон под руководством заместителя командира 585-го стрелкового полка майора Данилина — волевого и боевого политработника, окончившего в 1943 году курсы командиров полков «Выстрел», — готовился к выполнению труднейшей задачи. Бойцам и офицерам сообщили только то, что будет она очень сложной, что, вероятно, рассчитывать придется лишь на свои силы. Тщательно было по-

догонено снаряжение, чтобы ничто не гроыхало, не стучало, не мешало ни при беге, ни при переползании. Когда стали тренировать в способах захвата часовых, закладки мин и преодоления проволочных препятствий, догадались: готовится разведка боем. И заниматься стали еще настойчивее.

Вечером 19 августа в расположение батальона прибыли командир дивизии И. Е. Буслаев, заместитель начальника политотдела Л. С. Портнов, начальник штаба дивизии Н. И. Кирдан и командир 585-го полка майор К. С. Мерлин. Комбат Н. А. Уланов держался спокойно. Он доложил о готовности подразделения для действий в тылу врага. Воинов выстроили в лесу, и командир дивизии в сопровождении офицеров начал обход строя.

Иван Ефимович остановился возле невысокого худошавого бойца. Его плечи оттягивали полевой телефон и большая катушка с кабелем. Волосы коротко острижены, поверх — свежая повязка. Генерал спросил, почему он без головного убора. И тут выяснилось: боец — девушка-связистка Нина Шкуратова, недавно вернувшаяся из медсанбата. Она еще не получила стальную каску.

Людей усадили на траву полукругом. И. Е. Буслаев рассказал им о боевой задаче. В сущности, это был приказ, но воспринимался как беседа отца с сыновьями: старший давал наставления младшим. Потом с теплым душевным партийным словом к бойцам обратился Л. С. Портнов. Он сказал о том, что удержание моста — дело чести каждого.

После беседы И. Е. Буслаев в присутствии всех офицеров поставил задачу командиру батальона. «Только вперед! Забудьте слово «назад», — закончил он приказ. Принципиальный разговор на летучем партийном собрании состоялся у коммунистов. Протокола не вели. Решение одно: «Уважительной причиной покинуть бой может быть только одна — смерть. В бой идти с мыслью и волей победить во что бы то ни стало!»

Генерал вместе со всеми отужинал из солдатского котла. Перед выходом снова появилась связистка, но уже в каске. «Я вижу, вы храбрая и единственная девушка в батальоне, — заметил комдив. — Мы надеемся, что не только обеспечите связь, но и душевно поддержите бойцов. А вы, — командир дивизии улыбнулся мужчинам — телефонистам и радистам, — будьте рыцарями». И снова, обратившись к Нине, мягко, по-отечески добавил: «Берегите себя, ведь вы уже ранены». Шкуратова спокойно ответила: «Пустяки, товарищ генерал! Всего — царапина. Жалко кудри — пришлось остричь...»

Хотя сосредоточение на переднем крае предусматривалось в 23 часа, но исходные позиции заняли раньше. Начштаба дивизии Кирдан и командир полка Мерлин из передовой траншеи окинули взглядом впереди лежащую полосу земли.

Сплошных позиций у 11-й румынской пехотной дивизии в болотистой пойме Жижии не было. Зато справа, вдоль холмистого берега реки, имелись многочисленные дзоты и отсечные позиции

в несколько траншей полного профиля. Значит, надо прижиматься к левому флангу, к реке. Но за Прутом 376-я пехотная дивизия немцев соорудила еще более основательные оборонительные рубежи. Где же выход?

«Где проползет мышь, утверждал Суворов, там пройдет разведчик», — начал с присказки младший лейтенант Ямил Кувандыков. Он не раз ходил за «языком» и хорошо изучил лабиринт из естественных и искусственных препятствий. «Суворов говорил: где пройдет олень, там пройдет солдат, а где пройдет солдат, — там пройдет и армия», — поправил Кувандыкова майор Мерлин. «Оленю тут не пройти, — обиделся Кувандыков, — а наши разведчики ходили. Если пробираться, погружаясь до пупка в болотце, да ужом — по мокрой траве, то проведу без шороха».

Взвод дивизионной разведроты и взвод саперов, ведомые Кувандыковым, в назначенное время двинулись на передовую. Вслед за ними потянулись другие бойцы.

В обычных условиях до Унген можно было бы дойти за полтора часа. Отряду дали шесть. Как и в другие ночи, фашисты ограничивались редкими автоматными очередями, вели неприцельный, густо расцвеченный трассирующими пулями огонь из пулеметов, прожигали темень ракетами.

Солдаты шли осторожно. Благополучно миновали линию заграждений, бесшумно разобранные саперами, и как тени двинулись дальше. И вдруг у села Босия беспорядочный огонь из автомата. Бойцы залегли, притаились. Вскоре стрельба затихла. Видимо, дремавший часовой испугался шороха. Посланная сюда немцами разведка ничего не обнаружила. Батальон, соблюдая осторожность, благополучно миновал опасное место.

Вблизи засеребрился Прут. За излучиной реки стали угадываться очертания садов и строений поселка Унгены. Пока все шло своим чередом. Воины были готовы ко всяким неожиданностям. На случай внезапной атаки или преследования Уланов оставил заслон и с группой офицеров выдвинулся вперед. Передал по цепи «Подтянуться!» Тем временем группа Кувандыкова пробралась к мосту и, бесшумно действуя штыками и кляпами, сняла охрану. Это был огромный успех, и батальон ринулся к мосту.

Неожиданно послышался перестук колес паровоза, следовавшего из Ясс. Шум приближался откуда-то сзади. Видны были только слабо излучавшие синий свет фары. Бронебойщики ударили по паровозу, и тот, окутанный клубами пара, прогрохотал по мосту. Тут же с колокольни застрекотал пулемет, из ближайших домов выбежали солдаты и устремились к траншеям. Но наши опередили их: заняли окопы, вырытые по обе стороны моста. По приказу комбата саперы взорвали проложенное на высокой насыпи полотно железной дороги и нарушили связь. Вдруг заметили быстро мчавшуюся к ним легковую машину. Автоматная очередь, и «оппель» затих. Документы, найденные у немецкого офицера, перекочевали в планшет Уланова.

Так начался бой за Унгенский мост. Было пять часов утра.

Скоро немцы разобрались в обстановке и подтянули мотопехоту с артиллерией и минометами. Потеснив улановцев к мосту, сбить их все же не смогли. Воины стойко отражали контратаки. С батальоном следовал заместитель командира второго дивизиона 671-го артполка капитан Е. А. Пасенко. Свой наблюдательный пункт он оборудовал на мосту и, как было условлено, вызвал огонь трех батарей капитана К. Я. Череватого наседавших фашистов. Первая атака немцев захлебнулась. Улучив момент, Уланов передал на командный пункт дивизии: «Задача по захвату моста выполнена. Упорный бой завязался на восточном берегу Прута». Об этом немедленно доложил командиру корпуса З. З. Рогозному. «Вот это герои! — воскликнул обрадованный генерал. — Передайте им благодарность и немедленно организуйте поддержку. Закрепите и развеите успех!»

Да, успех был несомненный. Это признал и один из пленных: «В ночь с 19 на 20 августа, — писал он в показаниях, — батальон русских незаметно пробрался через румынскую линию обороны восточнее Голешты и врасплох застал немецкое охранение... Батальону русских удалось быстро пробиться по мосту на восточный берег».

Стало известно, что Н. А. Уланов ранен в руку, но продолжает управлять боем. Немцы предприняли еще одну безуспешную атаку, потом еще и еще. В 7 часов 30 минут в атаку пошли фашистские танки. И в это время началось наступление советских войск. Заговорили «катюши», и небо прочертили огненные трассы, грозно загудели многочисленные «Илы», поднялись бомбардировщики, чтобы ударить по скоплениям врага на Яско-Кишиневском выступе, пошли на прорыв танки и стрелковые подразделения. Немецко-румынские войска были сбиты с их позиций.

Но положение улановцев все более ухудшалось. 585-й полк начал наступать на Унгены, но попал под фланговый огонь из-за Прута и залег. Не смог продвинуться и 793-й полк. Немцы же все более наращивали силы. Не первую уже атаку отбил пулеметчик М. Яхимсон. И вдруг пулемет замолк: кончились патроны... Яхимсон пополз по траншее за оружием павших товарищей. Он еще долго отстреливался, но немцы поняли: патроны у него на исходе, и осмелели...

Танки противника проутюжили позиции разведчиков Кувандыкова. Погиб храбрый офицер. Кольцо вокруг батальона сжималось, враги все наглее бросались на измученных бойцов. И тогда капитан Пасенко вызвал огонь на себя. Это было в 16 часов. Фашисты — в который уже раз! — откатились, оставляя убитых и раненых. В 18 часов Уланов в последний раз радировал: «Ведем рукопашный бой... Имеем большие потери. Будем драться до конца!» Комдив попросил: «Друзья, продержитесь до темноты. Взорвите мост и отходите». Но этого приказа не могли принять — рация была разбита.

Действуя на правом фланге дивизии, 702-й полк захватил ряд важных высот и тем помог соседу справа—3-й стрелковой дивизии генерала Ю. И. Соколова—добиться успеха. Наступила глупая ночь. 702-й полк перебросили на левый фланг, под Унгены, на выручку улановцев. Воины продвигались буквально сквозь огонь: румыны подожгли пшеничное поле. Бежали, глотая дым, не имея возможности для прицельной стрельбы. Обжигало лица и руки. Потом пленный румын рассказал, что его обаял ужас при виде бегущих из огня людей: «Они выскакивали из огня и дыма, как черти, страшными, неуязвимыми тенями и пропадали в болоте, чтобы через минуту появиться у нас в тылу».

В первых рядах отважных были коммунисты. Страстным большевистским словом и личным примером они воодушевляли бойцов на подвиги. В этом бою пал парторг роты старший сержант Ширинский. В кармане у него нашли заявление рядового Мазепы: «Сегодня иду в бой. Буду драться до последней капли крови. Если погибну, прошу считать меня коммунистом». Собрание провести не успели. После боя их нашли рядом—Ширинского и Мазепу. Коммунист офицер Тархов сидел на горелой земле у их изголовья. Сам дважды раненный и обожженный, без ресниц и бровей, молча и безучастно смотрел куда-то вдаль. Только желваки на скулах выдавали его волнение: обидно терять друга, невыносимо тяжело терять сразу двоих. Подошел парторг Григорий Бойнов, тронул Тархова за плечо. Тот очнулся, встал. «Не пойму, товарищ майор, как могли они так: сквозь огонь прошли, а тут пали...»

Мне рассказали, как исполнял свои общественные обязанности в боевых условиях парторг роты Мавлян Саидов. Маленький и юркий, он появлялся то в одном, то в другом месте, подбадривая новичков: «Молодец, хорошо у тебя получается, вот так и действуй»,—и он показывал, как надо применяться к местности, выбирать цель, не забывать о прицеле, об окапывании, о маскировке. А на прощание говорил: «Мне лейтенант Лукьянцев посоветовал встретиться с тобой, он видел, как ты хорошо воюешь». И радостно становилось на душе бойца: не одинок он на поле боя, где, кажется, все знают, что им надо делать, кроме его одного. Саидов хорошо понимал смятение новичка в бою, сам был таким на Курской дуге. На Днепре Саидова удостоили медали «За отвагу», а здесь ему, храброму, испытанному коммунисту, умелому воспитателю молодых бойцов, доверили руководить партийной организацией роты. Во время наступления роты на село Босия противник пошел в контратаку силой до двух рот. Немцы и румыны пытались охватить ее полукольцом, но на помощь подоспел с бойцами парторг соседней роты старший сержант Г. Багреев. Дорого поплатился враг за попытку окружить советских воинов.

Пока 213-я наступала в сторону Унген, соседи справа—116-я и 11-я дивизии—прорвали главную полосу вражеской обороны и завязали бой в предместьях Ясс. К полудню 21 августа Яссы пали. Первыми в город ворвались воины 111-й стрелковой дивизии. Ра-

портуя о героизме наступавших, генерал Соколов не забыл отметить и воинов 702-го полка, которые помогли 111-й дивизии прорвать оборону противника.

За боевые отличия военкор Я. Анненков, впоследствии литсотрудник дивизионки, получил звание младшего лейтенанта. Он и написал корреспонденцию о лейтенанте Николае Новикове, раненном в плечо и голову. Лейтенант продолжал руководить боем, и две яростные контратаки немцев под Унгенами были отбиты. Сильным побуждающим мотивом стойкости Новикова, по мнению автора, явилось полученное им накануне боя письмо от невесты из Сибири. И с этим нельзя было не согласиться. Она писала: «Каждый убитый тобой фашист — еще один шаг на пути к моему порогу. Бей ненавистного врага беспощадно и скорей возвращайся домой. Жду тебя очень...»

Я предложил Анненкову более обстоятельно разработать тему о мотивах героизма. Он смутился: «Справлюсь ли? Я пока усвоил семь репортерских вопросов: кто, что, когда, где, почему, сколько, с какими последствиями? И на них отвечаю». Стремясь помочь молодому журналисту, напомнил ему уже известные случаи исключительного поведения солдата в бою, вместе проанализировали причины такого поведения человека. Взять, говорю ему, Петра Кожухаря. Во время боя он оказался в окружении и был ранен в обе ноги. Фашисты пошли в пятую атаку. Кожухарь получил еще одну пулю в левую руку. Выбора у него не оставалось: либо, стиснув зубы и преодолевая боль, биться до последнего дыхания и победить, либо, если атака принесет врагу успех, пасть на поле боя. И Петр Кожухарь, презирая смерть, сражался в открытую. Он слал врагу проклятия, не стеснясь в выражениях. Его поведение влияло на тех, у кого были невредимы и руки, и ноги. И советские бойцы выстояли. Чем объяснить поведение Кожухаря: отчаянием, презрением к врагу или лихостью? Не сразу, пожалуй, ответишь. Говорят: на миру и смерть красна. Но это только говорят. Никто не идет в бой, чтобы умереть, а идет, чтобы выжить и победить.

Рядовой Твердохлеб остался в окопе один. Он расстрелял все патроны и лег на дно окопа, притворившись мертвым. Но и немцы были настороже—кинули в окоп «контрольную» гранату. Он поймал ее и бросил в немецкие цепи. Поняв, что советский воин без боеприпасов, трое офицеров прыгнули в окоп и стали топтать его сапогами, бить прикладом. Откуда ни возьмись—комсомолец Савин. С риском ранить товарища Савин выпустил длинную очередь в барахтающихся в окопе. К счастью, Твердохлеб уцелел. Теперь у друзей оказались три автомата и несколько гранат. Твердохлеб и не помышлял, что его отметят. Он думал об одном—победить. Впрочем, как и рядовой Косенко. Будучи раненным в руку и голову, солдат попросил лейтенанта Гринберга оставить его в строю.

Вспомнил об офицере Сабире Аглиулине. Он иногда открыто ходил по позиции. «Товарищ командир, осторожнее, пострелива-

ют»,—предупреждали его. «Сейчас им не до стрельбы,—отвечал Аглиулин,—видите, забились в норы. Это мы их сейчас будем выкуривать оттуда». И тот же Аглиулин не прощал и малейшей лихости, а на сержанта Гуляева, кавалера ордена Славы, даже накричал: «Ты мне живой нужен, а не мертвый, поэтому изволь соблюдать наставления. Вечером проэкзаменую всех. Берите пример с пулеметчика Крекотуна. Человек награжден орденом Красного Знамени, один отстоял высоту, пока мы барахтались в болоте. А замечали вы хоть раз, чтобы Крекотун проявил лихачество? Нет! Храбрость, смелость, лихость в бою—это только одна сторона героизма, другая, более важная—умение, трезвый расчет, дисциплина боя!»

Интересно, что воины, удостоенные звания Героя Советского Союза, заявляли: «Есть более достойные»,—и ссылались на подвиги товарищей, которые, как уверяли они, им были не под силу. В подтверждение напоминали о бойце Кариме Алиеве, награжденном орденом Славы 3-й степени. В боях за Прутом Алиев обнаружил и сорвал вылазку взвода вражеских автоматчиков, спас жизнь командиру Крайненко, выследил и помог уничтожить вражескую батарею.

К разряду героических или рядовых отнесете вы поступок сержанта Хазиева? Он артиллерист. Батарея стояла далеко от передовой. Утро было туманное. Хазиев вышел из землянки и услышал рокот танковых моторов. «Немцы»,—мелькнула догадка. «Тревога!»—крикнул он и скомандовал:—По вражеским танкам—огонь!» И сам первым начал стрелять—в общем-то больше наугад. Когда туман рассеялся, на поле увидели пять подбитых немецких танков. Три из них—результат бдительности Хазиева. «Как ты решился стрелять?»—спрашивали у него после боя. «Не знаю,—отвечал Хазиев,—что-то сразу сработало во мне: командир не предупредил, что наши танки будут проходить, шум не наш, направление не то, время не то, речи родной не слышал—наши редко молча ездят. Танковый десант в наш тыл не удался. А герой этого боя не я, а Фазыл Хуснарезанов,—он лучше меня из орудия стреляет. Скорее всего, он и подбил три танка».

К сожалению, проблемной статьи об истоках героизма мы не успели написать. Когда я попросил взяться за это парторга А. Темирбаева, тот безапелляционно ответил: «Героизма на войне нет, есть святое выполнение присяги, верность Родине, ответственность за исполнение солдатского долга и совесть перед товарищами, наконец, есть умение добывать победу в самых сложных условиях. Иногда бой сравнивают по сложности с шахматной игрой. Ерунда все это. Шахматисты ходят поочередно, а в бой все фигуры идут одновременно, причем иногда вопреки воле игрока. За всю жизнь подвиг может и не совершиться, но истинный патриот готовится к нему всю жизнь. Подвиг бывает и случайным. Подготовка к нему—дело разума и совести».

* * *

В те часы, когда трудящиеся г. Яссы торжественно встречали освободителей, воины 213-й дивизии все еще вели напряженные бои с гитлеровцами, пытавшимися прорваться через Унгенский мост на выручку румынским дивизиям, стремительно откатывавшимся от Ясс на юг, в леса близ города Хуши и далее. Предполье перед Унгенским мостом было устлано трупами вражеских солдат, но яростные атаки противника, поддержанные авиацией и танками, не прекращались.

Когда власовцам удалось временно вернуть Унгенский мост, там разыгралась страшная трагедия: они зверски добивали раненых. 209 бойцов 2-го батальона были с воинскими почестями захоронены в поселке Унгены. Судьба 286 бойцов осталась неизвестной—фашистские танки проутюжили каждый метр земли, завалили все окопы. 42 солдата и три офицера, среди них и комбат Уланов, были отправлены в госпитали. Лишь несколько часов не дожили многие воины до 24 августа, когда королевская румынская армия сложила оружие.

Враг не прорвался

Н. А. ПОВОЛОЧКО,

*заместитель командира батальона
439-го стрелкового полка по политчасти,
майор в отставке*

С 22 сентября 1943 года в городе Мерефа Харьковской области доформировывалась 52-я стрелковая дивизия. Она прошла большой боевой путь. Только с 9 августа по 21 сентября 1943 года дивизия продвинулась вперед на 350 километров, освободив 65 населенных пунктов. По распоряжению штаба Степного фронта в эту дивизию в сентябре 1943 года меня назначили на должность заместителя командира 2-го батальона 439-го стрелкового полка по политчасти. В это же время в батальон прибыло пополнение — в основном из среднеазиатских республик. Сразу же на следующий день были организованы занятия по боевой и политической подготовке. Коммунисты и комсомольцы помогали командирам в воспитании личного состава. В конце сентября 1943 года дивизия в составе 57-й армии совершила марш к городу Петрово Кировоградской области, а затем с боями начала продвижение к Молдавии. Нелегко был этот путь. Форсировали Днепр, Ингул, а 26 марта 1944 года — Южный Буг в районе Александровки. И все это — под свирепыми обстрелами, с десятками убитых и раненых, с невероятными лишениями и трудностями. Каждый бой остался своеобразной зарубкой на памяти. Таких зарубок было предостаточно.

В апреле наша дивизия вышла к Днестру. Началась усиленная подготовка к очередному форсированию. Ночью от левого берега отчалили лодки с бойцами. Они скрытно подплыли к правому берегу реки. Неожиданная атака — и небольшой плацдарм захвачен. Его сумели удержать до прибытия основных сил дивизии. Под прикрытием минометного и орудийного огня пехота 429-го и 431-го стрелковых полков на понтонах, лодках, бревнах, бочках, плотках переправилась на глазах у немцев через Днестр и прочно закрепилась на плацдарме у села Гура-Быкулуй. Находясь в резерве дивизии, наш 439-й стрелковый полк тоже переправился через реку и занял оборону.

Весна уже давно вступила в свои права. Бойцы шершавыми пальцами перетирали комки земли, оценивали. Видно, соскучились по своим полям, по работе. Но каждый понимал, что не увидит своих родных мест до тех пор, пока с врагом не будет покончено раз и навсегда.

Гитлеровцы неоднократно пытались вклиниться в нашу оборону и сбросить дивизию в Днестр, но их атаки захлебывались,

В. С. Мельников

Д. И. Пискунов

А. М. Мисочник

Л. С. Анцелювич

Т. С. Тращенко

Д. Е. Писляков

Н. А. Вязанкин

Е. С. Лях

М. П. Дудолодов

И. С. Фролов

В. Т. Блиннов

К. С. Андреев

С. В. Кованов (слева), Е. Н. Ступик

Н. А. Поволочко

В. Н. Иванов

большими потерями. Поэтому не случайно среди солдат и офицеров ходили поговорки: «Бойся не бойся, а к атаке готовься», «Смотри на опасность глазами смелости и будь в целости».

Передний край у немцев проходил по господствующим высотам. Это преимущество вначале дало возможность гитлеровцам жестко контролировать нашу оборону. Но наши солдаты вырыли глубокие окопы, соединили их с тылом ходами сообщения, траншеями. Одним словом, закопались. Поэтому противник вынужден был вести огонь наугад.

Прибыло новое пополнение — в основном молдаване из освобожденных районов. Мы наладили занятия с ними, продолжали укреплять оборону, совершенствовали огневую систему, усилили наблюдение за противником. Снайперы целыми днями и ночами вели «охоту» за «кукушками» — то есть за фашистскими ротозеями. «Кочующие пулеметы», артиллерия и минометы наносили периодические удары по врагу и держали его в постоянном напряжении. В траншеях ежедневно проводились занятия по боевой и политической подготовке для всего личного состава. Проходили комсомольские и партийные собрания, систематически велись беседы, политинформации, выпускались «боевые листки», а агитаторы из числа коммунистов и комсомольцев проводили читки газет, рассказывали о боевых подвигах, совершенных в других частях и соединениях. И все же солдаты и офицеры, пробыв более четырех месяцев в обороне, с нетерпением ждали того дня, когда выйдут из окопов и пойдут в бой.

Вскоре наш батальон вместе с дивизией перебазировался и начал готовиться к маршу. Командир батальона майор М. А. Абаев провел совещание с командирами рот о предстоящем марше. Были также проведены партийные и комсомольские собрания, беседы с красноармейцами о дисциплине марша.

16 августа батальон был поднят по тревоге и поротно двинулся в направлении Тирасполя. Жара нарастала. Было душно. Пыль припудривала вспотевшие лица.

Подразделения сосредоточились в районе Тирасполя, а наш батальон — в плодовом саду. Под каждым деревом расположились по 2—3 человека. Хождение по саду было запрещено. Командиры строго следили за тем, чтобы личный состав и техника были тщательно замаскированы. Противник, видно, нервничал. Из Бендерской крепости нет-нет да и залетали к нам мины и снаряды. Потерь, правда, не было.

На рассвете 20 августа войска 3-го Украинского фронта после артподготовки при поддержке авиации пошли в наступление. Прорвав оборону противника южнее Бендер, войска развивали насту-

пление. В конце августа 52-я стрелковая дивизия под командованием полковника Л. М. Милевая была спешно переброслена на новый огневой рубеж с задачей перерезать пути отступления противника, который стремился вырваться из котла к Пруту. Наш батальон на машинах обошел Бендеры, а затем тоже ускоренным маршем двинулся к намеченному рубежу.

В час ночи 26 августа роты прошли лесом и начали опускаться к огневому рубежу. Комбат, хорошо ориентируясь в темноте, шел со своим штабом впереди батальона. На отведенных нам участках роты, вырыв окопы, стали ждать отступающих немцев. Темно и тихо, только докатываются отзвуки дальнего боя.

Тишину нарушил далекий стук колес. Комбату доложили, что по дороге к лесу движется несколько повозок противника. Ждем. Пропускаем повозки в лес, а там уже раздается команда: «Сто! Руки вверх!»

А впереди новые звуки. Светает. Уже можно различить, как редкими шеренгами движутся немцы, обтекаемые нас с флангов. Наш заметили, открыли артиллерийский огонь.

— Комиссар,—спрашивает у меня комбат,—может, нам лучше подальше в лес отойти, еще раз окопаться?

Комбат, оказывается, вовремя разгадал немудреный замысел врага и принял решение организовать круговую оборону. Противник не заметил этого маневра и после нашего отхода продолжал обстреливать пустое место.

Гул танков, крики, автоматная стрельба быстро приближались к нашему новому расположению. Весь штаб был отправлен в роты. В штабе остались только комбат, я, начальник штаба, командир взвода связи да командир санавзвода. С нами был еще пулеметчик Полховский со своим «максимом».

Приближается минута решающей схватки. На наш батальон, как мы сразу же определяли, было брошено около полка пехоты, восемь танков и одиннадцать орудий. Танки уже подходили к месту, где мы заняли оборону. Командиры рот непрерывно звонят по телефону, просят разрешения открыть огонь. Но комбат отвечает одно и то же: без приказа не стрелять. Немецкие танки, продолжая обстрел невидимых ими целей, вошли в лес. Гитлеровцы бежали за танками. Они что-то кричали. Наконец была отдана команда: открыть огонь.

От неожиданного заградительного огня немцы пришли в замешательство, попытались назад. Пехота врага была отсечена от танков. Попытки гитлеровцев прорваться к своим танкам кончились безуспешно, с большими потерями, и они залегли. Зажатый в железное кольцо враг, как затравленный зверь, шел на все, лишь бы пробить себе брешь для выхода из окружения.

Командир минометной роты капитан Уткин доложил, что его грубы накалены, мины ложатся рядом, организована круговая оборона. Коммунист минометной роты Лесников с бойцами неоднократно вступал в рукопашную схватку, но небольшой группой

никогда все же удалось прорваться и пройти через нашу оборону. Майор Абаев принимает решение вместе с остатками штаба контратаковать прорывающихся. Немцы не выдержали, отступили. В это время бронейщики старшего лейтенанта Михайлова вступили в схватку с танками. Два из них вскоре вспыхнули, другие же начали поспешно отступать, но наткнулись на соседнее подразделение ПТР и вскоре тоже были подбиты.

Этот жаркий бой показал высокие примеры подлинного героизма. Старший сержант Савелий Утилов подполз к автомашине-бронетанковой, забросал ее гранатами, машину подбил, а ее экипаж уничтожил. Во время контратаки он ворвался в боевые порядки противника и уничтожил еще пятерых немцев. Комсомолец Евгений Евтодиев, связной при командире роты, первый поднялся на контратаку, убил шесть гитлеровцев и подорвал гранатой ручную пулемет врага. Он получил ранение, но не отправился в санчасть до конца боя. И таких примеров было немало.

С восходом солнца бой затих. Появляющиеся кое-где группы немецких солдат уже не пытались сопротивляться, а бросали оружие и сдавались в плен. Правда, наиболее оголенные фашисты продолжали попытки прорваться из окружения, но их настигали огонь наших автоматов.

Когда мы осмотрели поле боя, то насчитали более сотни трупов немецких солдат и офицеров, а в подбитой машине обнаружили убитого генерала с ценными документами. Батальон взял в плен более пятидесяти человек, захватил многочисленные трофеи. Тем же солдатам и офицерам врага, которым все же удалось просочиться в обход нашей обороны, пришлось встретиться с другими нашими подразделениями, и до Прута они не дошли. Приказ командования, таким образом, был успешно выполнен: враг не прорвался.

Литературная обработка Е. Ткачука

Так рождались герои

И. С. ФРОЛОВ,

*генерал-майор в отставке, бывший
начальник штаба 252-й стрелковой дивизии*

Боевые дела личного состава 252-й стрелковой дивизии покрыли неувядаемой славой ее имя и ее боевое знамя. Она сражалась в исторических битвах — Сталинградской и Курской, участвовала в операциях под Белгородом и Харьковом, в Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишиневской, под Балатоном, по овладению Братиславой, освобождала Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию...

Февральские дни и начало марта 1944 года застали нас в боевых походах, в операциях на полях Украины. После завершения Уманско-Ботошанской операции мы неудержимо двигались к заветной цели — к Днестру, чтобы окончательно изгнать врага за пределы Родины.

В первой половине марта уже с боями освобождали последние населенные пункты перед выходом к Днестру.

Шли бойцы дивизии, с трудом вытаскивая увязавшие в грязи орудия. Полковые и дивизионные тылы растягивались и отставали от частей. Но нужно было спешить. Враг быстро отступал под ударами наших войск: не поспеть за ним — значит, дать ему возможность закрепиться на некоторых рубежах.

17 марта с боями вышли в район Гальжбиевки и подошли к Днестру. Форсирование реки с ходу, на подручных средствах, в общем прошло без особых потерь. Но этому форсированию предшествовали смелые, дерзкие действия нашей разведки, о которых нельзя не вспомнить.

С выходом к реке нужно было разведать удобное место для переправ. Район форсирования был намечен северо-западнее Сорок. Получив боевую задачу, разведчик 932-го стрелкового полка Юрий Самойленко, несмотря на сильный огонь, с группой смельчаков скрытно переправился на противоположный берег Днестра. Он добрался до холма, прилегающего крутым склоном к реке, и, осмотревшись, быстро, за какие-нибудь десять минут, точно определил, что один из участков реки почти не простреливается немцами. Это место было самым удобным для переправы. Самойленко решил лично доложить о результатах разведки и немедленно вскочил в лодчку, на которой переправился на правый берег. Собранные им сведения позволили командованию осуществить успешное форсирование уже к утру следующего дня. А затем последовали захват и расширение плацдарма, так необходимого для переправы главных сил дивизии.

Вот так, благодаря смелым действиям группы разведчиков Юрия Самойленко, дивизия успешно преодолела крупную водную преграду и продолжала наступление по северным районам Молдавии. Наступление развивалось в направлении Голошница, Шептеличи, Згурица, Дрокия, София, Бельцы и далее — до выхода к отрогам Кодр севернее Корнешт.

После форсирования Днестра во взаимодействии с соседними частями наша дивизия освободила Бельцы. Но наше наступление не было простым движением по дорогам. Враг цеплялся за каждый метр земли. На пути к Бельцам особенно упорные бои разгорелись в районе села София, куда мы вышли 25 марта. Подразделению офицера Савченко была поставлена задача: выбить противника с северной окраины села и занять его. Немцы стремились любой ценой удержать этот важный населенный пункт. Они организовали мощное сопротивление на подступах к селу, укрепив свою оборону на курганах.

Стрелки капитана Суворова при огневой поддержке минометчиков лейтенанта Гаврилова нанесли внезапный удар и сбили гитлеровцев с курганов.

Заняв курганы, наши подразделения стали закрепляться на них. Немцы, не ожидая такого внезапного удара и не желая оставлять выгодные позиции, открыли шквальный пулеметный огонь по нашим смельчакам, находящимся на курганах. Савченко, оценив обстановку, пришел к выводу, что противник ожидает дальнейшей нашей атаки на Софию с левого фланга. Он решил перенести усилия главного удара на правый фланг и появиться там, где немцы меньше всего ожидали атаки. Одновременно он получил данные разведки о том, что гитлеровцы накапливают силы для контратаки. Это не остановило, а лишь подстегнуло. Оставив на курганах небольшую группу бойцов для отвлечения внимания противника, Савченко быстро перебросил главные силы своего подразделения к правому флангу. Скрытно совершив обходный маневр по балке, он вновь нанес внезапный удар и ворвался в село. Завязался уличный бой, где схватки непрерывно переходили в рукопашную. Группировка же немцев, изготовившаяся для контратаки на курганы, была брошена на наши подразделения, которые захватили часть села. Немцы стремились контратакой выбить нас. Эта контратака пришлась по взводу Агафонова, и тот лично поднимая бойцов в штыковую атаку. Соседи Агафонова поддерживали его взвод, и немцы обратились в бегство, бросая оружие, раненых. Только в плен было взято свыше 30 человек. Дорога на Бельцы была очищена...

К середине апреля дивизия с боями вышла в район сел Тешкуренны, Кошены и была остановлена противником на северных и северо-западных отрогах высот севернее Корнешт. Из-за растянутости боевых порядков мы не смогли сразу овладеть таким важным тактическим рубежом, поэтому перешли к обороне. Но уже с этого момента мы поняли, что началась самая интенсивная подготовка

крупной операции, которая впоследствии и получила название Яско-Кишиневской.

С середины апреля до 20-х чисел августа наша дивизия вела оборонительные бои, разведывания, маневрировала вдоль фронта в глубину, проводила оборонительные работы, выполняла другие мероприятия по плану оперативной маскировки; пополнялись личный состав, вооружение, боеприпасы. Шла интенсивная боевая подготовка.

С 19 августа начались усиленные скрытные рекогносцировки — пока что только на уровне командования дивизии. 19—20 августа командование и штаб дивизии осуществили рекогносцировки в полках и при тщательной маскировке подвели части дивизии к исходному рубежу предстоящего наступления. Тылы заканчивали обеспечение частей всем необходимым для боя. Штабы всех степеней вели круглосуточную работу. Все напряженно, но без суеты выполняли свои задачи. Наконец, к 6.00 часам 20 августа дивизия заняла исходное положение на рубеже второй линии траншей расположенной на этом участке 31-й стрелковой дивизии.

Это была тактическая хитрость — наши части не вышли в первую линию траншей, а были прикрыты частями 31-й стрелковой дивизии. Все было продумано, чтобы скрыть наш маневр. Артиллерия, саперные части при выходе к исходному рубежу тоже не обнаруживали себя.

До начала наступления командование, весь личный состав дивизии провели тревожные часы и даже целые сутки. Все сводилось к одному — не дать противнику возможности обнаружить нашу подготовку к операции. И мы достигли этой цели.

21 августа был получен боевой приказ о наступлении. В ночь на 22 августа командование дивизии вместе с соответствующими начальниками родов войск и служб выехало на НП. В эту же ночь были проделаны все проходы в минных полях противника, а артиллеристы ждали только сигнала к открытию огня.

22 августа в 6 часов утра прогремел мощнейший огневой удар и после 35-минутной артподготовки части дивизии, действуя на правом фланге 78-го стрелкового корпуса, перевалили через боевые порядки 31-й стрелковой дивизии и с ходу прорвали сильно укрепленную оборону противника. Атака была настолько стремительной, что противник не смог организовать сопротивление на всех первых трех линиях траншей. Ими мы овладели уже к 7 часам утра. После артподготовки противник, по показаниям пленных, понес потери до 30—40 процентов личного состава частей передней линии.

Наибольший успех наметился именно на нашем участке, то есть в полосе прорыва 252-й стрелковой дивизии. Наши части продвигались вперед.

В глубине обороны противник имел сильно укрепленные рубежи, особенно за железнодорожной линией Пырлица—Унгены, на которых он стремился закрепиться. Но ломая его сопротивление

на промежуточных рубежах, наши части уже к 15 часам заняли Унгень-Тырг, Нов. Берешты и вели бой за село Дануцень. К исходу первого дня наступления дивизия продвинулась на глубину до 25—27 километров, успешно выполнив задачу. На следующий день, 23 августа, дивизия продолжала наступление с целью быстрее завершить окружение группировки противника. К этому времени уже наметился его отход в направлении реки Прут в район Немцен и Леушен. Немцы стремились вырваться из котла. Отводя свои войска, они приняли меры к тому, чтобы сдержать наше наступление вдоль Прута, организуя яростные контратаки при поддержке сильного огня. Обстановка усложнялась. И вот тут-то и сыграли важную роль выброшенный для захвата переправ подвижный передовой отряд (ПО) дивизии в составе стрелкового батальона, трех батарей ИИТАП, роты саперов на автомашинах. Отряд прорвался через боевые порядки противника и захватил переправы в районе Немцен, удерживая их до подхода главных сил дивизии. Противник, подтянув к переправам до 3000 солдат с артиллерией, при поддержке огнем с правого берега Прута атаковал отряд. Восемь раз повторялись атаки, но безуспешно. За это время подошли главные силы дивизии. В 8 часов утра подразделения 932-го стрелкового полка и 787-го артиллерийского полка встретились с частями 63-й механизированной бригады 3-го Украинского фронта в районе хутора Ивановка. Окружение группировки немцев было завершено.

В дальнейшем, 25—26 августа, шли тяжелые бои в районе Немцен, Леушен. Затем дивизия получила новый приказ: совместно с частями 52-й армии уничтожить группировку немцев на правом берегу Прута, в районе города Хуши, куда дивизия и переправилась с боями. Так мы вступили в пределы Румынии.

Но это, если можно так выразиться, лишь хронология наступления, его самая общая стратегия. Война, однако, это прежде всего не только и не столько размышления над картами, штабная разработка операций. Война — это прежде всего дневной и ночной труд тех, кто в окопах, на передовой, кто первый поднимается на врага и, мобилизуя все свои духовные и физические силы, одолевает его.

Поэтому на фоне описанных боевых действий нашей дивизии в Яско-Кишиневской операции я не могу не рассказать о боевых делах и подвигах офицеров, сержантов, солдат, которые лично были душой наступления, его ударной силой.

...Эти события произошли 23 августа в районе Костулен. Командир разведвзвода 2-го батальона 924-го стрелкового полка, коммунист лейтенант Валентин Белобородов получил задачу выйти со взводом в авангард наших боевых порядков и обеспечить продвижение пехоте.

На одном из рубежей противник, пытаясь задержать наше наступление, сосредоточил два взвода автоматчиков. Взвод Бело-

бородова маневром с фланга выбил немцев с позиций, восьмерых взял в плен и уничтожил тринадцать.

Продвигаясь дальше, группа Белобородова к исходу дня встретила сильное сопротивление. Вражеский пулемет буквально не давал поднять головы. Пехота полка залегла, движение приостановилось. Белобородов принял решение уничтожить пулемет. Сам он был совсем близко от него. По-пластунски, маскируясь, подполз к пулемету на 15—20 метров, приготовил гранату и, приподнявшись, бросил ее в огневую точку. Граната не взорвалась. А в это время очередь вражеского пулемета все же настигла разведчика. Слева на помощь своему командиру кинулись разведчики. Пулеметчик стал разворачивать пулемет. Но раненый Белобородов, крикнув: «Врешь, гадина, не успеешь!», двинулся на врага. И опять очередь настигла Белобородова. Собрав усилием воли остаток сил, он рванулся вперед и накрыл своим телом вражеский пулемет.

В 1973 году, 9 мая, в День Победы, в селе Макарешты был открыт обелиск в память о подвиге Белобородова, сооруженный по инициативе макарешских школьников и студентов Кишиневского госуниверситета. Ни один путник не проходит мимо, чтобы не склонить голову перед обелиском...

Евгений Алексеевич Симонов был призван в армию в 1940 году. Через год началась война. С первого ее дня он был полковым разведчиком. Военная «специальность» — не из легких. Пять раз был ранен, дважды тяжело. Были и контузии. Но каждый раз возвращался из госпиталей в строй. Воевал на Северо-Западном фронте, летом 1943 года участвовал в освобождении Белгорода и Харькова.

В декабре 1943 года прибыл из госпиталя в нашу стрелковую дивизию. Получил назначение на должность командира отделения взвода полковой разведки 928-го стрелкового полка. В этой должности он и прошел боевой путь от берегов Днепра до Чехословакии. Выполняя задания, часто с группами разведчиков проникал в тыл врага, вел разведку и неравные бои. Был награжден медалью «За отвагу», орденом Славы 3-й степени.

В апреле 1944 года, когда дивизия вела бои на территории Молдавии, разведчик Симонов первым со своим отделением ворвался в окопы противника в районе села Тешкурены, захватил важный опорный пункт противника — высоту 375,9. Сколько жизней спасло тогда отделение Симонова! Ведь высота господствовала над местностью и немцы не могли не использовать это обстоятельство.

За этот подвиг Евгений Симонов был удостоен ордена Славы 2-й степени.

В июле 1944 года его приняли в члены Коммунистической партии. 24 августа старший сержант Симонов со своим отделением разведчиков первым ворвался в село Балаурешты, где было сосредоточено много огневых точек противника. Разведчики уничтожи-

ли в тылу врага прислугу трех пушек, миномет, которые вели огонь по нашим боевым порядкам, создали среди немецких частей панику. Немцы заметались. Разведчики, рассредоточившись, уничтожили еще 20 гитлеровцев и взяли в плен 32. А уже на другой день Симонов с тремя разведчиками, зайдя в тыл к немцам, снова посеял панику, обезоружив и пленив 137 солдат противника.

За героические подвиги, совершенные во время Ясско-Кишиневской операции, Указом Президиума Верховного Совета СССР Симонов был награжден орденом Славы 1-й степени.

Симонов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, а при форсировании Дуная и освобождении Братиславы он был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени.

...Ф. Ф. Шабашов был старше Симонова на восемь лет. На фронте тоже оказался с первых дней. Первое крещение получил в июне 1941 года на Западном фронте. В конце 1943-го броневой бойщик сержант Шабашов был ранен, а после излечения в апреле 1944-го прибыл в дивизию. Назначили его помощником командира взвода противотанковых ружей 924-го стрелкового полка.

24 августа, в дни Ясско-Кишиневской операции, противник оказал сильное сопротивление частям дивизии в районе села Немцены. Здесь оставалась единственная переправа, через которую гитлеровцы могли вывести из окружения свои войска за реку Прут.

Это обстоятельство побуждало немцев удерживать переправу любой ценой. Враг бросил против наших наступающих подразделения танки. Два орудия и самоходная пушка вели огонь со стороны переправы.

Старший сержант Шабашов выбрал для своего противотанкового ружья наиболее выгодную позицию, начал пристрельную борьбу с контратакующими танками. Зная их наиболее уязвимые места, Федор Шабашов подбил три немецких танка и все три орудия (в их числе и самоходное). Переправа была захвачена, а мост через Прут взорван. Гитлеровцы, поняв безвыходность своего положения, целыми подразделениями вынуждены были сдаваться в плен, а части нашей дивизии, продвигаясь на юг вдоль левого берега Прута, вскоре соединились с войсками 3-го Украинского фронта и замкнули кольцо окружения.

В наградном листе о подвиге броневой бойщика Федора Шабашова законично писалось: «...Таким образом, в одном бою старший сержант Шабашов подбил три танка и три орудия противника, чем способствовал выполнению важной задачи полка по взятию переправы и окончательному окружению войск противника». За этот подвиг Федору Шабашову было присвоено звание Героя Советского Союза...

Так рождались герои в дни тяжелых боев за свободу нашей Отчизны. О них мы должны помнить, о них надо рассказывать молодежи, для которой их боевые дела служат достойным подражанием примером.

Литературная обработка Е. Ткачука

От обороны к наступлению

В. П. САВЕЛЬЕВ,
бывший начальник штаба
108-й гвардейской стрелковой дивизии,
полковник запаса

На войне боевые действия нередко развиваются не так, как они планируются. По замыслу командования, нашей дивизии предстояло во второй половине апреля 1944 года форсировать Днестр, в быстром темпе преодолеть широкую заболоченную пойму, с ходу прорвать основной рубеж обороны противника вдоль высокого берега старого русла реки и развить наступление по молдавской земле. Но была выполнена только первая часть замысла — дивизия вышла к старому руслу Днестра. А дальше — дальше не могла прорвать основной оборонительный рубеж. С 5 мая она перешла к обороне захваченного плацдарма, а один полк нам было приказано вывести в резерв командира 37-го корпуса.

Небольшой водный плацдарм нужно было обживать, укреплять. С него ведь в случае чего легче наступать: не потребуются снова форсировать широкий Днестр. КП дивизии разместился у самого берега, где тянулась слегка приподнятая полоска земли и куда долетали мины противника.

Вблизи КП воткнули рейку для замера уровня воды. Река набухла буквально на глазах. Первые окопы, отрытые вблизи рубежа противника, залило водой. Догадливые солдаты обложили окопы прутьями, кое-как укрепили стенки. Там, где немного посуше, вырыли дренажные канавы, колодцы, отводы для стока воды. Буйное половодье сводило на нет всю работу, частенько заставляя воинов купаться в холодной воде. Кое-где появились плотки на сваях, шутники смеялись: «Дед Мазай и зайцы».

Сложность нашего положения возрастала с каждым днем. Противник отчетливо просматривал каждый наш окоп. С наступлением рассвета надо было прятаться в укрытия, маскировать сооружения. И вот здесь, на плацдарме, в полной мере раскрылись способности и таланты дивизионного и полковых инженеров. Майор Н. Н. Фетисов, дивизионный инженер, — человек неторопливый, с мягким характером и умом ученого испытал разные варианты оборудования окопов. То, что выдерживало «проверку водой», сразу же внедрялось в практику. Тут меньше всего нужны были теоретические рассуждения. Требовались разумные и смелые рекомендации, которые могли бы быть использованы в интересах обороны.

Из полковых инженеров выделялся старший лейтенант

П. М. Носов. Большую часть времени он проводил в подразделениях. И словами, и делом учил, как нужно закреплять насыпи в воде. Взяв из рук солдата топор, показывал, как вбивать под наклоном колья. Ни одного лишнего движения, все делалось им быстро, надежно и даже красиво. Таким людям, трудолюбивым, знающим, мастеровым, не было цены. Они даже сами не представляли, как много делали для других, не думая о себе, не беспокоясь о наградах, о похвале начальников.

Нет слов, тяжело было на плацдарме. Вода холодная да и ветерок продувал насквозь. Земли натаскать надо было немало. Но солдат привык переносить не только трудное, но и смертельно опасное, ибо всегда под огнем, всегда на грани жизни и смерти.

Уровень воды повышался. Командир дивизии полковник С. И. Дунаев пошел на риск: отдал распоряжение на отвод вторых эшелонов, а затем и первых с занимаемых рубежей. Но на прежних позициях оставались на плотках и островках подразделения охранения. Почти две недели поднимался уровень воды, но потом незаметно начал снижаться. Опять зачернели островки, появились тропки.

Подразделения снова заняли свои рубежи. С каждым днем крепла оборона. Густая сетка траншей и ходов сообщения ложилась на весь плацдарм. О напряженности работ говорит хотя бы такая цифра: два полка за три недели отрыли 9 километров траншей и ходов сообщений. Оборудовали рубежи в основном ночью, а днем шли занятия по боевой и политической подготовке. Развернулось снайперское движение. На личные счета каждый день записывались уничтоженные гитлеровцы.

Наибольшее количество фашистов уничтожили сержант В. А. Яскевич — 47, старший сержант И. Б. Заинчковский — 21, рядовые Б. В. Барирьян — 10, Х. И. Тихонов — 6. Лучшей оценкой замечательной работы снайперов можно назвать признания самих врагов. «Ваши снайперы, — показал пленный 14-го батальона 4-й дивизии, — не дают нам поднять головы. За один день наша рота потеряла 15 человек ранеными и 4 убитыми от огня снайперов».

Гвардейцы взяли за правило: оборона должна непрерывно бить врага. Такова железная логика войны — держать противника все время под огнем, в постоянном страхе, не давать ему возможности использовать выгодные условия местности.

Перед фронтом нашей дивизии оборонялись на высоком берегу старого русла Днестра два батальона — 4-й горнострелковой дивизии и один полк 21-й пехотной дивизии немцев, имевшие главные опорные пункты в Талмазах и Чобручах. В трех километрах юго-западнее Чобручей, в роще, названной в наших документах Фигурной, располагался еще один полк 21-й дивизии. Периодически наши разведчики проникали в тыл противника, не только с целью уточнения его оборонительной полосы, но и

осуществления внезапных налетов на штабы, узлы связи, тыловые подразделения

Плацдарм оживал. Весна брала свое. Подсохли траншеи, зазеленела трава, а потом зацвели яблони. С каждым днем густели развесистые кроны деревьев, растущих на плацдарме. Запели птицы.

Впереди высокий, лысый гребень, весь изрытый траншеями. Траншеи кажутся безжизненными, но на наших картах кропотливо велся учет всех изменений в обороне врага. Десятки наблюдателей с раннего утра до позднего вечера терпеливо изучали передний край врага. Это трудная работа, требующая большого терпения и выдержки. Среди наблюдателей были истинные мастера своего дела. Чтобы заглянуть подальше за гребень, устраивались наблюдательные посты на самых высоких деревьях. Около деревьев устанавливались шесты. Все дело в том, что с какой бы предосторожностью ни вел наблюдение разведчик, рано или поздно его замечают. Тогда противник не жалеет снарядов, чтобы уничтожить наблюдателя. Огонь по нему ведется залпами, без всякой пристрелки. И нужно в один миг покинуть свой пост, спрятаться в щель. По шестам за считанные секунды спускались вниз.

К концу дня в штабе собирались все новые данные об обороне противника, его огневых точках, новых участках траншей и ходов сообщения.

Временами противник производил замены частей на переднем крае для отдыха и пополнения, потом снова возвращал их на свои места. Происходила замена и у нас. Это, конечно, повышало настроение солдат.

Еще во время весеннего паводка появились больные малярией. Болезнь быстро распространялась. Сначала десятки больных, потом сотни. На болезнь ополчились со всех сторон. В землянках устанавливали коптилки из консервных банок, чтобы отгонять комаров, варили настой из коры сосен и зеленых слив, регулярно принимали лекарства. Чтобы не допустить ухода из дивизии раненых и больных, создали при медсанбате батальон выздоравливающих. Врачам добавилось хлопот. Для лечения нужны были условия типа госпитальных, а создать их было практически невозможно. Но батальоны выздоравливающих себя оправдывали, ибо основная часть раненых после выздоровления возвращалась в свои части, в родные армейские коллективы.

Создавая прочную оборону, стойко удерживая занятые рубежи — короче говоря, воюя, — люди все же находили время спеть, плясать, послушать интересного рассказчика. В полную силу развернули свои способности участники художественной самодеятельности.

Мы поддерживали самую тесную связь с местным населением. У Днестра раскинулись богатые земли колхозов. Но тогда

в селах не хватало лошадей и людей. Части дивизии пошли навстречу колхозам, выделили для весеннего сева лошадей. С помощью наших воинов были засеяны многие поля. Часто на плацдарм прибывали делегации рабочих и колхозников, приносили подарки, письма к бойцам переднего края.

Обороне подходил конец. По всему стало чувствоваться приближение срока наступления. Вскоре вступил в действие строжайший приказ о соблюдении маскировки: никакого движения в дневное время, все должно застыть с рассветом. На дорогах появились шлагбаумы, на просматриваемых противником участках выросли стенки из камыша и лозы. На Днестре появились подводные мосты. Штаб получил фотосхемы обороны противника. На них отчетливо просматривались оборонительные сооружения и огневые точки.

С 10 августа на плацдарм стали прибывать новые войска. Под кустами вырастали штабеля снарядов и мин. Новички знакомились с обороной противника, все необходимые данные получая от нас. Дивизии пришлось потесниться, ибо плацдарм уже сыграл свою роль.

В процессе подготовки к наступлению особое внимание уделялось обучению и воспитанию пополнения, прибывшего в основном из Николаевской, Одесской областей и освобожденных районов Молдавии. Учились командиры и штабы, отрабатывая основные вопросы организации и ведения наступательного боя. В основу обучения был положен боевой опыт, накопленный дивизией в ходе предыдущих боевых действий. Какие бы темы по тактике ни отрабатывались, за противника принимались реальные части, находящиеся в обороне. Тем более, что с ними нам приходилось сталкиваться и раньше. С 4-й горнострелковой дивизией нашим частям приходилось вести бои под Мелитополем на рубеже реки Молочной, на Днестре и под Николаевом; с 21-й пехотной — на подступах к Одессе. Личный состав изучал их тактику, знал слабые и сильные стороны, а за время обороны каждый солдат и офицер более обстоятельно познал боевые качества их личного состава.

На каждое ротное учение привлекались танки. Солдаты проходили «обкатку» и отрабатывали приемы борьбы с танками в открытом поле, где не было укрытий. Большую помощь в обучении молодых воинов оказывали ветераны частей, люди, получившие боевую закалку. Среди них выделялись такие командиры рот, как Б. А. Солодовников и М. Г. Корчагин. Старший лейтенант Солодовников на фронте — с начала войны, восемь раз был ранен. После выздоровления каждый раз попадал в свою родную дивизию. Его грудь украшали два ордена. Комсомольцу лейтенанту Корчагину к этому времени исполнился 21 год. В боях на Северном Кавказе был рядовым, на краткосрочных курсах получил офицерское звание и менее чем за год стал командиром роты. Командир 3-го батальона 308-го пол-

ка майор Б. А. Чмель в тяжелых боях на Голубой линии показал себя расчетливым и отважным офицером. Будучи еще замкомбата при прорыве обороны на Молочной, с двумя солдатами захватил штаб батальона противника. Не случайно туда, где предстояло решать наиболее сложные задачи, направлялся его батальон: знали, что комбат не подведет, сумеет выполнить любую задачу.

Большая работа по подготовке личного состава к наступлению проводилась политработниками во главе с заместителем командира, начальником политотдела дивизии подполковником Л. П. Вахрушевым, ныне генерал-лейтенантом. Деловой, принципиальный, с большим опытом политической работы Леонид Петрович вдумчиво подходил к решению своих задач. Отличаясь общительным характером, смелостью, он много времени проводил в окопах среди солдат, хорошо знал их запросы и нужды. Он сумел подготовить достойных ему ближайших помощников в лице инструкторов политотдела — майоров И. И. Старосельца, Э. Ф. Герасимюка, капитанов П. М. Креймера, М. И. Смирнова, М. Г. Романова, А. А. Коркина, пропагандистов майоров М. И. Збарского и Н. С. Горбунова. Живая, энергичная работа всех командиров и политработников — от командира дивизии до взводного агитатора — и легла в основу моральной подготовки воинов к предстоящему наступлению, стала прочным фундаментом, на котором вырастала вера людей в победу, их готовность сражаться с врагами самоотверженно, с полной отдачей сил.

Как всегда перед трудным испытанием, росло число воинов, желавших вступить в ряды Коммунистической партии. К середине августа каждый четвертый воин был коммунистом, каждый восьмой — комсомольцем. Во всех ротах и батареях были созданы партийные организации.

Дивизии предстояло наступать на левом фланге главной группировки 46-й армии в составе 37-го корпуса в направлении на Чобручи. Ширина полосы наступления — 3,5 километра. Местность была неудобной для атаки. Впереди — старое русло Днестра, а за ним — крутые скаты берега, подъем — в 43 градуса. Весь расчет был на силу огня. Обрушить сразу на головы врага тонны снарядов и без паузы — смелый бросок, на одном дыхании, к первой траншее. Иначе наступающие понесут большие потери, преодолевая ничейную полосу земли.

С тем, чтобы исключить потери и обеспечить решительный рывок к обороне врага, предусматривалось надежное подавление огневой системы противника. В исходном положении все противотанковые ружья и станковые пулеметы должны были быть выдвинуты в первую линию и своим огнем обеспечить атаку рот. При перемещении ПТР и пулеметов первых эшелонов вести огонь с их позиций должны были такие же средства, но из вторых эшелонов. Для подавления огневых точек непосредственно на переднем крае выставлялись на прямую наводку

не только противотанковые пушки, но и 122-мм гаубицы. Вместе с пехотой должны были идти артиллеристы с радиостанциями, обеспечивая управление огнем с гребня высот, когда пехота зацепится за первую траншею врага. Рядом со стрелками нужно было иметь на гребне противотанковые пушки, чтобы без промедлений поражать огневые точки второй и последующих траншей. А пушки можно было вытащить на гребень только вручную. Сами расчеты с этой задачей, конечно, не могли справиться. На помощь им должны были прийти стрелки из подразделений второго эшелона. Готовились лямки, веревки, осваивалась техника втаскивания орудий на крутой скат. Ведь без тренировок даже с этой простой задачей могли не справиться — да еще под огнем противника.

Большая и трудная задача стояла перед саперами 115-го саперного батальона дивизии. За три с половиной месяца обороны с обеих сторон было установлено большое количество мин, сплошные проволочные заборы. Противник, опасаясь перехода своих солдат на нашу сторону, уложил мины до самого бруствера своей первой траншеи. Их нужно было обезвредить почти под самым носом врага. На проделывание проходов в инженерных заграждениях предполагалось направить самых опытных воинов под руководством командиров саперных рот капитанов Д. И. Андрыгина и М. С. Кузнецова.

Оставалось еще одно препятствие — старое русло реки. Вроде бы оно и неширокое, всего 20 метров, но через него нужно было без задержки проскочить пехоте и переправить артиллерию. По самым скромным расчетам, требовалось построить за последнюю ночь перед атакой 4 моста для артиллерии и 10 пешеходных мостиков. Сложность постройки была в том, что передний край противника находился от реки в 150 метрах. Успех работы определяла, конечно, четкая организация. Было решено заблаговременно заготовить все элементы мостов и с наступлением темноты доставить их к месту наводки. Задолго до этой ночи саперы, отыскав в тылу такой же по ширине и глубине приток, тренировались на нем в постройке мостов. Отрабатывалось до автоматизма каждое движение. Ни одного лишнего взмаха и тем более удара. Ни одного слова. Появились кувалды, обернутые тряпками, молотки с деревянными набойками. Большая работа принесла свои плоды: все было сделано в срок.

При организации наступления всегда много работы у офицеров штаба. Война приучила их к четкой организации своей деятельности, к умению ценить минуты. В штабе, как в фокусе, сосредоточиваются все итоги начатых и законченных дел. Отсюда постоянно расходятся к подчиненным новые указания, приказы. В зависимости от того, насколько ритмично, оперативно трудится штаб, определяется и четкость работы всех звеньев сложного армейского организма. За время предыдущих боев в штабе дивизии выросли большие мастера своего дела. Обычно

тон работе задавало оперативное отделение. Его начальник Н. В. Попов — человек неистощимой энергии, мог работать сутками без отдыха, сохраняя силы и бодрость. Отличаясь цепкой памятью, он обычно, когда отводились короткие сроки на планирование боя, диктовал машинистке содержание документов непосредственно с карты, не заготавливая черновиков.

Мастерами высокого класса стали за время работы в оперативном отделении — майоры И. Ф. Тарханов, Ф. П. Шаченко, Н. И. Варламов, капитаны П. М. Фесуненко и А. К. Бабич.

При подготовке наступления большая нагрузка выпала на офицеров разведывательного отделения, которое длительное время возглавлял подполковник К. С. Михальченко. Они сумели раскрыть оборону врага, выявить цели, состав группировки вражеских войск в полосе предстоящего наступления.

Творчески трудились начальник связи майор К. М. Татур и его помощник капитан Г. И. Проценко. Они обеспечивали устойчивую связь в любых условиях. Все силы и средства были своевременно подготовлены для обеспечения связи в ходе наступления.

Только 18 августа до командиров батальонов и рот были доведены задачи. В ночь на 19-е части выдвинулись в свои полосы. В первом эшелоне наступали 311-й и 305-й полки. НП переместились ближе к переднему краю. Командиры батальонов разместились во второй линии траншей, командиры полков — не далее 200 метров от переднего края. Днем прошли открытые партийные собрания. Коммунисты перед лицом своих товарищей заверили, что они не пожалеют сил, чтобы выполнить поставленную задачу. На собрания пришли, как на праздник: все побриты, почищены, заправлены, чистые подворотнички подшиты. Выступления — короткие, похожие на клятву. Они звучали как грозные выстрелы по врагу. Такое же короткое решение; оно как призыв мобилизовывало весь личный состав на решительный штурм обороны врага.

Наступила последняя ночь перед атакой. Командир дивизии Сергей Илларионович Дунаев снова и снова проверил все то, что намечено сделать с наступлением темноты. Под его командованием дивизия провела уже много боев. Сам он отличался исключительной выдержкой, трезвым подходом к оценке обстановки; не в его характере было повышать голос. Какая бы сложная и трудная обстановка ни складывалась, комдив по-деловому, терпеливо анализировал ее, находил пути выхода. Только поздней ночью, когда он убедился, что все идет по разработанному плану, приказал спать. Остались только дежурные расчеты у пулеметов. Солдаты и офицеры же перед трудным делом, которое им предстояло, должны были отдохнуть, набраться сил.

Утром густой туман окутал плацдарм. За два часа до атаки во всех подразделениях зачитывался приказ: «Доблестные

воины 3-го Украинского фронта! Выполняя приказ Родины, вы неоднократно обращали в позорное бегство ненавистного врага... В тяжелых условиях весенней распутицы вы героически прошли сотни километров, очищая родную советскую землю от фашистских захватчиков. Далеко позади остались Днепр и Буг, Кривой Рог и Никополь, Николаев и Одесса. Но еще томятся в рабстве сотни тысяч советских людей, ручьями льется кровь женщин, детей и стариков. Они ждут своего освобождения.

Приказываю: войскам фронта перейти в решительное наступление».

Сразу же были проведены короткие митинги, вновь состоялись короткие партийные и комсомольские собрания в ротах и батареях.

В 8 часов 20 августа сотни орудий обрушили огонь по врагу. В 8 часов 55 минут артиллерия перенесла огонь в глубину, а пехота с криком «ура», сигналами ракетниц, стрельбой якобы начала атаку. И вновь артиллерия обрушила огонь по переднему краю. Расчет был прост: если фашисты бросились к оружию, чтобы отразить атаку, то они должны попасть под губительный огонь артиллерии. Под прикрытием огня группы разграбления приступили к расчистке полосы наступления от минных полей и заграждений врага. Смелчаки подползли к самым траншеям врага. Взрывы вздыбили землю совсем близко от этих групп: иначе нельзя, иначе противник может сорвать их работу.

В течение 1 часа 45 минут продолжалась артиллерийская подготовка. Залпы «катюш» пришлось по резервам противника в районе роши Фигурной и по основным опорным пунктам. В 9 часов 43 минуты началась реальная атака пехоты, сопровождаемая огнем валом. «Вперед, за Родину!» — призывно звучали голоса командиров. Грозная волна атакующих начала накатываться на крутой берег. Дружно заработали пулеметы и противотанковые ружья, прямой наводкой били орудия. Вслед за стрелками тащили на гребень орудия сопровождения. Все пришло в движение.

Без всяких докладов было видно каждому, как роты накатились на первую траншею и, не задерживаясь в ней, двинулись дальше. Дым от взрывов медленно уплывал в сторону, обнажая первые безжизненные траншеи врага. Никогда еще с такой точностью орудия не вели огонь по обороне врага. Успех был налицо, и это вливало новые силы в каждого солдата. Трудно было выделить и определить, кто шел в первых рядах. Но среди всех выделялись те, кто выполнял особое партийное поручение — водрузить красные флаги на господствующих высотах. В 305-м полку установить флаг было доверено лучшему стрелковому отделению, которым командовал старшина Н. Елышев, в 311-м — сержантам С. П. Попову и И. Н. Пешкову.

Почти в одно и то же время на высотах затрепетали два флага. Они как маяки указывали путь атакующим подразделениям. Немногим позже командир дивизии полковник С. И. Дунаев здесь же, на поле боя, вручил смельчакам ордена Славы 3-й степени.

Через час появились первые пленные. Грязные, перепуганные, они послушно тянули руки вверх и как большое открытие спешили сообщить: «Гитлер капут. Антонеску капут». Подразделения с ходу овладели тремя линиями траншей, освободили центральную часть Чобручей и за час продвинулись на полтора километра. Наиболее трудно развивался бой на участке 305-го полка. Многие дома на этом участке враг приспособил к круговой обороне и любой ценой стремился удержать восточную часть Чобручей. Командир полка подполковник А. Я. Ермоленко принял решение о вводе в бой второго эшелона. Такое решение было оправданно, так как всякое промедление с наращиванием сил могло привести к затуханию атаки. К тому же полк действовал на левом фланге главной группировки армии.

Успех уличного боя во многом зависит от мужественных и инициативных действий солдат. И именно так они действовали в Чобручах. Рядовые В. Никитин и Е. Антонов, пробравшись вдоль забора к дому, подготовленному к обороне, забросали его через окна гранатами, а потом, ворвавшись в него, заставили врага сложить оружие. Расчет ручного пулемета в составе И. Антоненко и В. Керики уничтожил до 20 фашистов. Командир отделения старший сержант П. И. Мирошникенко, проскочив один по огородам в тыл опорного пункта, смело вступил в схватку, уничтожив 7 фашистов и 5 взяв в плен. Командир орудия старший сержант М. М. Агошков из своей сорокапятки уничтожил в Чобручах три пулеметные точки.

Успешно развивалось наступление в полосе 311-го полка. Командир полка подполковник И. П. Рудко смело маневрировал силами и средствами. На решающем направлении действовал 1-й батальон капитана И. Н. Павленко. Его 1-я рота смело вгрызалась в оборону. Дело доходило до рукопашных схваток. В одной из них сержант А. С. Бельф, младший сержант В. Г. Беспалов и рядовой Т. М. Гладилин уничтожили по 4—6 фашистов каждый и 12 гитлеровцев взяли в плен.

Во 2-м батальоне капитана С. М. Качало отличились 7-я и 8-я роты. Обходом с флангов они атаковали опорный пункт. Удар был настолько стремительный, что противник не смог ни оказать сопротивления, ни оставить траншеи. Был захвачен в плен весь личный состав пункта управления вместе с командиром 14-го батальона 4-й дивизии, а также узел связи.

Противник предпринял отчаянную попытку остановить продвижение полка. До двух батальонов с танками нанесли удар по выдвинувшимся вперед подразделениям. Гвардейцы не дрогнули и не оставили захваченных рубежей. На помощь им был

выдвинут противотанковый резерв дивизии, который, развернувшись, с ходу подбил три танка.

Не остался безучастным в отражении контратаки 179-й полк 59-й дивизии. Один его батальон нанес удар во фланг группировки противника, и тем самым способствовал успеху в ее разгроме. Командир полка в этой обстановке ввел в бой второй эшелон, который успешно начал продвигаться в глубину обороны, обходя опорные пункты.

По мере продвижения подразделений, переместился вперед и III дивизии.

На окраине Чобручей небольшой курганчик. Отсюда отчетливо виден был плацдарм: по дорогам от Днестра нескончаемым потоком двигались машины, артиллерия, повозки. Все пришло к движению. Стало ясно, что врагу не сдержать этот могучий напор. Мы сразу же заметили, что действительное расположение огневых точек, инженерных сооружений, районы размещения резервов, штабов, огневых позиций артиллерии совпадали с тем, что было обозначено на наших картах. В районе каждой цели появились воронки от взрывов снарядов и мин — показатель возросшего мастерства не только артиллеристов и минометчиков, но и разведчиков. Их большой труд по подготовке наступления оправдал себя: весь огонь пришелся не по пустым местам, а по целям.

Однако все большее и большее беспокойство вызывало положение на левом фланге. Противник постоянно усиливал свою группировку, лишь бы удержать за собой опорные пункты и не допустить выхода наших частей к роше Фигурной. Он понимал, что если наши подразделения захватят ее, то создастся угроза удара с тыла по узлу сопротивления Раскаецы и тем самым будет поставлена под угрозу устойчивость его обороны на большом участке. Тогда появится возможность для ввода в сражение нашего 34-го корпуса.

Перед командиром дивизии встала задача: куда направлять свой второй эшелон? На правом фланге действует 311-й полк, наступление развивается успешно. Если ввести туда еще один полк, то несомненно возрастут темпы продвижения и быстрее развалится оборона врага. Но как быть с уничтожением группировки противника на левом фланге? Если не принять мер к наращиванию здесь сил, то может затянуться захват роши Фигурной и тем самым будет задержан ввод в сражение соседа, без нашей помощи ему трудно будет преодолеть Днестр. Выбор решения помог сделать командир 37-го корпуса Ф. С. Колчук: второй эшелон направить на левый фланг.

Два полка были направлены на захват роши Фигурной и разгром сильной группировки противника, которая угрожала ударом во фланг всей 46-й армии.

В 12 часов 308-й полк (командир — подполковник К. С. Татарчук) вступил в бой. Противник оценил изменения в соотно-

шении сил и сразу же предпринял ряд контратак. Основные силы 9-й пехотной дивизии он бросил против наших двух полков. Мужественно сражались расчеты противотанковых пушек и ПТР. Расчеты старшего сержанта С. И. Борисова и младшего сержанта М. М. Лужняка подбили два танка. Стрелки и пулеметчики сержанта А. И. Филатова, рядовые И. П. Ковалев, Г. И. Глушко, И. Е. Вихор, П. А. Пелых при отражении контратаки уничтожили до взвода пехоты и взяли в плен 20 фашистов.

Несмотря на яростное сопротивление врага, к 16 часам полки овладели рощей Фигурной и нанесли серьезное поражение его группировке, действовавшей перед левым соседом. Остатки подразделений врага стали отходить на запад, на заранее подготовленную вторую полосу обороны. Поставленная на день задача дивизией была успешно выполнена.

С утра 21 августа развернулись бои по прорыву второй полосы обороны и захвату на ней крупного населенного пункта Слободзея. Все три полка были развернуты в первом эшелоне. Противник стянул сюда части 13-й танковой дивизии, а также остатки 21-й пехотной дивизии. В первой половине дня шли упорные бои. Только в 14 часов 308-й полк сумел вклиниться в оборону. Наибольший успех был достигнут 3-м батальоном под командованием майора В. А. Чмель. Умело маневрируя огнем приданных ему артиллерийского дивизиона и минометной роты, он сумел подавить огневые точки, мешавшие продвижению подразделений, и решительным броском ворвался на улицы поселка. За ним стали продвигаться и другие батальоны. С тем, чтобы не выпустить ни одного фашиста из этого узла сопротивления, командир дивизии поставил задачу 305-му полку: глубоким обходом перехватить основную дорогу на юг. Решительные действия полка позволили зажать врага со всех сторон. Противник попытался пробить коридор, чтобы вырваться из котла. На узком участке он бросил в бой танки и штурмовые орудия. Для борьбы с ними были направлены орудия 110-го истребительного дивизиона под командованием майора П. Ф. Мищенко, основная часть пушек 245-го артиллерийского полка подполковника А. И. Адаменко. Танки и штурмовые орудия не смогли пробиться через рубеж огня. 8 танков было подбито. К исходу дня Слободзея была полностью в наших руках. Только отдельные группы частей 21-й дивизии избежали окружения и разгрома. Таким образом, вторая полоса, на которой фашистское командование пыталось сдержать продвижение наших частей, была прорвана. В обороне врага оказалась большая брешь, в которую устремились наши войска.

За самые трудные первые дни прорыва части дивизии прошли около 30 километров. Теперь же темпы наступления должны были возрасти. Противник начал отходить, дивизия перешла к его преследованию. Легче всего было оценить состояние

вражеских войск по радиопередачам. В эфире — панические поиски не только своих частей, но и вышестоящих штабов. Без всяких кодов, перебивая друг друга, все кричат о помощи, сообщают о неслыханных потерях, сотнях русских танков, десятках дивизий, которые якобы окружают их.

Каждый понимал, что в этой обстановке надо наращивать темпы наступления, быстрее врезаться в глубину обороны врага, не давать ему возможности занять промежуточные рубежи, разбить его группировки и уничтожать их по частям.

Вперед был выдвинут отряд под командованием одного из решительных и смелых офицеров — заместителя командира 305-го полка майора В. В. Леонова. Обходя опорные пункты, отряд далеко оторвался от главных сил. Но в районе села Райлянка ему не удалось уклониться от боя. Сильная группировка из остатков четырех дивизий противника, во много раз превосходящая силы отряда, пыталась прорваться на запад, нанесла удар по передовому отряду. Но подразделения, заняв рубеж, не допустили их прорыва и до подхода главных сил сдерживали натиск. На помощь отряду были выдвинуты основные силы 305-го полка и два дивизиона 245-го артполка. Угроза прорыва окруженной группировки была ликвидирована.

Противник обрушил удар и на 311-й полк. Начальник штаба полка майор И. Ф. Тарханов донес: «Контратакуют силами до полка с 20 танками. Подразделения занимают рубеж для отражения удара». Начальник тыла подполковник И. Л. Сухарев по радио донес: «Противник перерезал дорогу. Двигаться вперед не можем». В такой обстановке всегда можно встретиться с противником. Его разбитые части бегут на запад, а встретившись с нашими подразделениями, волей-неволей вступают в бой.

На помощь тылам комдив направил на машинах две роты. 311-й же полк своими силами успешно отбил удар. Через час майор И. Ф. Тарханов сообщил, что противник несет серьезные потери, а большая группа выкинула белый флаг. Командир дивизии потребовал ускорить движение полка. Но снова противник возобновил атаки на левом фланге против подразделений 305-го полка, намереваясь прорвать фронт обороны и вырваться из окружения. Для отражения его атак выдвигается 110-й истребительно-противотанковый дивизион, перебрасывается саперная рота с запасом мин. Командир полка подполковник А. Я. Ермоленко и начальник штаба майор П. Е. Кондрашев переносят свой КП в батальоны и непосредственно руководят отражением атак. Враг откатился назад...

Шел третий день операции. Позади — 55 километров. За это время усилиями частей 37-го корпуса были полностью разгромлены 21-я пехотная и 4-я горнострелковая дивизии. Дальнейшее продвижение корпуса в южном направлении обеспечило окружение 3-го армейского корпуса в составе пяти вражеских пехотных дивизий, действовавших в районе Ак-

кермана. Там следовало ожидать сильных ударов со стороны окружаемых частей противника с целью прорыва в западном направлении.

На четвертый день задача дивизии состояла в том, чтобы одним полком удерживать рубеж на левом фланге и не допустить прорыва противника в этом направлении, основными же силами продолжать продвигаться на юг и к исходу дня перехватить дороги, по которым возможен прорыв.

Сбивая небольшие заслоны врага, дивизия успешно вышла на указанный ей рубеж — Арчизул Ноу, Лихтенталь, Плахтеевка — и перешла к обороне. Фронт раскинулся на 25 километров. Полки вытянулись в одну линию. Перед командиром дивизии и командирами полков возникла дилемма: где сосредоточить основные силы, по каким дорогам противник станет наносить удары? Казалось, что он может это сделать везде, поэтому везде нужно иметь надежное прикрытие. Но возникало сомнение: сумеет ли выдержать прикрытие сильный удар прорывающейся группировки? Успеют ли другие подразделения вовремя прийти к ним на помощь, когда обнаружится направление главного удара противника? Ответ могла дать только разведка. С наступлением темноты навстречу противнику были выдвинуты разведывательные группы с радиостанциями. Разведгруппы должны были постоянно докладывать о продвижении частей.

На самом кратчайшем пути предполагаемого наступления противника строилась более глубокая оборона, здесь же сосредоточивались резервный батальон и КП дивизии. Многие участки не занимались подразделениями и только контролировались разведывательными группами. Решение командира дивизии отличалось смелостью и таило в себе элементы риска. Но это был риск оправданный: невозможно было быть на всем двадцатипятикилометровом рубеже одинаково сильным, да в этом не было необходимости. Ведь все равно противник изберет узкий участок прорыва, на котором сосредоточит свои силы и средства.

Прошла беспокойная ночь. Разведчики зорко следили за движением колонн врага по дорогам. Они стекались в направлении Плахтеевки, где сосредоточивались наши основные силы. Вначале нанесли удар два полка противника. Основная тяжесть в его отражении пришлось на подразделения 308-го полка. 1-й батальон под командованием капитана А. М. Коваленко, подпустив близко врага, внезапно обрушил на него огонь из всех видов оружия. Много фашистов было уничтожено, захвачено более 100 пленных. В бою отличились рядовые Н. П. Прокопов, А. К. Тюлюп, Е. А. Турченко, которые сумели захватить по 4—5 фашистов.

Утром 24 августа из района Плахтеевки на Лихтенталь начали наступление 9-я пехотная дивизия и примкнувшие к ней

отдельные части других вражеских соединений. Не сотни, а тысячи людей высыпали на поле. Вначале не верилось, что это солдаты, наступающие с оружием в руках. Из леса вели огонь до двух дивизионов артиллерии. На флангах появились танки. Они стреляли с места. Густые цепи спешно двигались на рубеж, занимаемый нашими двумя полками. Стало ясно, что здесь противник сосредоточил основную свою группировку. 305-й полк, который вел бой на левом фланге, получил задачу: срочно оставить рубеж и немедленно выдвинуться в район Лихтенталь. Такая мера была вполне оправдана. Именно здесь теперь решалась главная задача.

305-й полк проявил исключительную маневренность и подвижность. За короткое время он выдвинулся на новый рубеж, с ходу вступил в бой с прорывающимися группами противника. Все три полка всей мощью своего огня били по противнику. Густые цепи одна за другой шли в атаку. Наша артиллерия била залпами. Боевые порядки врага редели. Многие из наступавших повернули назад. Обезумевшие фашисты заматались на поле боя. Лазейки нигде не было, всюду их встречал прицельный огонь.

Два часа боя. Большое поле перед Лихтенталем покрылось трупам врагов. Многие оставшиеся в живых стали сдаваться в плен. Но часть группировки, обходя фланги наших полков, пыталась прорваться на запад. Одна из групп численностью более 500 человек вышла к штабу дивизии. В бой вступили спецподразделения, а также подоспевшие батальоны 305-го полка. Группа, встреченная организованным огнем, распалась и стала растекаться по виноградникам и кукурузному полю. Солдаты и офицеры саперного батальона, батальона связи, роты химической защиты начали преследование разбегающихся врагов, многих пленили.

Кое-где фашисты еще продолжали оказывать сопротивление, надеясь с наступлением темноты прорваться на запад. Замыслив их не пришлось осуществиться. Артиллеристы офицеры Пинаев, Козырев и сержант Шибитов из 308-го полка обнаружили в копне соломы командира и начальника штаба 9-й пехотной дивизии и командира артиллерийского полка. Генерал успел надеть только солдатские ботинки, все остальное обмундирование лежало рядом: переодеться не успел. На допросе он показал, что с первых дней наступления русских потерял связь со штабом армии. О положении соседей не знает. Видя полный развал фронта, он по своей инициативе дал приказ выходить из окружения. Говорил тяжело, с одышкой, как после трудного бега. Он сообщил, что почти всю артиллерию пришлось бросить — не было горючего. Решил прорывать оборону на узком фронте. Но расчет не оправдался, слишком сильна оказалась на этом направлении оборона русских.

Подъехал командир корпуса генерал Ф. С. Колчук. Он

потребовал от Келфа отдать приказ о прекращении сопротивления. Такой приказ им был отдан. 9-я дивизия перестала существовать. С белыми флагами потянулись на дорогу пленные...

Наступление наших частей было столь успешным, что фронт противника, по существу, развалился, войска лишились управления. «Фронт смещался, все превратилось в хаос, — писал о тех событиях немецкий историк Типпельскирх. — Как огромные морские волны, катились войска противника и захлестывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось».

Большая колонна пленных двинулась на восток: отбоевались фашистские захватчики! Теперь им предстояла встреча с разрушенными городами, которые они оставили на нашей земле, с глазами русских людей, в которых горели боль и ненависть.

Но немецкие соединения еще продолжали оказывать сопротивление. В ночь на 25 августа в районе Арциз и Сарата наша дивизия совместно с подразделениями 5-й гвардейской мотострелковой бригады разгромила и пленила остатки двух пехотных и одного кавалерийского полков 2-й и 15-й пехотных дивизий.

Мелкие группы все же пытались пробиться на запад, но попадали в «мелкие блуждающие котлы». Если им удавалось выскочить из одного окружения, то через некоторое время они попадали в другое. В конце концов вынуждены были поднять руки и сдаться в плен. Пробиться на запад было уже невозможно.

Шесть дней продолжалась одна из талантливых и смелых операций. За это время 108-я гвардейская стрелковая дивизия взяла более 7 тысяч пленных. За мужество и отвагу, проявленные в боях в ходе освобождения Молдавии, было награждено 729 солдат и офицеров. Два полка получили почетные наименования: 305-й — Нижнеднестровского, а 311-й — Измаильского.

27 августа части дивизии вышли к реке Прут.

Литературная обработка Е. Ткачука

За землю Молдавии

И. А. ВЯЗАНКИН,

полковник запаса, бывший начальник штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской стрелковой Харьковской Краснознаменной дивизии.

Утром 18 августа наш полк после сдачи обороны одного из участков Кицканского плацдарма 29-му полку 93-й стрелковой дивизии сосредоточился в северной части урочища Загарного. На следующий день на командном пункте дивизии состоялось совещание, на которое были приглашены командиры, замполиты и начальники штабов частей и отдельных подразделений. Здесь мы узнали о том, что войска 3-го Украинского фронта переходят в наступление. В нем нашей дивизии отводилась роль второго эшелона 82-го стрелкового корпуса, составлявшего второй эшелон 37-й армии. Это всех нас немного огорчило. Но на ропот кого-то из командиров полков командир дивизии генерал-майор Г. И. Чурмаев ответил:

— Вы, товарищи, народ грамотный и сами должны знать, какие части и соединения назначаются во вторые эшелоны...

— Лучшие, конечно, — слышался чей-то голос.

— То-то и оно! Так давайте же сделаем все от нас зависящее, чтобы оправдать доверие командования и Родины.

После совещания в полку развернулась целеустремленная организаторская и мобилизующая работа: по карте был изучен назначенный маршрут движения, рубежи возможной встречи с противником, принято решение на марш и поставлены боевые задачи подчиненным командирам. В подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, а затем и митинг в полку. Выступая на них, офицеры и бойцы, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, давали клятву драться с врагом до последнего вздоха, брали на себя конкретные обязательства: совершить организованно марш, а при вступлении в бой уничтожить столько-то гитлеровских захватчиков.

Состоялось партийное собрание и у нас в штабе. Доклад на нем сделал командир полка А. Г. Куликов. Вначале, помнится, он коснулся наших успехов в наступательных боях на Правобережной Украине и при форсировании Днестра, подвел итоги оборонительному периоду на плацдарме. Затем Александр Григорьевич рассказал коммунистам о боевой задаче, стоящей перед полком, и охарактеризовал роль штаба и штабных коммунистов в ее решении. Командир подчеркнул, что своими действиями мы должны внести лепту в общее наступление, которое имеет большое политическое и стратегическое значение не только потому, что нам пред-

стоит освободить землю Советской Молдавии, где нас ждет братский народ, страдавший под фашистским игмом, но и потому, что Молдавия—это ворота в Балканские страны, народы которых также ждут нашей помощи...

В заключение Куликов призвал всех коммунистов проникнуться чувством ответственности и сделать все, чтобы штаб был действенным помощником командира, чтобы все его коммунисты работали оперативно, слаженно. В прениях выступило несколько офицеров. Их слова звучали как клятва выполнить свой долг перед Родиной. Принятая резолюция была краткой. Она требовала от всех коммунистов штаба образцово выполнять свои обязанности, помогать друг другу в бою, подавать пример беспартийным.

Примерно в полночь я прилег отдохнуть. День, насыщенный подготовительными мероприятиями, не прошел бесследно, и я уснул так, как будто провалился в небытие. Но на фронте мы отвыкли от длительного сна. Где-то на рассвете проснулся. Почувствовав себя выспавшимся, отдохнувшим, я встал и вышел из землянки. В лесу было еще темно. Но на востоке уже серело. Стояла редкая на фронте, никем не нарушаемая тишина. Со стороны Днестра сквозь вековые деревья чуть-чуть тянуло прохладой. Воздух был наполнен запахом лесной прелости...

Я увидел тонкую, высокую фигуру Куликова. Заложив руки за спину, он стоял поодаль от своего блиндажа и мечтательно смотрел в сторону переднего края. Я не хотел мешать его размышлениям, но мое появление не ускользнуло от него.

— Тишина-то какая,—произнес вполголоса я, когда мы обменялись обычным «Доброе утро».

— Вот ее-то я и слушаю,—ответил мне Куликов, а затем, посмотрев на меня и как бы оценивая, что я смыслю в этом, продолжал: — А тебе приходилось когда-либо слушать предутреннюю тишину леса, скажем, сидя с ружьем на краю полянки?

— К сожалению, я не охотник...

— А жаль! Тогда ты меня не поймешь. А все-таки постой, послушай! На войне, ты меня правильно пойми, всякое бывает. Может, в жизни у нас и не будет другого такого случая...

— Ну что вы, Александр Григорьевич. Вот закончится война, и мы еще с вами не раз побываем на охоте... После того как мы побеждали «тигров» и «пантер» из гитлеровского зверинца, нам не страшны будут и настоящие—уссурийские...

— Все это, конечно, так, ты прав. И все-таки послушай!

Мы умолкли. И я действительно услышал эту лесную тишину: легкий ветерок играл листвой дубов и кленов. Она сонно шепталась, словно живая. Пахло влажным мхом и спелой ягодой, пробуждавшиеся птицы заводили зоревые песни, а откуда-то издали доносилось постукивание дятла...

И вдруг вся эта райская тишина сменилась резкими, больно ударившими по ушным перепонкам залпами недалеко стоявших

орудий. Лес наполнился сплошным гулом, заглушавшим разговор даже рядом стоявших людей. Мы переглянулись.

— Что это? Уже начало?—спросил я у Куликова.

— Не должно бы. Хотя о времени начала артподготовки Чурмаев нам ничего не говорил. Однако на артподготовку эта пальба не похожа...

Спустившись в блиндаж, Куликов позвонил начальнику артиллерии капитану Декань. Он возглавлял артиллерию и минометы полка, входившие вместе с 61-м гвардейским артиллерийским полком дивизии в сводную группу корпуса. От него мы узнали, что это было начало разведки боем. Она как внезапно началась, так вскоре и закончилась.

В 8 часов утра наступившую было тишину вновь разорвала артиллерийская канонада. Теперь она слышалась не с одного направления, а отовсюду. Что творилось на переднем крае, нам не было видно. Но по тому, как дрожала земля, как небо прочерчивали огненные трассы реактивных снарядов, как низко, почти на бреющем полете, над нами то и дело проносились тройки, десятки краснорезных штурмовиков, мы представляли себе, что творится в расположении врага: вздыбленная земля, вдребезги разлетающиеся все его укрепления. Неуютно в эту минуту было гитлеровцам и румынским прихвостням на советской земле. Один час сорок пять минут длился победный гул нашей артиллерии и авиации. А в 9 часов 45 минут в него вплелся рокот двигателей танков и мощный, тысячеголосый крик «ура» советской пехоты.

Вскоре звуки боя стали удаляться. Мимо нас начали проходить орудия: сначала на конной, а затем на автомобильной тяге. В воздухе продолжала снова штурмовая авиация. Чувствовалось: успех обозначился. И от этого становилось радостно на душе. К полудню из штаба дивизии сообщили о том, что оборона врага прорвана, наступление развивается по плану. Можно было идти и нам вперед. Но нас задерживали. Дороги были нужны подвижной группе армии—7-му механизированному корпусу. Позднее нам стало известно и о результатах первого дня наступления: войска первого эшелона 37-й армии, развивая наступление, к исходу дня на ряде участков вклинились во вторую оборонительную полосу противника, продвинувшись в глубину на 10—12 км.

На следующий день по всему фронту развернулись ожесточенные бои. На войска 37-й армии противник бросил свой резерв—13-ю танковую дивизию. Ее контратаки, особенно утром 21 августа, были сильными, ощутимыми. Но остановить продвижение наших войск враг уже не мог. Советские войска, располагая достаточным вооружением и прекрасной боевой техникой, во многом превосходили врага, обладали высоким мастерством, были закалены морально и физически.

Во второй половине дня была введена в прорыв подвижная группа армии. Темп продвижения первого эшелона увеличился. Примерно в 16 часов двинулись в путь и мы. Вскоре пересекли

бывший передний край обороны. Перед нашим взором предстало поле битвы, достойное кисти русского баталиста Верещагина.

Куда ни кинешь взгляд—повсюду все вздыблено, изрыто воронками от авиабомб и снарядов. Вся местность усеяна разбитой вражеской техникой. Автомобили различного назначения, повозки, пушки, минометы, пулеметы станковые и ручные—все искорежено и перевернуто. И множество вражеских трупов... От многих блиндажей и дотов остались лишь обломки балок, вывернутых наружу. Но кое-где виднелись амбразуры и неразрушенных дотов и дзотов. Из них-то и оказывалось сопротивление войскам первого эшелона. И так на глубину в 5—6 км. А дальше на нашем пути стали встречаться и танки с развороченными боками и порванными гусеницами. У некоторых башни были сорваны и отброшены от корпуса.

При виде отличной работы наших артиллеристов и минометчиков, летчиков и танкистов, пулеметчиков и пехотинцев моральный дух, наступательный порыв гвардейцев полка неизмеримо возрастал. Несмотря на утомляющий зной и непрерывное движение, шли они в приподнятом настроении.

Утром 22 августа с рубежа Опач, Монзырь в образовавшийся промежуток между 6-м гвардейским и 66-м стрелковым корпусами в сражение был введен первый эшелон нашего 82-го стрелкового корпуса. Враг и на этом направлении начал отходить. Да так стремительно, что мы, особенно 23 августа, едва успевали продвигаться за первым эшелоном корпуса. В этот день, как нам стало известно позже, 7-й мехкорпус, уничтожая встречавшиеся на его пути небольшие группы врага, к 12 часам уже сумел выйти в район севернее и южнее Леушен к переправам через р. Прут и совместно с 4-м механизированным корпусом, который к этому времени вышел к реке в районе Леово, создал мощный заслон на путях отхода главных сил кишиневской группировки противника. Войска же 6-й немецко-фашистской армии продолжали попытки пробиваться в юго-западном направлении. В полосе нашей 37-й армии шло сражение с основными силами вражеской группировки.

В этой обстановке командующий 37-й армией генерал М. Н. Шарохин уточнил боевые задачи корпусам. Нашему 82-му стрелковому корпусу, в частности, было необходимо к исходу 24 августа овладеть рубежом Сагайдак, Гура-Галбенеи, Котовское и развернувшись фронтом на северо-восток, не допустить отхода противника через боевые порядки корпуса в юго-западном направлении.

Выполняя поставленную задачу, дивизии первого эшелона корпуса завязали ожесточенные бои с врагом. С утра 24 августа командир 82-го корпуса генерал П. Г. Кузнецов с целью наращивания усилий ввел в бой свой второй эшелон—28-ю гвардейскую дивизию. Наш полк завязал бой с врагом еще с вечера 23 августа. Вот как разворачивались события перед фронтом нашего полка, совершавшего марш в авангарде дивизии.

...Дневной марш подходил к концу. Тринадцать часов непрерывного движения остались позади. Но ливень все еще шел. Тан

требовала обстановка. А день стоял жаркий, душный. Загорелые, потные, покрытые пылью гвардейцы шли, не соблюдая особого равенства. По их грязным от пыли лицам текли ручьи пота. Выцветшие гимнастерки на спинах покрылись солью. Мы с замполитом А. Д. Синягиным и офицерами штаба идем в голове главных сил полка. Куликов с небольшой группой операторов—в голове авангардного батальона.

До конечного пункта—Сатул-Ноу—оставалось несколько километров. Солнце катилось уже к закату. Втягиваемся в длинное селение Бахлутка, раскинувшееся вдоль обоих берегов реки Скиноса. А когда последние лучи дневного светила за горизонтом погасли, с севера потянуло легким ветерком. Зашумели фруктовые сады, ломившиеся от зрелых плодов. Во дворах темнели груды подсолнухов. Сильнее запахло грушами и яблоками. В некоторых домах слышалось блеяние коз, но жителей не было видно. Они продолжали, видимо, отсиживаться в погребах и подвалах. По предложению Синягина, мы останавливаемся, пропускаем одну ротную колонну, присоединяемся к другой, заводим разговор с воинами.

— Ну как, гвардейцы, не устали?—обратился Александр Дмитриевич к одному уже немолодому, усатому воину.

— Усталость—это ничего, товарищ гвардии майор. Главное—врага догнать, наступить ему на хвост и взять за гриву. Это дело посерьезнее. Четвертые сутки уже гонимся за ним, а видим только его трупы. Если сбежит за Прут, там его труднее будет достать...

В ряду солдат почувствовалось одобряющее оживление.

— Ничего, ничего. Наши танкисты врагу дорогу на запад уже перерезали. Скоро догоним его,—заверил воинов Синягин.

И вдруг оттуда, куда мы шли, где, по расчетам, должен был находиться авангардный батальон, послышалось несколько кричающих разрывов вражеских снарядов.

— Вот он, фашист, и легок на помине,—сказал коренастый приземистый гвардеец, идущий рядом с усачом.

«Да, это в районе нашего первого батальона»,—подумалось мне. Распорядившись ускорить шаг, мы с Синягиным поспешили в голову колонны. Командира полка майора Куликова нагнали на северной окраине Селемета у переезда через железную дорогу. Он приказал развернуть 2-й батальон по Троянову валу западнее реки Скиноса, а штаб расположить у мельницы.

На землю спустились сумерки. Артиллерия противника продолжала вести огонь по дороге, идущей из Селемета на север к станции Сагайдак. Ей вторили крупнокалиберные пулеметы. Но гвардейцы полка двигались по полю в развернутом строю и потерь от вражеского огня не несли. Вскоре в штаб возвратились наши разведчики. Лейтенант П. И. Долматов доложил, что противник обороняет рубеж Сатул-Ноу, отметка 236,6. В Сатул-Ноу создан сильный опорный пункт. На его южной окраине отмечены две автоматические пушки, четыре танка, три штурмовых орудия и

четыре крупнокалиберных пулемета... Сведения о противнике Куликов и я нанесли на карту.

Спустя некоторое время на командный пункт прибыл командир дивизии генерал Чурмаев. Он поставил полку боевую задачу: выбить противника из Сатул-Ноу и к исходу суток овладеть Суриком, закрепиться на его северной окраине. Начало наступления назначалось на 22 часа. Слева от нас наступал 92-й гвардейский полк, а 86-й полк составлял второй эшелон дивизии. Ему было приказано закрепиться на северной окраине Селемета в готовности отражению контратак.

Итак, пробил и наш час. Марш закончился. Полк получил боевую задачу. На организацию боя и выполнение задачи нам отводилось около четырех часов: полтора часа — на подготовку и два — на бой. Эта особенность вхождения в бой требовала от командира и штаба хорошей выучки, высокой оперативности, слаженности в работе. В считанные минуты осуществить целый комплекс мероприятий, обеспечивающих организованное вступление полка в бой, — задача весьма сложная.

Чтобы оправдать надежды и доверие старшего командования, нам, конечно, пришлось работать с большим напряжением. Не теряя времени, тут же в присутствии комдива Куликов заслушал короткие справки начальника артиллерии, начальника разведки полка, пришел к выводу, что сплошной обороны у противника нет. На направлении действий полка основные силы врага сосредоточены в селении Сатул-Ноу, овладение которым составляло ближайшую задачу полка.

Сатул-Ноу располагалось на южных склонах возвышенности, окаймленной с востока рекой Скиноса, с запада — безымянным ручьем, впадающим в реку у южной окраины селения. Фронтальное наступление здесь могло привести к затяжным боям и излишним потерям. Поэтому Куликов принял решение нанести удар по флангам опорного пункта, имея боевой порядок в один эшелон с выделением в резерв роты автоматчиков. Такое построение боевого порядка обуславливалось, прежде всего, неглубокой обороной врага и небольшой боевой задачей полка.

Здесь же, на командном пункте, Куликов поставил боевые задачи предусмотрительно собранным сюда командирам подразделений. Первому батальону с батареей 76 мм полковых пушек основными силами обойти Сатул-Ноу справа и нанести удар по опорному пункту с востока, а частью сил атаковать его с юга; в дальнейшем наступать в северном направлении. 2-му батальону с батареей 45 мм противотанковых пушек нанести удар с запада, затем наступать на Сурик и к исходу суток овладеть им. Были соответственно поставлены задачи батарее 120 мм минометов и артиллерийскому дивизиону 61-го гвардейского артиллерийского полка, поддерживающего наш полк.

После того как все детали предстоящего боя были оговорены, Куликов для осуществления контроля и помощи распорядился в подразделения послать офицеров штаба. Во второй батальон он

направил своего заместителя майора Г. И. Велибекова. Мне было приказано в период организации боя находиться в первом батальоне. Прежде чем туда пойти, я собрал своих помощников и отдал необходимые указания по разведке, о порядке сбора сведений в ходе боя, об организации и поддержании связи с подразделениями.

...Вместе с командиром 1-го батальона В. А. Шишковым выходим из-под навеса мукомольни. Ночь вступала в свои права: все окрест было окутано темным пологом. Погода стояла ясная. Поблекшее небо усеивал серебряный бисер звезд, а ущербный серп луны спускался к горизонту. Легкий ветерок продолжал нести с севера прохладу. В том же направлении в темноте ночи время от времени вспыхивали и гасли голубоватые пучки трассирующих пуль и очажки света, исходящие, очевидно, от фар автомобилей, на секунду включенных вражескими шоферами, блуждавшими по чужим и незнакомым полям.

Мы шли быстро и молча, думая каждый о своем. У невысокой насыпи Троянова вала нас остановил часовой, а затем встретил адъютант старшего батальона старший лейтенант М. Л. Романовский. На КП батальона были уже собраны командиры подразделений. Не теряя времени, Шишковец приступил к работе. По пути с КП полка он, видимо, продумал уже план боя. Поэтому со своими непосредственными помощниками совет у него был непродолжительным. Он сразу же начал отдавать боевой приказ.

Владимир Антонович Шишковец в полку считался командиром опытным и грамотным. Он хорошо знал подчиненных командиров, боеспособность рот. Вот и сейчас, сообразуясь с их возможностями, на правый открытый фланг — направление главного удара — он назначил 1-ю роту во главе со старшим лейтенантом В. К. Малолетковым, храбрым, хладнокровным и расчетливым в бою командиром. В центре боевого порядка он поставил 3-ю роту, которую возглавлял старший лейтенант А. С. Родин, не менее храбрый и расчетливый в бою офицер. На второстепенное направление комбат назначил 2-ю роту во главе со старшим лейтенантом Л. Ф. Ежовым, спокойным, самостоятельным в действиях командиром. Из этой же роты был взят в резерв взвод лейтенанта И. Ф. Беляка, коммуниста, отважного офицера. Шишковец целесообразно распределил между ротами и средства усиления: батальонные минометы, противотанковые ружья и станковые пулеметы; назначил объекты атаки, определил азимуты движения, выделил для их обозначения средства — пулеметы с трассирующими пулями и ракетчиков; обговорил вопросы взаимодействия, опросил командиров рот, как они поняли боевую задачу.

— Напоминаю, товарищи офицеры, — сказал в заключение Шишковец, — что в ночном бою нерешительные, вялые действия к победе не приводят. Но не добиваются успеха и те командиры, которые лезут на рожон. Для вас в первую очередь важны: огонь и движение, огонь, а вслед за ним — стремительные действия. Только при условии соблюдения этого основного требования к бою мы добьемся успеха.

Я решил проследить за работой командира 1-й стрелковой роты Малолеткова, ветерана полка. Личный состав роты располагался в нескольких метрах севернее Троянова вала. Когда мы сюда прибыли, здесь кипела работа под руководством полковых и батальонных политработников. Они инструктировали парторгов и комсоргов рот по мобилизации коммунистов на выполнение боевой задачи, назначали вожаков атаки, распределяли среди агитаторов бланки боевых листов, поднимали боевой настрой гвардейцев, рассказывали им об обстановке на фронте, о том, что враг уже окружен и что наша задача — не выпустить его из котла, а пленить или уничтожить.

Времени на сбор командиров взводов потребовалось немного. Посыльные с этой задачей справились быстро. Чувствовалось, что сбор командиров здесь отработан четко. Разговор с командирами взводов Малолетков начал немного глуховатым, но твердым голосом. Эмоциональностью произносимых слов комроты подчеркивал важность и серьезность момента. Приказ он отдавал грамотно, четко, с показом на местности ориентиров. В каждом нужном случае определял к ним азимут движения. Наблюдая за работой Малолеткова, я думал о том, как выросли те наши низовые офицерские кадры, которые прошли с полком годы войны, какими они стали опытными организаторами боя, умелыми руководителями подразделений в бою.

И вот сейчас, глядя на Владимира Константиновича Малолеткова, слушая его и наблюдая, как он показывает ориентиры, я воочию видел его рост, боевое мастерство. А оно, это боевое мастерство, пришло к нему не сразу. В первые месяцы командования взводом им нередко допускались промахи в руководстве боем, а в одном бою было проявлено и малодушие. Но командир полка, в то время В. Р. Орехов, продолжал верить Малолеткову, брал его под свою защиту, возвращал в подразделение. Потом дело у Малолеткова стало налаживаться. Стрелковым взводом он прокомандовал больше года. Был дважды, в августе и октябре 1943 года, ранен, но до конца боя не уходил в медпункт. В том же году его приняли в партию. Слава о нем, о его отваге и мужестве, воинском мастерстве и смекалке облетела весь полк. За совершенные подвиги он дважды был отмечен правительственными наградами.

...Закончив работу с командирами взводов, Малолетков с одним из командиров ушел в отделения, к бойцам. А я, удовлетворенный организаторской работой в батальоне, возвратился на КП полка.

Бой начался в 22 часа 23 августа. Воздух сотрясали от грохота пушечных и минометных залпов, трескотни пулеметов и автоматов. К началу боя Куликов, а с ним и я поднялись на возвышенность, откуда хорошо просматривались Сатул-Ной и его окрестности. Атака батальонов началась дружно. Нам были видны не прерывные вспышки выстрелов, по которым можно было судить о том, что развернутая цепь гвардейцев железной подковой охва-

тывала селение. Враг не выдержал угрозы окружения. Под прикрытием танков, штурмовых орудий и пулеметов он устремился на север. Через полчаса комбаты доложили об освобождении Сатул-Ноу. А еще примерно через час был очищен от гитлеровцев и наш бывший пункт Сурик.

Учитывая то обстоятельство, что с соседом справа локтевой связи не было, а задача, поставленная полку, оказалась выполненной, Куликов остановил дальнейшее продвижение батальонов, приказав им закрепиться на достигнутом рубеже в готовности к отражению контратак противника.

Вскоре стали известны подробности этого ночного боя. Рассказу о некоторых, наиболее запомнившихся эпизодах.

Обходя Сатул-Ной с востока, гвардейцы 3-й роты батальона Шишкова вышли к проселочной дороге, которая вела из села к железнодорожному проезду. Здесь их прижал к земле плотный фронт двух вражеских штурмовых орудий и автоматчиков, укрывавшихся за домами. Наступление могло застопориться. Тогда командир роты старший лейтенант А. С. Родин поставил командира 2-го взвода туляку лейтенанту С. В. Северову следующую задачу: скрытно подобраться с северной стороны к вражеским позициям и внезапно атаковать их.

Северов боевую задачу разъяснил командирам отделений, предупредил их о необходимости действовать смело и решительно. Пользуясь темнотой, где ползком, где пригнувшись, короткими перебежками, воины взвода двинулись к вражеским огненным позициям. Следуя впереди цепи, Северов личным примером увлекал своих бойцов на подвиг. По его команде гвардейцы дружно атаковали гитлеровцев с фланга. Первыми в селение ворвались бойцы во главе с помощником командира взвода старшим сержантом И. Кирсановым: Куценко, Синяков, Тарасенко и Железнов. Гитлеровцы заметались по переулку. Гвардейцы-смелчаки в упор застреливали их, а с отдельными фашистами им приходилось вступать в рукопашную схватку.

Воины взвода Северова уничтожили более двух десятков фашистов, обратили в бегство двух «фердинандов», чем способствовали дальнейшему продвижению роты и батальона в целом. О подвигах воинов Северова была выпущена листовка «Вперед» с призывом ко всем гвардейцам равняться на отважный взвод.

Не менее храбро дрались и воины 2-го батальона. Преследуя бегущих из Сатул-Ноу гитлеровцев, гвардейцы батальона Полищука вошли к селению Сурик и с ходу, буквально на плечах врага, ворвались в него. Удар их был настолько смелым и решительным, что хватило и двадцати минут для полного освобождения селения от оккупантов.

Здесь особо отличились воины взвода под командованием коммуниста лейтенанта Н. Н. Кузмина из Московской области. При подходе к деревне по команде командира 5-й стрелковой роты старшего лейтенанта А. А. Хачатуряна Кузмин умело развернул своих бойцов в цепь и сам повел их на врага. Крайними домами

взвод овладел в первом броске. Но дальше из-за сильного огневого сопротивления продвигаться не мог. Особенно злобно клоко-тал укрытый в подвале одного неказистого домика станковый пулемет. Кузмин поручил отделению сержанта А. Д. Матюнина уничтожить пулемет врага. Рядовые В. Г. Ладыненко и П. Г. Бабенко, расчет ручного пулемета, по влажной от росы земле поползли к объекту атаки. Вражеский пулемет не давал поднять головы. Но отважные гвардейцы по трассирующим пулям определили направление простреливаемых участков местности, выдвинувшись вперед, заняли выгодную позицию и длинной очередью подавили огонь гитлеровцев. Сержант Матюнин ждал этого момента. Когда вражеский пулемет смолк, он вместе с другими гвардейцами отделения подобрался к соседним домам, откуда стреляли гитлеровские автоматчики, забросал их гранатами, а оставшихся в живых обратил в бегство.

В этом бою храбро действовал и младший сержант А. А. Гнуковский из села Мостовое Одесской области. Он лично метким броском гранаты уничтожил ручной пулемет с его расчетом. В ночном бою воины полка захватили четыре орудия, три автомата, один бронетранспортер и два станковых пулемета «Машинговер».

С утра 24 августа командир 28-й гвардейской дивизии отдал новый боевой приказ, которым нашему 89-му гвардейскому стрелковому полку предписывалось наступать в северном направлении с ближайшей задачей — овладеть станцией Сагайдак и развивать наступление на станцию Злоти. Слева на Сагайдак наступал 92-й гвардейский полк, а 86-й гвардейский полк оставался во втором эшелоне дивизии.

И вот батальоны полка снова перешли в наступление. Ка только огонь артиллерии был перенесен в глубину обороны противника, наши гвардейцы дружно ринулись в атаку. Как всегда первыми шли коммунисты и комсомольцы. Они показывали пример беззаветного героизма, и это сказывалось на результатах атаки. События развивались стремительно. Сбивая врага с занимаемых рубежей, наши гвардейцы вдоль полотна железной дороги устремились к станции Сагайдак. Особенно слаженно и стремительно действовала рота Малолеткова из батальона Шишкова. В числе первых к пристанционным зданиям вышли коммунисты рядовые Авраменко, Колжунный, Волнуша. С возгласом «За Родину!», «За партию!» они бросились вперед, увлекая за собой бойцов роты, забросали гранатами вражеский пулемет и автоматчиков, укрывавшихся в каменном здании. Путь на территорию станции был открыт. Отличился в этом бою и пулеметчик комсомолец Ронгар, уничтоживший более десятка гитлеровцев.

Враг не выдержал натиска гвардейцев и бежал, бросив эшелоны с военными грузами, стоявшие на запасных путях. В коротком бою на станции Сагайдак было захвачено четыре воинских эшелона и много военного имущества, уничтожено до трех десятков фашистов. У нас потерь не было.

Боевые листки о подвигах коммунистов были выпущены во всех частях полка. «Товарищи гвардейцы! ...Берите с них пример», — эти призывы находили горячий отклик в сердцах воинов.

Вышибленный со станции Сагайдак враг зацепился за рубеж высоты 137,3, Зотовка, высота 121,8, что 2,5 км севернее. Но и здесь он оставался недолго. Наступательный порыв гвардейцев не угадал. Огрозив контратаку, полк сбил врага с этого рубежа и к 15 часам отбросил его на север в лесной массив. Гвардейцы дрались смело, инициативно. В бою за деревню Зотовка первому батальону сильно досаждал шестиствольный миномет, установленный на ее восточной окраине. Попытки уничтожить его огнем дальнобойных средств к успеху не привели. Ликвидировать вражеского «скрипача» было поручено пулеметному расчету под командованием семнадцатилетнего коммуниста сержанта Зверьянова из Одесской области. На выполнение боевой задачи он пошел вместе со всеми подчиненными ефрейтором Павлом Задвирным и рядовым Сергеем Корня. Они, прижавшись к кукурузному полю, лавируя между разрывами мин и снарядов, подползли к миномету с фланга, выбрали удобную позицию, открыли прицельный огонь и уничтожили весь расчет. Миномет оказался исправным. Ефрейтор Задвирный встал к прицелу и выпустил по врагу все мины, имевшиеся в огневой позиции. В это же время Зверьянов с рядовым Корня меткими очередями из пулемета истребили семь фашистов, пытавшихся прийти на помощь минометчикам, отбить шестиствольный миномет.

Жаркий бой разгорелся за высоту 121,8. Сначала на нее наступала рота старшего лейтенанта Ежова. Но первая атака с фронта не удалась. Укрепившись на ее южных скатах, гитлеровцы пулеметным огнем из «фердинанда» не давали поднять головы нашим воинам.

С целью наращивания усилий комбат Шишковец ввел в бой свой резерв — стрелковый взвод лейтенанта И. Ф. Беляка. Изучив обстановку, Беляк повел взвод на высоту не с фронта, а в обход слева. Укрываясь за стеблями неубранной кукурузы, взвод вышел на фланг позиций «фердинандов» и групповым огнем ударил по их горлам. Гитлеровские машины, опасаясь окружения, не приняли боя и потянулись в лес. Под натиском атакующих с фронта, оставшаяся без поддержки, отступила и гитлеровская пехота. Преследуя врага, гвардейцы Беляка в этом бою уничтожили более двух десятков фашистов, захватили два пулемета, один из них с расчетом. Не уступали отваге этому взводу воины и других подразделений полка.

Во второй половине дня 24 августа обстановка стала осложняться. К этому времени в лесах севернее и северо-восточнее Сагайдака гитлеровское командование с целью прорыва нашей обороны и выхода из окружения сгруппировало ударный кулак из десятков пяти дивизий. Об этом свидетельствовали участвовавшие в контратаке перед фронтом 82-го стрелкового корпуса. Учитывая складывающуюся обстановку, командир дивизии приказал нашему

полку приостановить наступление на достигнутом рубеже и перейти к жесткой обороне.

Принятые меры предосторожности оказались не напрасными. В 15 часов 30 минут противник силою до двух пехотных полков вторично перешел в контратаку на нашего соседа слева — 92-й гвардейский полк. На этот раз до батальона пехоты с танками шли и на 2-й батальон нашего полка. Но гвардейцы обоих полков врага встретили во всеоружии. Около часа гремел бой, но занимаемый рубеж нами был удержан. Однако гитлеровцы не унимались. В 18 часов около дивизии фашистов при поддержке нескольких танков, штурмовых орудий, бронетранспортеров, огня зенитной и полевой артиллерии перешли в новую мощную контратаку на участке нашей 28-й гвардейской дивизии. Основная тяжесть удара пришлось на соседний 92-й полк и на наш 2-й батальон. Гвардейцам Полищука пришлось вступить в схватку с силами до полка вражеской пехоты.

Но как воины соседнего полка, так и гвардейцы нашего батальона и на этот раз не были захвачены врасплох. После первой контратаки мы сразу же начали готовиться к повторной: бойцы глубже закопались в землю, были пополнены боеприпасы, на опасных направлениях выставлены мины, к левому флангу переброшена часть полковой и приданной артиллерии.

К моменту контратаки я находился на НП полка, расположенном на безымянной высоте в километре северо-западнее станции Сагайдак. С него хорошо просматривалась лощина по устью реки Сныноаса, где, собственно, разгорелся хорошо запомнившийся мне бой.

Свой удар враг начал коротким мощным огнем налетом. Под его прикрытием из леса, что севернее Нового Сагайдака и Бишкотар (Кодрень), примерно на фронте в два километра, гитлеровцы двигались несколькими колоннами на бронетранспортерах и автомобилях. Центральные колонны возглавляли танки и штурмовые орудия.

— «Тевтонская свинья» просматривается в боевом порядке фашистов, — произнес Куликов, наблюдая в бинокль за действиями врага. — Бронированным клином хотят, сволочи, пробить нашу оборону.

Расстояние, отделяющее стороны, быстро сокращалось. Загрохотала наша артиллерия. Снаряды накрыли вражеские колонны. На помощь нам прилетели краснотельные штурмовики. С радостью наблюдали мы их работу! Вот одна тройка, сделав разворот, решительно бросается в атаку на головные машины колонны. Гитлеровцы открыли по штурмовикам огонь из всего своего оружия, но наши «илы» в клубах разрывов вражеской зенитной артиллерии идут по крутой наклонной линии в пике и огнем своих реактивных установок потрошат машины с черно-желтыми крестами. Сделав один заход, они поднимаются ввысь и, выбрав цель, вновь бросаются на врага. Некоторые бронетранспортеры и автомобили с гитлеровцами от метких ударов наших летчиков разлетались в стороны.

Однако гитлеровцы продолжали атаку. Стрелки же наши по

прежнему молчали. Но вот вражеские танки остановились, ведя с места огонь по нашей обороне. Пехота спешила с танков и бронетранспортеров и, развернувшись в цепь, начала насаждать на гвардейцев. Но тут разом заговорили наши «максимы», «дегтяревы», автоматы и карабины. Кучный уничтожающий огонь проносился над густой фашистской цепью. Она стала заметно редеть. Но гитлеровцев и это не остановило. Огонь артиллерии и минометов с обеих сторон все усиливался. Все заволочило дымом и пылью. Трудно стало наблюдать за полем боя. Однако шум его не смолкал, особенно радовал размеренный рокот одного нашего станкового пулемета на левом фланге. Как потом мы узнали, это был пулемет сержанта И. И. Фисенко из Николаевской области.

Он сам лежал за пулеметом, медленно, ровно двигал из стороны в сторону дрожащие ручки затыльника. Его напарник сержант И. Швеиц из Одесской области старательно поддерживал ленту с патронами, помогая ей легче скользить в приемник. Перед их пулеметом полегло более десятка пьяных фашистов. Не отставал от них в меткости стрельбы из «максима» расчет сержанта С. Флоки.

Храбро сражались в этом бою и другие воины 2-го батальона. Отделение под командой сержанта Ф. Романова из Молдавии отразило натиск 18 гитлеровцев, причем командир лично уничтожил четверых. Стрелок его отделения ефрейтор Я. Д. Нитша меткими выстрелами уничтожил расчет пулемета, а рядовой П. Т. Прядка ершил гитлеровского ефрейтора и захватил его документы.

Не уступали в смелости пехотинцам и наши минометчики. Командир отделения разведки батареи 120 мм минометов старший сержант Н. П. Пароконный из Павлодара, сержант М. И. Паленин из Молдавии, старший сержант П. К. Калмыков с Тамбовщины в течение всего боя находились в боевых порядках стрелковых войск и корректировали огонь своих минометов. В результате их бесстрашной работы было уничтожено в общей сложности более десятка огневых точек с их расчетами. Сражались все — от командира батальона до рядового. Отличились и минометчики соседнего 92-го гвардейского полка, действующего на стыке с нашим полком. Начальник артиллерии этого полка капитан Ю. Э. Чульский, когда вышел из строя один из расчетов миномета, сам стал и наводчиком и заряжающим, громил гитлеровцев, находившихся в непосредственной близости от огневых позиций.

Коммунисты и комсомольцы своим мужеством и бесстрашием подбадривали воинов на новые и новые подвиги. Член ВКП(б) лейтенант Н. Н. Кузмин из роты Хачатуряна умело управлял взводом на протяжении всего боя. На участке его взвода гитлеровцы дважды переходили в контратаку, но каждый раз встречали упорное сопротивление и откатывались назад, неся большие потери. А когда в очередной контратаке врагу все же удалось потеснить наших воинов, Кузмин умелым маневром и решительными действиями внес замешательство в ряды врага. С возгласами «Вперед, за Родину!» и «Бей фашистов!» он бросился на врага,

увлек за собой личный состав взвода. В завязавшейся рукопашной схватке лично уничтожил четырех гитлеровцев.

Но гитлеровское командование продолжало подбрасывать в новые и новые подкрепления. На стыке с соседом—92-м гвардейским полком—фашистам ценой больших потерь удалось вклиниться в оборону, создать угрозу нашему тылу. На это направление командир полка А. Г. Куликов бросил свой резерв—роту автоматчиков и роту противотанковых ружей, снятых с неатакованной участка 1-го батальона. Сюда же был выдвинут противотанковый резерв дивизии. Фланг полка пришлось завернуть. Принятыми мерами гитлеровцы здесь были остановлены.

Труднее пришлось нашему соседу слева—92-му гвардейскому стрелковому полку. С началом контратаки командир полка полковник Васильченко был ранен, потом—командир 2-го батальона, подразделения которого оборонялись на левом фланге полка. Управление на какое-то время было нарушено. Оставшись без твердого руководства, личный состав батальона не выдержал натиска превосходящих сил врага, отошел на высоту 259,0, что в 2 километрах юго-западнее Сагайдака. Создалась угроза прорыва обороны. Однако командир дивизии генерал Чурмаев принял решительные меры. Он выдвинул сюда свой резерв—учебный батальон и приданную дивизии отдельную роту армии, всю имеющуюся в его распоряжении пушечную артиллерию. Сюда же в распоряжение командира корпуса генерала Кузнецова был направлен полк соседней 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Продвижение врага удалось приостановить.

Но в результате продвижения противника первый стрелковый батальон 92-го гвардейского полка оказался в окружении в южной части Сагайдака. Комбат капитан Г. Е. Александров организовал круговую оборону, заместитель командира батальона по политической части лейтенант Г. Е. Соколов, комсорг младший лейтенант Волгарев мобилизовали коммунистов и комсомольцев на высокую стойкость в бою. И батальон, несмотря на недостаток боеприпасов, не отступил ни на шаг.

С наступлением темноты на фланге дивизии обстановка еще более осложнилась. Гитлеровцы лезли напролом. Они стремились любой ценой разорвать кольцо окружения. На соседнюю 92-ю гвардейскую стрелковую дивизию враг обрушил новый мощный удар танков и пехоты. Ценой больших потерь ему удалось прорваться на стыке между 280-м и 276-м гвардейскими стрелковыми полками, овладеть селением Сурик и выйти к Галбенице (Юрьевке). Снова создалась опасность прорыва вражеских войск в тыл 82-му стрелковому корпусу. Однако наше старшее командование своевременно приняло и на этот раз необходимые меры. Для ликвидации прорыва противника был брошен танкосамоходный полк противотанковый резерв командующего 37-й армией, стрелковый батальон, снятый с обороны командного пункта армии, инженерные средства.

Ожесточенный бой продолжался всю ночь. К утру силы гитлеровцев начали иссякать, что дало возможность командиру нашей дивизии произвести перегруппировку сил и ввести в бой второй эшелон—86-й гвардейский стрелковый полк. Его воины мощным ударом во фланг смяли вклинившуюся группировку врага вместе с соседями отбросили ее к Сагайдаку. Стремительные действия 86-го полка дали возможность основными силами 92-го полка разорвать вражеское кольцо вокруг первого батальона капитана Александрова и соединиться с ним.

К 10 часам 25 августа Сагайдак был полностью очищен от гитлеровцев. Развивая наступление в северо-западном направлении, 92-й гвардейский полк, в командование которым вступил бывший командир полка подполковник В. Р. Орехов, возвратившийся после излечения, в 15 часов 30 минут выбил врага из селения Митрополита, а еще через полтора часа—из Броскарь и к исходу дня выиграл бои с северо-востока за Гура-Галбенеи.

Успешно вел бой и 86-й гвардейский полк. В течение дня его воины освободили селения Бухна, Алексеевка, Цапай, Галбеница и к исходу суток схватились с врагом на юго-восточной окраине Гура-Галбенеи. Бой за это селение не прекращался и ночью. К черным часам 26 августа общими усилиями двух полков Гура-Галбенеи было полностью очищено от гитлеровцев.

Наш 89-й гвардейский стрелковый полк с момента, когда вступил в бой 86-й полк, был выведен во второй эшелон дивизии с задачей быть в готовности развить успех частей первого эшелона и с места отражать возможные контратаки противника. Но вступить с врагом в бой нам больше уже не удалось. После овладения Гура-Галбенеи вражеская группировка на нашем направлении прекратила сопротивление. Гитлеровцы начали сдаваться в плен.

В мемуарах цифровой материал принято считать «скучным». Но как обойтись без него, если порой он красноречивее слов? Прежде всего он дает представление о том, с каким напряжением проходили бои, какие силы врага нам удалось одолеть. В трехдневных боях, по неполным подсчетам, полками дивизии было уничтожено: солдат—1910, орудий разного калибра—39, пулеметов—39, танковых—54, ручных—127, автомобилей—59, повозок—240. Замыкало в плен 510 солдат и офицеров. Очень много взято трофеев.

Так гвардейцы нашей дивизии воевали за землю Молдавии в Ясско-Кишиневской наступательной операции. Операция эта, как известно, имела большое военно-политическое значение. Перед Красной Армией открылась возможность освободительного похода в Румынию, Болгарию, Венгрию, оказания непосредственной помощи борющемуся народу Югославии.

С 27 августа мы начали готовиться к новым решительным боям.

Атака из плавней

В. Н. ИВАНОВ,

*бывший заместитель командира
949-го стрелкового полка, подполковник в отставке.*

Я вспоминаю весну и лето 1944 года. В этом году на различных фронтах Советская Армия нанесла по врагу десять сокрушительных ударов.

Весной наша дивизия наступала в направлении на Березовку, Раздельную, Тирасполь. Несмотря на весеннее половодье и бездорожье, мы все же преследовали противника, обходя одесскую группировку справа.

6 и 7 апреля на нашем направлении враг пытался устоять и неоднократно бросался в контратаки. Таких контратак было много, но все они напоминали агонию обреченного, а мы продолжали наступать.

Дошли до Днестра. Соседние части слева 8 апреля уже овладели районным населенным пунктом Беляевкой Одесской области. Вслед за ними мы ворвались в село Яски, что на самом берегу реки.

От села — дорога-дамба через Днестровские плавни на противоположный берег, в молдавское село Коркмаз. А от этой дороги по обе стороны разлились Днестровские плавни. Другого пути нет. Здесь нас противник и задержал.

Оставив прикрытие в селе Яски, мы повернули на север и заняли село Троицкое. Из этого села по плавням и садам мы и достигли берегов Днестра, а ночью, 16 апреля, форсировали его, захватив плацдарм на западном берегу в молдавской деревне Пуркары.

С этого плацдарма противник стремился сбросить нас на протяжении многих дней и ночей, вел интенсивный огонь по нашим позициям. Продвигаться по плацдарму надо было стремительно — от укрытия к укрытию. Иначе сразу же догонят прицельные очереди из пулеметов.

Такой эпизод. КП батальона находился на перекрестке пуркарских улиц, откуда велось наблюдение за противником. А противник все время простреливал этот участок пулеметным огнем. Нужно было обнаружить вражескую точку и уничтожить ее. Связной взвода ПТР бронебойщик Андрей Кучуков со своим противотанковым ружьем выполз за угол дома и навел ружье на предполагаемую цель. В этот момент мы и заметили пулемет противника, ствол которого сразу же вильнул в сторону Кучукова. Пришлось скомандовать Кучукову «Назад!», схватить его за ногу и оттащить за угол. Тут же пули прошли этот угол.

Но мы добились своего: обнаружили точку. Бронебойщик Андрей Кучуков, сменив позицию, уничтожил ее с первого выстрела. Эпизод — за эпизодом. Всех не описать. Но из них складывалась наша жизнь на плацдарме. Потом, уже в Болгарии, наша дивизионная газета «За Родину», возвращаясь к боям на плацдарме в Пуркарах, писала о них.

На этом плацдарме мы стояли целый месяц, а в середине мая нас сменили и перевели на другой участок фронта. И вновь мы между селами Яски и Троицкое. С фронта — молдавские села Коркмаз, Олонешты, Тудорово.

Линия обороны проходила по берегу Днестра, а между селами Яски и Коркмаз пролегалла еще одна дорога-дамба, по обе стороны которой разлившиеся плавни, заросшие камышом и кустарником.

Обзор — ограничен, передвижение — только по этой одной дороге, которую противник все время обстреливал, а ночью «вешал» над ней осветительные «фонари».

При одном из обстрелов погиб начальник штаба нашего полка капитан Казимиров.

Доставка к переднему краю боеприпасов и продовольствия была исключительно трудной. Мы, например, подолгу не получали горячей пищи. Солдаты приспособились плести из лозы корзины, ловили в них раков, варили и ели — без соли. Соли ведь тоже не было. И так — полтора месяца.

В начале июля батальон снова сменили и перевели на другой участок. Прошли ночным маршем населенные пункты Одесской области Яски, Беляевку, Маяки и заняли район обороны между селами Маяки и Красная Юхимовка по северо-восточному берегу Днестровского лимана. За Днестром в камышовых плавнях против крупного молдавского села Паланка расположили усиленное боевое охранение. Здесь мы и держали оборону тоже целых полтора месяца — до самого начала Яско-Кишиневской операции.

В этот период подразделения не только стояли в обороне, но и готовились к наступлению.

В начале августа командование батальоном было передано заместителю командира батальона по строевой части капитану Кузнецову, а меня назначили заместителем командира полка по строевой части. С этого времени мне и пришлось решать боевые задачи уже в масштабе полка.

Командир полка подполковник Панков был очень талантливым, грамотным командиром. Он учил нас на ярких примерах стратегии и тактики боя, помогал в подготовке предстоящих боевых операций.

Главная предстоящая операция, как мы все отчетливо понимали, была Яско-Кишиневская.

На самом левом фланге 3-го Украинского фронта в составе 46-й армии дислоцировалась 259-я стрелковая дивизия, а на

самом левом крыле этой дивизии в районе Днестровского лимана стоял наш 949-й стрелковый полк. Правда, еще левее располагалась десантная группа генерала А. Н. Бахтина, которая форсировала Днестровский лиман на плавсредствах Дунайской военной флотилии.

А мы — пехота — плавсредств не имели. Перед полком стояла задача выйти скрытно своим ходом по плавням на исходное положение для наступления в направлении села Паланка, внезапно атаковать противника, во взаимодействии с соседями перекрыть пути его отхода, а в дальнейшем преследовать в юго-западном направлении.

В ночь с 19 на 20 августа полк совершил десятикилометровый переход по плавням, маскируясь в камышах и кустарнике, сосредоточился для атаки на исходном рубеже в 50—100 метрах от переднего края обороны противника. Противник, как мы знали, — румынские войска 3-й армии. Перед передним краем были инженерные заграждения — проволока в два-три кола, противопехотные и противотанковые минные поля.

Местность, лежавшая перед нами, простреливалась системой фронтального, косоприцельного и перекрестного огня — обстреливалась методически.

Перед фронтом наступления полка на переднем крае обороны противник имел до шести станковых пулеметов, около 12 ручных и три орудия ПТО.

Артиллерийские средства были и в глубине обороны.

Кроме того, противник располагал двумя опорными пунктами в селе Паланка и южнее его, а в глубине обороны имелись запасные позиции и позиции для резервов. Ко всему этому противник занимал господствующую местность.

А местность, по которой мы наступали, была ровной, покрытой сплошными зарослями кустарника и камыша, затопленной водой, дно вязкое и тинистое.

Так что противник имел перед нами все преимущества. На «ура!» победить его было невозможно. Нужны были и тактический маневр, внезапность, быстрота атаки и четкое взаимодействие подразделений полка.

Правда, нам было на руку то обстоятельство, что противник на этом участке нас не ожидал, так как местность считалась непроходимой. Как мы потом убедились, неожиданностью для него был также факт нашего сосредоточения в этом районе.

20 августа в 8 часов началось одновременное наступление по всему фронту. Справа от нас был нанесен мощный артиллерийско-минометный удар и был совершен налет авиации по оборонительным позициям румынских войск. Противник был ошеломлен внезапностью налета.

На нашем же направлении и в тот момент артиллерийской подготовки не было. Но удар соседей был для нас сигналом атаки. Наша пехота словно выросла из камышей и рванулась на

сушу. Противник был ошеломлен такой внезапностью, в панике начал все бросать и отступать. Солдаты вскоре начали сдаваться в плен целыми группами.

К середине дня Паланка была очищена полностью, а юго-западнее села противнику были перекрыты все пути отхода. Так началось преследование врага по молдавской земле — вплоть до берегов Дуная. На всем этом пути противник не раз оказывал сопротивление, однако ряды его таяли и он стремительно отступал.

Население тепло встречало нас, воинов-освободителей.

Потери противника только в Паланке, по нашим подсчетам, составили до двух рот пехоты, три орудия ПТО, четыре миномета, восемь ручных пулеметов и три станковых, сто сорок винтовок и автоматов, шесть повозок с боеприпасами и военным снаряжением...

...С тех пор прошло много лет, но мы, ветераны, помним былые походы. Мы помним, как шли в атаку перед Паланкой, чтобы прорвать передний край обороны, шли по пояс в воде, по вязкому дну, по зарослям камыша, в полном боевом снаряжении. Многие тогда от долгого сидения в плавнях болели малярией и пиодермией.

Обо всем этом хорошо помнят сейчас оставшиеся в живых наши боевые товарищи — бывший пулеметчик Я. Е. Карин, ныне учитель русского языка и литературы, проживающий в молдавском селе Фрумушика Флорештского района, бывшая санинструктор А. И. Зарецкая, ныне проживающая в селе Нижняя Нагольная Миллеровского района Ростовской области, бывший начальник штаба батальона старший лейтенант Л. С. Боголюбов, бывший командир минометной роты 82 мм минометов старший лейтенант Ф. П. Гализдра, бывший боец сержант А. К. Комель, бывший бронебойщик рядовой А. И. Кучуков и многие другие. Такое за быть нельзя.

Литературная обработка Е. Ткачука

Разгром корпуса Постеля

М. В. ШЕРСТОБИТОВ,
майор в отставке

25 августа 301-я стрелковая дивизия начала бои по расчленению окруженной группировки противника. К исходу дня 1050-й стрелковый полк с тяжелыми боями продвинулся к опушке роши северо-восточнее Сарата-Галбенэ, 1054-й стрелковый полк занял господствующую высоту недалеко от населенного пункта Бозиены, 1052-й стрелковый полк подошел к селу Албина.

30-й фашистский армейский корпус плотно был взят в тиски частями 57-й армии. Командир немецкого корпуса генерал Постель решил вырваться из окружения в полосе 301-й стрелковой дивизии, в наиболее удобном месте для прорыва. Здесь была лесистая местность и самый короткий путь для выхода из котла. Но не учел Постель только одного — бойцовских качеств воинов дивизии, громивших фашистов на Северном Кавказе, в Донбассе и на юге Украины.

... На небе ни звездочки. Опустилась на землю темная тревожная ночь. Капитан В. А. Ишин внимательно просмотрел с командного пункта батальона лежащую вокруг местность. Заметил колонну, движущуюся в их направлении.

Командир батальона вызвал к себе пять бойцов и комсорга лейтенанта Ивана Сенечкина.

Посмотрите лес впереди нашей высоты, сказал он воинам, установите силы противника и попробуйте узнать, где он намеревался вырваться из окружения.

Разведчики растаяли в темноте ночи.

В это время появилась походная кухня. Зазвенели котелки, ложки и кружки. Плотный ужин приподнял настроение у воинов.

Лейтенант Владимир Чурилов принес только что выпущенную листовку-молнию. В ней рассказывалось о бойцах, отличившихся при взятии высоты 240,0.

Вернулись разведчики. Лейтенант Сенечкин доложил командиру батальона:

В лесу немцы. Одну группу, оторвавшуюся от колонны, мы атаковали. Многих перебили, а несколько человек взяли в плен и привели в батальон.

Из показаний пленных и сообщений разведчиков стало ясно, что колонна фашистских войск намеревается прорваться на участке батальона Ишина.

В батальон приехал командир полка подполковник Николай

Николаевич Радаев с адъютантом. Капитан Ишин доложил ему обстановку.

— Жаркий бой будет, — сказал командир полка. — Стоять насмерть. Ни шагу с высоты.

— Бойцы поклялись выстоять, — ответил Ишин.

— Поеду посмотрю, что делается в других батальонах, — сказал Радаев и умчался на линейке.

В это время на юго-восточной окраине села Бозиены вспыхнул бой. Авангардная группа противника двинулась на командный пункт дивизии. Но ей преградила путь укрывшаяся там отдельная саперная рота капитана Н. Т. Белова.

Гитлеровцы двигались двумя цепями, издавая дикие крики. Уточнив, что там нет ни артиллерии, ни танков, Белов приказал бойцам поближе подпустить фашистов, и когда они оказались на расстоянии 100—200 метров, подал команду:

— Огонь!

Почти на половину поредела первая цепь противника. Он вынужден был откатиться назад. Но вскоре возобновил атаку. На помощь роте Н. Т. Белова подошли работники штаба дивизии и автоматчики. Противник отступил, вновь неся большие потери. И третья атака захлебнулась. Тогда немцы повернули на запад от села Бозиены, в направлении 1050-го и 1054-го стрелковых полков. Двумя колоннами они атаковали батальоны старшего лейтенанта С. Е. Колесова и капитана В. А. Ишина.

Немецкая колонна двигалась клином, вслед за танками. Стихийно возникла перестрелка. Ишин выпустил осветительную ракету: расположение сил противника стало видно как на ладони.

— По голове колонны, огонь!

Противотанковые пушки подбили несколько бронированных машин, пулеметчики и автоматчики секли вражескую пехоту.

Затем ударили в хвост вражеской колонны, создав видимость атаки с тыла. В рядах противника произошло замешательство. Атака приостановилась.

Через час примерно немцы возобновили боевые действия. Они открыли огонь из всех видов оружия. На высоту двинулись ганки, а за ними автоматчики.

Шквальным огнем встретили их наши пулеметчики и автоматчики, артиллерия. Загорелась одна, а потом другая вражеские бронированные машины, застыл на месте танк с разорванной гусеницей. С фланга атаковали вражескую пехоту наши танки, подошедшие перед началом этой атаки противника. После одной из попыток врагу удалось ворваться в расположение 9-й стрелковой роты. Завязалась рукопашная схватка. Продолжался обстрел наших расположений. Несколько снарядов попало в наблюдательный пункт батальона.

Оценив обстановку, командир батальона повел бойцов в атаку. Враг был отброшен. Внезапно с тыла атаковал 1-й стрелковый батальон 1054-го стрелкового полка. Удар был настолько

неожиданным и мощным, что фашисты вынуждены были отойти от высоты 240,0.

Здесь на некоторое время наступило затишье.

Но яростные контратаки гитлеровцев отбивали и 3-й стрелковый батальон, и 6-я стрелковая рота 1050-го стрелкового полка.

Гитлеровцы применили хитрость. Впереди колонны пустили танки и самоходки, а за ними — санитарные машины и обозы. Сзади двигались кавалерия и пехота. Фашистские молодчики кричали по-русски: «Ура!», не производя выстрелов. Это озадачило командира роты капитана Федора Шаповалова. «Как могли здесь оказаться наши?» — подумал он и подал команду приготовиться к отражению атаки.

В боевую готовность были приведены взводы, которыми командовали Иван Яковлев, Иосиф Робенко и Петр Храмов. Наготове были также три батареи 823-го полка, находящиеся в боевых порядках пехоты.

Немецкая колонна, близко подойдя к роте Шаповалова, разбилась на две части. Вдруг из головных танков обеих колонн взвились красные ракеты, и фашисты пошли в атаку: большая часть — в направлении 3-го стрелкового батальона, а меньшая — на 6-ю роту.

— Огонь! — прозвучал голос капитана Шаповалова.

— Бронебойным по танкам, картечью по коннице и пехоте! — скомандовал командир батареи капитан Степан Сухарев.

Вслед за ними ударили по фашистам батареи капитана Сергея Ковалевского и лейтенанта Якова Курдюкова.

Загорелась техника противника, мертвое падали на землю пехотинцы. Но немцы любой ценой стремились прорваться сквозь боевые порядки роты. Вот они совсем близко от переднего края.

— Гранаты — к бою! — подал команду старший лейтенант Яковлев и первым бросил связку гранат под гусеницы бронированной машины. Удар точный. Она застывает на месте. Летят еще десятки гранат и загораются три вражеских танка.

Почти вплотную приблизились немецкие пехотинцы к окопам, в которых засели бойцы взводов Иосифа Робенко и Петра Храмова. В рукопашной схватке бойцы уничтожили всех провавшихся сюда немцев.

Но за этой последовали вторая, третья, четвертая атаки. Враг нес большие потери. Не удавалось немцам прорваться сквозь стальные ряды 3-го стрелкового батальона 1050-го полка. Командир его Алексей Степанович Бородаев оперативно руководил боем, показываясь то на одном командном пункте, то на другом.

Рота лейтенанта Владимира Ленского расположилась в балке. На ее флангах командир расставил пулеметчиков, вперед выдвинул автоматчиков.

Вскоре коммунист командир взвода автоматчиков лейтенант Федор Федоренко заметил силуэты людей, спускающихся в балку

— Приготовиться к бою, без команды не стрелять.

Немцы решили, что здесь никого нет и, пользуясь темнотой, попробовали вырваться из окружения на этом участке.

Вот они были уже в 60—70 метрах от наших автоматчиков. Двигались гуськом.

— Огонь! — крикнул Федоренко.

Прицельно ударили по врагу сержанты Кузьма Немчик, Петр Черненко, Семен Спицын и Александр Кругов, солдаты Егор Сикаченко, Аврам Церковный, Борис Медынский, Константин Кузнецов и Антон Болонюк. Удар был ошеломляющий. В рядах врага — паника. В это время офицер Ленский осветил ракетой край балки. Пулеметчики с двух сторон ударили по хвосту колонны. Фашисты, решив, что сопротивляться бесполезно, сложили оружие.

С высоким накалом продолжал сражаться 3-й стрелковый батальон 1054-го стрелкового полка.

Роту лейтенанта Степана Песоцкого немцы атаковали с фронта. Пулеметным и автоматным огнем встретили их бойцы роты. Враг не выдержал массированного огня, свернул в сторону и ударил по левому флангу. Но и здесь фашисты натолкнулись на ответный плотный огонь. Тогда по переднему краю ударили минометы противника. Под их прикрытием гитлеровцы вплотную приблизились к роте.

— Гранаты к бою! — подал команду Песоцкий.

Потом немцы атаковали центр батальона. Два раза капитан Ишин водел бойцов в атаку и отбрасывал фашистов назад.

Большой урон понес батальон на высоте. Боеспособной оставались пулеметная рота, закрепившаяся в лощине.

Как только фашисты пошли на штурм высоты, командир батальона связался по радию со штабом дивизии и попросил открыть огонь артиллерии по квадрату, в котором сам находился.

В это время ударил по врагу с тыла батальон майора Ф. Ф. Бычкова.

Начало рассветать. Над головой Ишина прошипели снаряды, затем блеснули огненные столбы от разрывов. Комбат почувствовал, как под ним качнулась земля. Снаряды падали в рядах вражеской пехоты, кромсали противника.

Вражеская колонна рассыпалась у него на глазах.

А удары наших артиллеристов все нарастали и нарастали. Они все ближе и ближе подбирались к командному пункту батальона.

«Неужели нас накроют, — подумал командир батальона, — и от своих погибнем?» В эту минуту он пережил столько, сколько за всю войну не пережил. На мгновение он вспомнил мать, дом. Потом, как бы очнувшись, прокричал во весь голос:

— Ложись в укрытия!

Находясь в окопе, Ишин почувствовал, как что-то тяжело и оглушительно ударило рядом, и он потерял сознание.

В это время к пулеметной роте приближалась колонна. Немцы шли без оружия и вместо знамен на палках у них болтались куски белых простыней.

От колонны отделилась небольшая группа немецких солдат и офицеров, они заявили, что сложили оружие.

Остатки 30-го немецкого армейского корпуса прекратили сопротивление.

Очнувшись от легкой контузии, капитан Ишин поднялся из окопа. Вокруг него стояла мертвая тишина. Дымились подбитые танки, валялись куски брони, оружие, убитые. В воздухе повисла зловещая коричневая туча, горло сдавила удушливая гарь.

Понемногу вокруг командира батальона стали собираться уцелевшие воины. Первыми подошли к нему лейтенант Сенечкин и капитан Полюсук, потом появились пулеметчики Середа Баздырев.

— Попаля ли под обстрел пулеметная рота? — спросил командир батальона у своего заместителя по политчасти Полюсук.

— Не дотянулись до нее свои снаряды. На участке роты немцы сложили оружие, — ответил Полюсук. — Туда сейчас прибыли командир полка и командир дивизии.

— Пойдем и мы, — сказал капитан Ишин.

Батальоны капитанов Федора Федоровича Бычкова, майора Алексея Стефановича Бородаева тоже захватили большое количество пленных.

30-й немецкий армейский корпус был полностью разгромлен.

Таранный удар

В траншее у станкового пулемета Игорь Величко, Петр Новиков и Савелий Михайленко.

— Засиделись мы здесь, — сказал Новиков. — Пятый месяц пошел, как коротаем в обороне.

— Чувствую, что вот-вот начнется наступление, — заметил Михайленко.

— Тряхнем фашистов так, что за несколько дней вышвырнем их из Молдавии, — утвердительно заявил Величко.

Разговор солдат прервал подошедший к ним командир пулеметной роты капитан Сагадат Нурмагамбетов.

— Дивизия сдает свой плацдарм другому соединению, а мы займем новый — Кицканский, южнее Тирасполя. Готовьтесь! — приказал командир роты.

— Наконец-то дождались, — сказал Михайленко.

Укрываясь в садах, за крутым высоким берегом Днестра, капитан Нурмагамбетов вывел своих пулеметчиков на новый плацдарм. Отсюда хорошо просматривалась местность, занятая противником. На господствующих высотах расположились наблюдательные пункты наших частей.

Бойцы пулеметной роты заняли свои позиции.

— Наша дивизия включена в состав ударной группировки 9-го стрелкового корпуса 57-й армии. Значит, в прорыве обороны противника будем играть не последнюю скрипку, — сказал капитан.

— Надеюсь, что оправдаем это высокое доверие.

— Не подведем, — ответил Григорий Пастухов.

Отступала ночная мгла. Свежий ветерок пробежал по переднему краю. Высоко в небе запел жаворонок. Ему и невдомек, что скоро жерла пушек блеснут огнем, и пехота рванется навстречу ветру. С востока, словно багряные знамена, поднимались лучи солнца. И в эти минуты нарождающегося дня пришел в дивизию приказ командующего 3-м Украинским фронтом генерала армии Ф. И. Толбухина о начале наступления.

По сигналу были подняты полки 301-й стрелковой дивизии. В первом эшелоне наготове стояли 1052-й и 1054-й стрелковые полки.

На какой-то небольшой период времени наступила мертвая, предвещающая бурю тишина. И вдруг, извергая пламя, заговорили «катюши». За ними — артиллерия. Бьют по фашистам краснопозвездные самолеты. Столбы огня и дыма повисли над окопами противника. Противник прижат к земле.

Под прикрытием артиллерийского огня и бомбовых ударов наши подразделения выдвигаются на рубеж атаки.

Среди солдат командир роты лейтенант Захар Козловский. «В атаку!» — сигнал ракеты.

— За мной, вперед! — выкрикнул командир роты, первым выскакивая из окопа.

— Ур-ра-а!.. — подхватили его бойцы.

По всей полосе действия дивизии подразделения бросились в атаку.

Рота лейтенанта Козловского, преодолев минное поле и проволочные заграждения, вплотную приблизилась к переднему краю противника. В траншею летят гранаты. С фланга роту Козловского поддерживают пулеметным огнем бойцы Сагадата Нурмагамбетова.

Вскоре стрелки и пулеметчики врываются в траншею противника и выбивают его оттуда.

Вступают в рукопашную схватку все подразделения 1052-го стрелкового полка. Во вражеских траншеях и бойцы 1054-го стрелкового полка. Умело и решительно бьют врага воины батальона капитана Владимира Ишина.

Комсомолец Андрей Клочков прыгнул в траншею, оглушил ударом приклада оторопевшего от неожиданности немца и побежал дальше. Из-за поворота траншеи показался другой вражеский солдат. Короткой очередью из автомата Клочков сражает и его.

Троих фашистов уничтожает комсомолец Арон Вендер, без промаха косят бегущих гитлеровцев пулеметчики Семен Цопа и Виктор Мишук

Выбив врага из первой траншеи, бойцы устремились во вторую. Нашей пехоте преградила путь немецкая пушка, бьющая прямой наводкой. Комсомолец Вендер решил вывести ее из строя: скрытно подполз к ведущему огню расчету и забросал его гранатами. Рота лейтенанта Ивана Петренко пошла в атаку и ворвалась во вторую траншею.

Противник не выдержал рукопашного боя, покинул траншеи и бежал в направлении населенного пункта Урсоая.

Но его настиг меткий огонь пулеметчиков капитана Нурмагамбетова: Ивана Саламатина, Петра Яковенко, Игоря Величко, Петра Новикова и Савелия Михайленко.

Мало кому удалось спастись. Около 200 вражеских солдат и офицеров уничтожили пулеметчики.

1052-й стрелковый полк ворвался в Урсоаю.

По всей полосе своего наступления 301-я стрелковая дивизия прорвала оборону противника и успешно продвигалась дальше.

Правый сосед — 113-я стрелковая дивизия 68-го стрелкового корпуса 57-й армии не смогла прорвать главной полосы обороны противника. Правый фланг 1054-го стрелкового полка оказался открытым. Фашисты начали отсюда обстреливать и контратаковать полк.

До батальона пехоты, 7 танков и штурмовых орудий бросились на батальон капитана Ишина.

Бронированные машины двигались на полном ходу, за ними цепью бежала пехота. Но Ишин не подавал команды открыть огонь. Вот стальные чудовища уже в 200—300 метрах от батальона.

— Бронбойным по танкам, огонь! — прозвучал голос Ишина.

По врагу ударили 76 мм орудия батареи капитана Михаила Тищенко, поддерживающей батальон.

После первого залпа загорелся головной танк. Потом с развращенной гусеницей застыло на месте штурмовое орудие. Но одному «фердинанду» удалось приблизиться к боевым порядкам батальона на 80—100 метров. Слева от него в окопе притаился бронейщик Захар Постников. Четырьмя выстрелами в борт машины он остановил стальную громаду.

Сразу охладил пыл у фашистских танкистов. А наши пулеметчики и автоматчики ударили по вражеской пехоте. Понесся большие потери, гитлеровцы откатились назад.

Следующая контратака врага была отбита.

Обстановка потребовала выровнять фронт 57-й армии. И командующий армией генерал Н. А. Гаген приказал командиру 9-го стрелкового корпуса генералу И. П. Рослому перебросить 301-ю стрелковую дивизию на участок 113-й дивизии.

На рассвете части 301-й стрелковой дивизии внезапно и стремительно ударили по врагу. Оставляя одну за другой позиции, фашисты откатывались на запад.

1054-й стрелковый полк, преследуя отступающего противника,

подошел к населенному пункту Григорень. В это время начальник штаба дивизии полковник М. И. Сафонов передал командиру полка подполковнику Н. И. Радаеву:

— На правом фланге вашего полка противник сосредоточивает танки и пехоту.

— Вижу, Михаил Иванович, — ответил Радаев. — Встретим фашистов как положено.

— Надеюсь...

Вскоре пехота и танки противника маршевыми колоннами перешли железнодорожное полотно Кишинев — Бендеры, двинулись на Григорень.

Немцы уже примерно в километре от полка Радаева. Выдвинув вперед танки, штурмовые орудия и бронетранспортеры, развернув в цепи автоматчиков, они повели наступление.

По врагу ударила артиллерия дивизии. Полк Радаева молчал. Командир дивизии полковник Владимир Семенович Антонов спросил по радиации у командира полка:

— Почему огонь не открываешь?

— Подпущу поближе, чтобы ударить наверняка, — ответил Радаев.

— Ну, смотри, — предупредил командир дивизии.

Бронированные машины противника уже в 300—400 метрах от передовой линии полка. На командном пункте дивизии с волнением наблюдали, что предпримет Радаев.

— Дальше рискованно подпускать противника, — сказал Антонов начальнику штаба.

— Сейчас он подсыпет им жару, — ответил Михаил Иванович Сафонов.

И в это время грянул сокрушительный удар артиллерии. Двадцать фашистских бронированных машин застыли на месте.

— Так их, так их, Радаев! — кричал в микрофон командир дивизии.

Открыли огонь по вражеским пехотинцам наши пулеметчики и автоматчики.

— Бегут! — восторженно произнес Сафонов.

Немецкая контратака захлебнулась. Враг отступал. 1054-й и 1052-й полки, используя скрытые подступы — балки и кустарники, атаковали противника с флангов, нанося ему чувствительные удары. Между ними образовался разрыв. Тогда подполковник Антонов ввел в бой из резерва дивизии 1050-й стрелковый полк.

Свежие силы всей своей мощью обрушились на врага. Батальон капитана Николая Оберемченко прорвал сильно укрепленную оборону противника в районе Малаешт, уничтожил там более 100 солдат и офицеров, захватил в плен до роты пехотинцев...

А. С. ФАДЕЕВ,
подполковник запаса

Сбитые с господствующей над окружающей местностью высоты 222,2, остатки разгромленных фашистских подразделений поспешно отступали в долину, к селам Фетица и Албина. Не давая возможность гитлеровцам закрепиться на промежуточных рубежах, 3-й батальон 523-го стрелкового полка 188-й Нижнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии неотступно преследовал их.

Впереди 8-й стрелковой роты, увлекая за собой подчиненных, легко перебегал от укрытия к укрытию ее командир. В пылу боя старший лейтенант Александр Сухих потерял фуражку, и встречный ветер ерошил его русые волосы. В правой руке офицер сжимал пистолет «ТТ», из которого не столько стрелял, сколько использовал его как указку для показа взводам огневых точек противника и направления дальнейшего наступления.

Уничтожив и захватив в плен около трех десятков фашистов, рота вышла на северную окраину Фетицы и по приказу командира батальона начала окапываться, приводить себя в порядок и пополняться боеприпасами. Возбужденные стремительным успешным боем, солдаты и сержанты недоумевали:

— Зачем остановились, товарищ старший лейтенант?

А командир роты, переходя с одного фланга на другой и хозяйским глазом осматривая, как идет отрывка и маскировка стрелковых и пулеметных окопов, весело шутил:

— Вот отдохнем между виноградными кустиками и двинем дальше — на Ганчешты и Кишинев...

Но идти дальше ни в этот, ни в следующий день не пришлось — вступила в свою решающую фазу грандиозная Яско-Кишиневская операция. До восемнадцати гитлеровских дивизий, окруженных советскими войсками юго-западнее Кишинева, отчаянно пытались вырваться из «котла» и уйти за реку Прут. Чтобы воспрепятствовать вражеским намерениям, командующий 37-й армии 3-го Украинского фронта генерал-лейтенант М. Н. Шарохин приказал как можно быстрее на возможные маршруты прорыва фашистских войск выдвинуть несколько частей. Одно из таких направлений — дорогу Гура-Галбеней, Албина, Сарата-Галбенэ — и было приказано «намертво перекрыть» 523-му стрелковому полку. Командир полка полковник А. В. Власко на наиболее ответственный участок поставил 3-й батальон.

...К полудню 24 августа 1944 года до двух полков мотопехоты фашистов с тридцатью танками, выйдя из Гура-Галбеней, под прикрытием артиллерийско-минометного огня начали наступление на батальон. Одна за другой три густых цепи гитлеровцев ринулись в атаку. Своим более чем десятикратным численным перевесом они хотели мгновенно смять наши реденькие оборонявшиеся подразделения и, уничтожив их, свободно уйти на запад. Но воины батальона не дрогнули и огнем винтовок и автоматов, ручных и станковых пулеметов принудили фашистские цепи отойти и залечь. Начиная с этого времени, вражеские атаки следовали одна за другой. Основной удар наносился по центру обороны батальона, где сражалась рота под командованием А. Н. Сухих. Красноармейцы, сержанты и офицеры 8-й роты, умело управляемые своим командиром, воодушевленные его мужеством, стояли до конца. Взводы и отделения понесли большие потери и днем, и в коротких, но не менее ожесточенных схватках ночью. На следующий день рота оборонялась уже не на сплошной позиции, а отдельными очагами. Старший лейтенант А. Сухих, перебегая, а чаще переползая от одной обороняющейся группы к другой, быстро ориентировался в обстановке, решительно подавал команды и сам без промаха бил фашистов из автомата и пистолета. Рота дважды переходила в рукопашную схватку. Было сделано все, чтобы удержать обороняемую позицию. Было подбито два вражеских танка; один из них противотанковой гранатой подорвал ротный командир. Даже будучи раненым, он продолжал командовать подразделением и вести неравный бой. Уже солнце склонялось к вечеру, когда осколки вражеского снаряда прервали жизнь отважного офицера. Он был убит, но рота, мстя за своего любимого командира и других погибших боевых товарищей, до конца выполнила свою невероятно трудную и сложную боевую задачу. Также успешно дрались и другие подразделения батальона, усиленного полковой артиллерийской батареей 76 мм пушек и 1-м дивизионом 1981-го Краснознаменного легкого самоходного артиллерийского полка РКК (командир полка майор А. Г. Катилов). Только убитыми на месте боя осталось более трехсот гитлеровцев; были подбиты и сожжены 10 немецких танков, а также несколько орудий, минометов, бронетранспортеров и крупнокалиберных пулеметов; взято в плен более сотни фашистских солдат и офицеров; захвачено много боевой техники и военного имущества.

Без сна, отдыха и резервов двое суток, в полуокружении, дрался батальон. Неимоверно палило солнце, мучила жесточайшая жажда: воды единственного в Фетице колодца не хватало даже для раненых и охлаждения раскаленных стволов «максимов». Каждый пятый воин батальона пал в этом бою смертью храбрых; из каждых четырех оставшихся в живых трое были тяжело ранены и отправлены в полковую санроту, дивизионный медсанбат и в госпитали. Но около 80 человек оставшихся в

окопах (у многих из них также было по одному-два ранения) дрались за себя, за своих товарищей. Боевой приказ командования батальон выполнил.

25 августа 1944 года в бою за освобождение сел Чимишлийского района Молдавской ССР в числе 49 героически павших воинов 3-го стрелкового батальона 523-го стрелкового полка 188-й стрелковой дивизии погиб смертью храбрых верный сын советского народа старший лейтенант А. Н. Сухих.

Родился А. Сухих в 1917 году в селе Стародубцево Иванинского района Курской области. Успешно кончил семь классов, но смерть отца прервала дальнейшую учебу. В семье он был старшим ребенком, и все заботы и горести осиротевшей семьи легли на его мальчишеские плечи. Он помогал матери Наталье Ивановне в ведении скудного хозяйства и в воспитании двух сестренки и двух братишек. В 1931 году семья вступила в колхоз, и Александра отправили на курсы комбайнеров. После окончания по-ударному трудился молодой колхозный комбайнер. Осенью 1938 года его призвали в Красную Армию. Срочную службу служил он младшим авиаспециалистом в одной из боевых авиационных частей Забайкальского военного округа, а затем вблизи города Ашхабада. В 1939 году его как отличника боевой, политической и специальной подготовки приняли кандидатом в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), а в первые же дни Великой Отечественной войны он стал членом партии. Перед самой войной он окончил военно-политическую школу и был назначен политруком роты. В конце 1942 года его перевели на командную работу. С самого начала Великой Отечественной войны, не щадя своей жизни, бился он на фронте с ненавистным врагом. В боях с гитлеровскими захватчиками Александр Сухих проявил себя подготовленным, мужественным воином-коммунистом. Он героически сражался в Сталинградской и Орловско-Курской битвах, при форсировании Днепра, в боях за Кривой Рог, Вознесенск, Раздельную и Тирасполь, отличился при форсировании рек Южный Буг и Днестр. В оборонительных боях на Кицканском плацдарме с 15 апреля по 20 августа 1944 года показал себя решительным, знающим и деятельным офицером. Был четыре раза ранен, награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда»; удостоен нескольких благодарностей командования.

К беззаветному служению Родине Александр готовил себя с юношеских лет. Яркие свидетельства тому письма к нежно любимой матери Наталье Ивановне.

74-й разъезд Забайкальской ж. д. 19 июня 1939 года.

«Сейчас такая обстановка, что нужно быть готовым к защите Родины каждую минуту. Был с частью в городе Чите, а сейчас нахожусь недалеко от границы МНР, скоро, может быть, придется быть и там. Работаю по своей специальности, по которой учился. Мама, наше дело на отлично подготовить самолеты к

полету. Скоро мне присвоят звание... От Вас долго нет ответа. Сообщите новости района. Целую, Ваш сын Саша».

Ашхабад 25 мая 1941 года.

«Скучаю, нет писем от Вас. Температура на солнце до 70 градусов, скоро будем черные, как туркмены, но ничего, как-нибудь привыкну. Здоровье мое хорошее. Осталось служить еще 1 год и 6 месяцев, а всего служить 4 года. Мама, я сейчас кандидат ВКП(б), а скоро перейду в члены партии. Теперь мне во всем нужно быть передовым».

25 июня 1941 года.

«Привет из Сталинграда! Из Ашхабада выехал и теперь нахожусь здесь. Наша часть на военном положении. Наша армия в настоящее время воюет с фашистской Германией, но ничего — Гитлер будет разбит... Написал два письма Вам, но ответа не получил. Выслал Вам 300 рублей. Пропишите все новости, которые есть в настоящее время. Пока все, с тем до свидания Ваш сын Шура».

«5 апреля 1944 года. Город Кривой Рог. Здравствуйте, мама! Я жив, здоров, нахожусь на отдыхе (он был и находился на излечении в госпитале, но сразу об этом не сообщил, чтобы не тревожить родных.— А. Ф.)... Высылаю справку, по которой Вам будут предоставляться льготы. Прошу Вас и Валентину сообщить, что немецкие оккупанты натворили в наших местах (имеет в виду Курскую область.— А. Ф.). Сообщите адрес Лени; напишите ему, что я по званию — старший лейтенант и награжден правительственной наградой — медалью «За отвагу». Пишите срочно ответ и передайте привет всем моим знакомым. Целую всех вас, ваш сын Саша».

«Привет с фронта, с цветущей Бессарабии! 19 июня 1944 года. Ваш сын Саша жив и здоров. Как Вам помог райвоенкомат в каком-либо отношении? Выслал Вам 600 рублей, скоро вышлю еще. Сообщите про всех моих родных и знакомых, про судьбу их».

Пишите чаще и больше, листов на пять. Очень жалею мою любимую сестренку Нину. Как это получилось, что она заболела? Мама, лечите ее сколько хватит сил. Продайте все мои вещи, но лечите и кормите ее лучше; буду высылавать все свои деньги. Скажите ей от моего имени — пусть она быстрее выздоравливает; скоро разобьем всех фашистов и я приеду домой. Пришлите фото Лени с его женой и дочкой. Будьте здоровы. Ваш сын Саша».

11 августа 1944 года.

«Здравствуйте, мои дорогие! Нахожусь на прежнем месте. У нас относительно спокойно. Но, как и всегда на фронте, мы в любой момент готовы обрушиться на врагов. Мама, Вы пишете, что Вам прислала письмо Тося. Это моя хорошая знакомая девушка, поэтому срочно вышлите мне ее адрес и напишите ей сами, что Саша жив и здоров и будет жить до победы и что мы с ней обязательно встретимся. Моя родная мамочка! Не обижайся

что мало написал. Вот скоро разобьем всех фашистов, закончим войну и тогда наговоримся вволю... Обнимаю и целую. Ваш сын Саша».

Недолгая, но славная жизнь офицера Сухих Александра Николаевича, коммуниста 1941 года.

Более трети века прошло со времени освобождения Советской Молдавии от Титлеровских оккупантов. Все краше становится Советская республика. Возводятся заводы-гиганты и создаются крупные совхозы, строятся электростанции и прокладываются новые дороги.

Повзрослело и уверенно вышло в жизнь послевоенное поколение. Покрываются дымкой времени события далекого прошлого, Великой Отечественной, но не забыты они. Не меркнет благодарная память о людях, отдавших свои прекрасные жизни ради счастья человечества, во имя Победы над его злейшим врагом — гитлеризмом.

...Стоит на площади села Албина скромный обелиск, обнесенный невысокой оградой. На могиле А. Н. Сухих всегда живые цветы. Приходят сюда женщины-молдаванки, чтобы по-матерински оплакать этого замечательного русского парня, ставшего им сыном. Сдержанно, сурово отдают ему почести мужчины. Глядя на фотографию этого человека из легенды, клянутся быть достойными его боевой славы пионеры и комсомольцы сел Албина, Фетица и Мерены, составляющие совхоз-завод «Фетица». Именем бесстрашного офицера названы один из пионерских отрядов Албинской школы и улица в селе Фетица. О жизни и подвигах А. Н. Сухих рассказывают многие экспонаты совхозного и школьного музеев боевой славы.

9 мая 1970 года, в день 25-летия Великой Победы, прилетели с Дальнего Востока поклониться могиле Александра его мать Наталья Ивановна Сухих, сестра — Валентина Николаевна и ее сын, племянник Александра Николаевича, курсант военного училища, Митрофанов Анатолий. Много теплых, сердечных слов услышали они о дорогом для них человеке от его однопольчан и местных жителей и, в свою очередь, горячо благодарили всех тех, кто бережет добрую память о нем.

За воинскую доблесть, ратное мастерство и великое мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками во время Яско-Кишиневской операции, старший лейтенант Сухих Александр Николаевич в сентябре 1944 года был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. И вот, почти через 27 лет—9 мая 1971 года—Шотовский районный военный комиссар Приморского края подполковник Г. Кондрашев от имени Президиума Верховного Совета СССР передал боевой орден сына-героя его матери на вечное хранение. Велики расстояния на территории нашего необъятного Отечества, но добрые чувства и немеркнущая память сокращают пространство и время...

И грянул бой

Е. С. ЛЯХ,
майор запаса

День выдался солнечный. Вокруг было тихо и как-то по-особенному торжественно. Казалось, что нет больше войны, не умирают люди.

В овраге, в районе Слободзеи-Молдавской, на краю селения Солнцево, так почему-то называли наши солдаты этот населенный пункт, расположился штаб 61-й гвардейской Краснознаменной Славянской стрелковой дивизии. Сегодня, как никогда, все были в приподнятом настроении, и было от чего. Командиру дивизии полковнику Лозановичу было присвоено звание генерал-майора. Правда, оно было присвоено ему не накануне Яско-Кишиневской наступательной операции, а значительно раньше, но сегодня он впервые появился в генеральской форме.

Как и водится в таких случаях, все дружно его поздравляли и в первую очередь, конечно же, ближайшие помощники и офицеры штаба дивизии. Генерал стоял на пригорке, со всех сторон его окружали глубокие воронки от разрывов бомб, которыми фашистские стервятники только вчера буквально засыпали нашу территорию. В налете участвовало более 100 пикирующих бомбардировщиков Ю-87 в сопровождении большой группы истребителей—«мессершмиттов». Видимо, им стало известно о нахождении штаба дивизии и расположении войск в этой местности.

В этой приятной церемонии приняли участие и разведчики дивизии во главе с начальником разведки подполковником Шарлаповым. Нам всем захотелось как-то отметить это событие. А тут как раз и случай подвернулся. Еще вчера был получен приказ взять «языка». И сегодня, за несколько часов до начала наступления, мы должны были приказ выполнить.

Уже полностью стемнело, когда мы вошли в зловонное озеро Ботна. По его берегу проходил наш передний край обороны, а на той стороне, за высокой насыпью, укрылись фашисты. Свист пуль не утихал. Видимо, фашисты прочно и надолго закрепились за этой насыпью.

Первые сотни метров мы прошли благополучно, тихо, все время натыкаясь на тела убитых. Озеро было неглубоким. Из воды торчало множество лошадиных ног, виднелись разбухшие туши всяких домашних животных. Разложившиеся трупы людей и туши животных создавали такое зловоние, что хоть противогаз надевай, и тот не спасет. В другое время, наверно, и на пушечный выстрел не подошел бы к этому озеру. Еще никто, за долгое время оборо-

ны — почти четыре месяца — не решался этим путем взять «языка», но теперь его надо было взять, так как именно на этом участке, с правого фланга, должна была наступать наша дивизия. Мы упорно шли к намеченной цели. Никто и ничто уже нас не могло остановить. Путь нами уже был проверен раньше, на всякий случай. Илистый грунт засасывал ноги, и было приятно чуть-чуть передохнуть, когда удавалось на мгновение выбраться на что-нибудь твердое. Намокшая одежда липла к телу, но было тепло, воду как будто специально подогрели, и вонь уже не так замечали, привыкли. Мы знали: трудности — впереди. Вот-вот немцы начнут пускать ракеты, а за ними вслед вести беспорядочный огонь из всех видов оружия по глади озера. Немцы знали, что днем по озеру никто не пойдет, это равносильно самоубийству. Однако с наступлением темноты, соблюдая все законы войны, с нашего берега можно дойти минимум за 4 часа. Если же учесть, что в эту пору лета становится темно где-то часам к 10 вечера, то немцы и начинают пальбу в полночь, опасаясь подхода наших разведчиков. И это время приближалось.

Ракеты вспыхивают совсем рядом, значит, близок берег врага. Что нас там ждет? Все оружие: автоматы, пистолеты, гранаты, штыки-ножи — висит на специальном приспособлении на шее. Очень трудно, страшно тяжело, но кому сейчас легко? Наконец достигли берега. Большая трава и камышовые заросли, запахи полевых цветов — все это создавало долгожданную свежесть. Лейтенант Кошелев, командир и старший поиска, скомандовал всем залечь. Лежали недолго. Вот Володя Онищенко, комсорг роты разведчиков дивизии, посмотрел на часы. 3 часа ночи. Стало чуть-чуть сереть. Стрельба совершенно прекратилась, и стало так тихо, будто мы не воевали, а отдыхали после утомительной рыбалки.

Это место для проведения поиска было выбрано не случайно. Четыре месяца никто здесь немцев не тревожил, и они были уверены в надежности этого участка.

— Ну, пошли, — почти шепотом произнес Кошелев и жестом показал куда. Подползли к насыпи, взобрались на бруствер, за ним шла углообразная траншея, причем очень глубокая. Каждый из нас уже заранее знал, что и как делать, потому что роли были распределены еще при подготовке к поиску и на местности были прорепетированы все возможные варианты. Первым вплотную к траншее подполз Кошелев, посмотрел вниз и молниеносным движением руки дал знак подползти остальным.

На дне траншеи, на деревянном ящике из-под мин, сидел здоровенный немец. Между ног он держал винтовку и, низко склонив голову к правому колену, сладко спал. Каска лежала рядом на ранце, покрытом рыжим мехом. По условленному сигналу Володя Онищенко и Андрей Лопатин, группа захвата, самые сильные ребята, тихонько спустились в траншею и одним ударом оглушили немца, зажали ему рот. В это время мы прыгнули в траншею, мгновенно выбросили немца наверх и выскочили вслед сами

Подхватив немца, мы бросились к озеру. Все это проделали быстро, точно, без единого шороха. Когда двинулись обратно, Володя снова посмотрел на часы. Было 3 часа 04 минуты. На всю операцию по захвату «языка» ушло всего четыре минуты, и невольно вспомнились те дни, когда мы теряли много разведчиков и месяцами не могли взять живого немца.

Назад шли быстро, но осторожно, не нарушая тишины. Спасало то, что вода была выше пояса, нет почти никакого шума, а вот на мелководье, как ни старайся, все равно шума не избежать. Когда до нашего берега оставалось минут двадцать ходу, случилось непредвиденное. Немец все время был в шоковом состоянии, мы уже стали побаиваться, не прикончили ли его совсем? Как вдруг он оглушительно заорал. Мы пожалели, что в пути вынули из его рта кляп. Его «успокоили», но крик, видимо, был услышан противником. Он открыл огонь и с такой силой, что мы невольно растерялись. Уже через мгновение мы поняли, что огонь со всех видов оружия открыли наши войска. Отчетливо было видно, как от беглого огня содрогался передний край немцев. Нас уже ждали. При подходе к НП батальона мы увидели «виллис» генерала, и он сам вышел из траншеи в сопровождении начальника штаба дивизии полковника Притузова.

Смахнув со лба пот, Кошелев громко и четко доложил о выполнении задания, и мы все увидели сияющее лицо генерала. Он был доволен нашей «работой», и это радовало. Пленного здесь же предварительно допросил сам генерал. Пленный дал ценные и очень нужные показания.

Было уже 5 часов 45 минут, когда мы подходили к своему расположению, недалеко от населенного пункта Талмаз, который находился в руках немцев. Слышалась ожесточенная перестрелка, видимо, шел сильный бой в районе Талмаза. Придя на место, мы увидели печальные лица разведчиков. То, что мы слышали, потрясло до глубины души.

Оказывается, одновременно с нами группа разведчиков 189-го гвардейского полка, входящего в состав нашей дивизии, при участии дивизионных разведчиков, среди которых был и прославленный наш разведчик Иван Джуринский, в эту ночь действовала на правом фланге дивизии, в районе Талмаза, где отвлекала внимание немцев от основного поиска. Если позволит обстановка, они должны были захватить «языка».

Группа наткнулась на засаду фашистов, завязался бой. В этой ожесточенной схватке были тяжело ранены Иван Джуринский и заместитель начальника разведки дивизии капитан Тонкошуров. Немцам удалось захватить раненого Джуринского, и после зверских пыток, на рассвете, они повесили его на кресте церкви в центре селения Талмаз.

Командир дивизии дал приказ одной из рот полка совместно с дивизионными разведчиками провести разведку боем и снять тело разведчика с церкви. Этой молниеносной операцией руково-

дил офицер разведки полка старший лейтенант Иманов, сын легендарного героя гражданской войны Амангельды Иманова.

Внезапный налет застал немцев врасплох. Уничтожив десятки радовавшихся мизерной «победе» фашистов, разведчики сняли тело Джуринского и благополучно, без потерь, возвратились на свои позиции.

Джуринский лежал на офицерской плащ-накидке. Он был гораздо старше нас, а кое-кому и в отцы годился, ведь некоторым из нас было по 17—18 лет, но все мы его называли «наш Ваня». Из многих ран на теле, в том числе и штыковых, все еще сочилась кровь. Кто-то сказал, что скончался и капитан Тонкошкуров. Решено было обоих похоронить в Тирасполе на кладбище, где уже было захоронено много наших товарищей.

Время шло быстро. Уже было 8.00 утра, и хоронить друзей сегодня не позволила обстановка.

И вдруг земля содрогнулась, будто началось землетрясение, — сплошной гул и гром. Удары орудийных залпов потрясли передний край немцев, смертоносной молнией проносились снаряды легендарных «катюш». Это было начало Ясско-Кишиневской операции.

На следующий день мы были уже в Каушанах. Нас осталось трое: Володя Онищенко, Андрей Лопатин и я. Рядом со школой — это было небольшое одноэтажное здание — мы выкопали яму и похоронили И. Джуринского. Дали прощальный салют, и слезы невольно выступили на наших глазах. Было тяжело осознавать, что это расставание навсегда...

Литературная обработка Е. Ткачука

Б. Т. БЛИНОВ,
полковник запаса

Хотелось бы рассказать, как очевидцу, о героизме и подвигах воинов 429-го стрелкового полка, в котором я служил в качестве начальника штаба, а затем командира минометной роты 1-го стрелкового батальона.

Первые бои за Молдавию наш 64-й стрелковый корпус вел в составе 57-й армии севернее города Тирасполя.

В боях за Молдавию на долю нашего полка выпали особенно тяжелые испытания. Весной 1944 года воины 2-го и 3-го Украинских фронтов день и ночь вели ожесточенные и изнуряющие бои. Враг отчаянно сопротивлялся. Наступать приходилось в исключительно тяжелых условиях. Двигались по колено в грязи, почти всю технику бойцы тащили на своих плечах. Сознание высокого долга и страстное желание быстрее освободить свою родину давали нам силы. Трудно представить, каким напряжением сил и воли мы заставляли себя идти вперед. Помню, что основная техника отстала, мы несли на себе станковые пулеметы, 82 мм минометы и др. Батальонные минометы были незаменимым оружием и сыграли исключительную роль в наступательных боях в условиях бездорожья. Они еще имели и то преимущество, что из них можно было стрелять трофейными минами калибра 81 мм, которые фашисты побросали в большом количестве. И там, где гитлеровцы оказывали особенно сильное сопротивление, мы не жалели этого трофея, возвращали его хозяевам с большим удовольствием. Натренированные минометчики вели довольно меткий и плотный огонь, который заставлял умолкать гитлеровские пулеметы и обеспечивал наше движение вперед.

К 12 апреля мы вышли к Днестру. В первую же ночь получили приказ на форсирование этой водной преграды.

Нашему полку было приказано переправиться на западный берег Днестра, между озером Бык и селом Гура-Быкулуй. Когда стемнеет, разведчики полка должны были проверить противоположный берег и найти наиболее удобное место для переправы.

Стояла тихая ночь. Луна изредка пряталась за медленно плывущие облака. Разведчики во главе с командиром взвода полковой разведки лейтенантом Галиевым дождались, пока луна спряталась за большое облако, и удачно на надувной лодке сумели набрать скорость, незамеченными пересечь реку и причалить к обрывистому западному берегу. Потом в течение полутора часов вели наблюдение за противником. Удалось установить,

что высадились разведка на острове, который отделяется от западного берега небольшим ручьем, легко преодолимым вброд. На острове находилось боевое охранение противника с 3 станковыми пулеметами, а по западному берегу реки шла основная линия обороны противника, где были отрыты траншеи полного профиля и, кроме этого, имелось несколько опорных пунктов. Главные из них были на окраине села Гура-Быкулуй и на высоте южнее озера Бык. Разведчики все же были обнаружены противником, и фашисты не замедлили открыть ружейно-пулеметный огонь. Это дало возможность более полно изучить систему огня противника. На обратном пути разведчики были обстреляны сильным пулеметным огнем, надувная лодка была пробита, и из четырех разведчиков добрался до своего берега удалось только лейтенанту Галиеву, который сумел сбросить с себя верхнюю одежду и даже стянуть один сапог.

Форсирование было назначено на 24 часа без артподготовки. За час до этого меня вызвал командир батальона капитан И. И. Морозов и приказал переправиться с радистом в числе первых. В то время я исполнял обязанности начальника штаба батальона.

Ровно в 24 часа 1-й батальон на надувных резиновых лодках с соблюдением большой осторожности начал переправляться. В одной из этих лодок были радист с рацией, ординарец и я. Лодкой управлял сапер. Мы выбрали удачный момент, когда луна спряталась за облако, и быстро отчалили от берега. Сначала греб только один сапер, но потом к нему присоединились радист и ординарец, и сразу же лодка набрала скорость. Так мы, незамеченные противником, пересекли Днестр, лодка с ходу врезалась в берег, и нам с трудом удалось удержаться в ней. Почти одновременно с нами стали причаливать другие лодки с бойцами первой роты, которой командовал лейтенант Ю. Гуров. Противник время от времени по реке и восточному берегу вел огонь из пулеметов и артиллерии. Это убеждало нас в том, что переправиться удалось незаметно. Тем временем переправлялись все новые и новые группы бойцов.

К часу ночи саперами были доставлены последние солдаты батальона. Вдруг взлетела вражеская ракета и осветила лодки возвращающихся саперов. Гитлеровцы открыли по ним ураганный огонь. Наши отважные саперы понесли потери, но в то же время мы еще лучше засекли почти всю огневую систему противника. Наши артиллеристы на восточном берегу прямой наводкой расстреливали огневые точки врага. Командир 1-й роты Ю. Гуров по собственной инициативе во главе одного своего взвода уничтожил три пулеметных точки на острове и захватил тяжело раненного немца, от которого нам мало что удалось узнать. В занятую траншею Гуров выдвинул и остальные два взвода.

Сосредоточив роты под обрывистым берегом островка, я

лично побывал во всех подразделениях и с командирами рот договорился действовать несколько иначе, чем было решено ранее. Приказ предусматривал атаку начинать без предварительной подготовки, т. е. успех мог быть достигнут только при наличии внезапности. Наше сосредоточение прошло удачно, но все же под конец противник почувствовал что-то неладное, забеспокоился. Оживали все новые и новые огневые точки. В такой обстановке было слишком рискованно поднимать бойцов в атаку: могли быть большие потери. Поэтому я решил вначале нанести огневой удар по противнику из стрелкового оружия и только инсценировать атаку, рассчитывая, что противник при таких условиях обнаружит свои силы и в дальнейшем возможно будет сосредоточить огонь из стрелкового оружия и артиллерии наиболее эффективно. Это решение оказалось правильным.

Когда все было готово к атаке, я выстрелил из ракетницы. По сигналу зеленой ракеты бойцы открыли ураганный огонь и вслед за этим прозвучало громовое «ура!», которое имело такой резонанс, что, казалось, вся долина и озеро Бык подхватили его и обрушили на голову врага, усилив и умножив во много раз. Немцы настолько были ошеломлены, что некоторое время даже не вели ответный огонь. По сигналу красной ракетой батальон ринулся вперед и сразу же овладел траншеями противника. Многие фашисты уцелели. Бойцы, не задерживаясь, бросились дальше. Нам предстояло овладеть высотой, что южнее озера Бык, но путь нам преградила река, оказавшаяся очень глубокой. Нечего было и думать о ее преодолении без переправочных средств. Оценив обстановку, я решил повернуть атакующие роты в сторону с. Гура-Быкулуй, где сосредоточились основные силы гитлеровцев. Наш удар пришелся по юго-западной окраине села. Немцы уже опомнились и начали отчаянно сопротивляться. Дело доходило до рукопашной схватки, но несмотря ни на что, мы быстро продвигались вперед. И в течение часа овладели половиной села. В это время была установлена по рации связь с командиром полка полковником Азатьяном. Выслушав меня, он, несмотря ни на какие доводы, приказал отвести батальон на свою полосу наступления. Трудно было удержать разгоряченных бойцов. Но приказ есть приказ. Его нужно выполнять. Через посыльных я передал его командирам рот. Как только фашисты заметили наш отход, они не замедлили перейти в контратаку. Появилось несколько бронетранспортеров противника, которые стали поливать нас пулеметным огнем. В сложившейся обстановке дальнейший отход грозил утерей плацдарма, так как никто еще, кроме нас, не переправился через Днестр. 1-я рота лейтенанта Гурова была на левом фланге, сумела сразу же оторваться от противника и укрыться под обрывистым берегом озера Бык. 2-я и 3-я роты продолжали отход. Оба командира рот уже получили мой приказ прекратить отход и всеми имеющимися средствами отбить контратаку. Лейтенанту Гурову было

приказано под прикрытием обрывистого берега зайти во фланг контратакующему противнику и нанести ему огневой удар. Фашисты все сильнее и сильнее наседали на нас. Нам удалось с помощью противотанкового ружья вывести из строя один бронетранспортер. Это вдохновило бойцов, и они снова обрушились на врага. Но тут у многих кончились патроны. Возникло небольшое замешательство, однако командир 2-й роты не растерялся и с криком «ура!» повел своих бойцов в атаку. За ним последовала и 3-я рота. В нескольких местах завязалась рукопашная схватка. Вдруг во фланг и тыл фашистов ударил пулемет, а затем раздалась автоматные очереди и винтовочные залпы, а через 1—2 минуты с криком «ура!» Юрий Гуров повел в атаку своих молодцов. Фашисты не ожидали этого и бросились в панике назад. Так 1-я рота вовремя сумела нанести фланговый удар фашистам и помогла восстановить положение. Однако мы понесли большие потери. Смертью храбрых пали командиры 1-й и 2-й рот. В этом же бою был тяжело ранен командир 1-й роты лейтенант Гуров — любимец всех солдат батальона.

Кончались патроны. Уже три часа продолжался этот ожесточенный бой, но удивительно то, что бойцы не унывали, они яростно сражались. Половина из них уже вооружилась трофейным оружием. Но враг все же почувствовал ослабление огня и снова бросился в контратаку. Однако наши бойцы уже приспособились драться не только огнем, но и штыком, и прикладом, а нередко бросались из засады и отнимали оружие у врага. Гибель командиров рот не ослабила ряды, даже удвоила силы и ярость, ненависть к врагу.

Понесся большие потери, немцы прекратили контратаки и стали вести ураганный огонь из всех видов оружия, но наши бойцы, укрывшись в зданиях, спокойно чувствовали себя, так как ружейно-пулеметный огонь не поражал их, а артиллерийский был направлен в наш тыл. У нас не работала связь с полком. Подкрепления не было, патронов тоже. Создалось критическое положение. Мною уже было послано для восстановления связи четыре человека, но никто из них не вернулся. Было около 4 часов ночи. Противник в ответ на громкое «ура!», еще больше создавшее впечатление атаки на широком фронте, усиливал огонь и трудно было разобраться в ночное время, кто ведет огонь, так как, находясь в полукольце, мы попадали под перекрестный огонь. Летели трассирующие пули, а разрывные (которые применяли только фашисты) своими вспышками создавали имитацию выстрела в местах их разрыва. Совершенно дезориентированный противник обрушивал шквал огня по пустому месту.

Так мы держались до 5 часов утра.

Как-то незаметно для всех 2-ю и 3-ю роты объединил находящийся в боевых порядках на первом фланге батальона комсорг полка лейтенант Федор Ременный, а 1-й ротой стал командовать парторг полка капитан Манько, который с самого начала боя

находился в боевых порядках этой роты. Это очень помогло выдержать такой трудный бой.

Только я собрался послать очередного посыльного, как связист радостно крикнул: «Есть связь!» Я бросился к телефонному аппарату. У аппарата был лейтенант Коряковский — командир минометной роты, который находился со своей ротой на острове и обеспечивал охрану переправы, оборудовав огневые позиции для минометов под обрывом берега, что защищало их от огня артиллерии и стрелкового оружия противника. Коряковский доложил мне, что артиллерийский огонь противника до сих пор не давал восстановить проводную связь с командиром полка и эвакуировать раненых, которых много скопилось на берегу. Там же находился и лейтенант Гуров. Фашисты пытались отрезать батальон от переправы, но минометчики отбили все атаки. Коряковский доложил также, что 10 лодок сумели доставить боеприпасы, патроны и мины. Эти лодки собираются в обратный путь, берут раненых. К этому времени артиллерийский огонь противника несколько ослаб, так как наша артиллерия уже подтянулась и беспрерывно громила огневые точки врага. Я приказал срочно доставить нам патроны, проследить за эвакуацией раненых и передать на тот берег, чтобы срочно переправляли подкрепление. Одновременно попросил немедленно сделать пристрелку минометов по церкви, которая находилась недалеко от нас. Коряковский быстро выполнил мое приказание.

Вскоре начали рваться мины около церкви. Я по телефону стал корректировать минометный огонь, эффективность которого наши бойцы сразу почувствовали, и это придавало им еще больше уверенности. Фашисты вскоре ослабили огонь и прекратили атаки. Но через полчаса открыли сильный огонь с правого фланга и бросились в атаку, стремясь отрезать нас от переправы. Я сразу же перебросил два ручных пулемета и один станковый на правый фланг, вызвал Коряковского, и через несколько минут на фашистов обрушился огонь наших минометов. Атака фашистам не удалась. Минут через 20 фашисты еще раз предприняли такую же атаку, но также безуспешно.

После неудачных атак они около часа молчали. Но мы чувствовали, что немцы не успокоятся на этом и примут все меры к ликвидации плацдарма. Так оно и получилось. Не успели мы улучшить свои позиции, как противник предпринял отчаянное наступление на всем участке нашей обороны. Снова лавина огня обрушилась на нас. Появились бронетранспортеры. Однако и мы к этому времени обрели силу: на КП прибыли артиллеристы, командир дивизиона 76 мм пушек, командир гаубичной батареи, командир минометной батареи 120 мм. Через остров уже переправился соседний 431-й стрелковый полк нашей 52-й дивизии, который до этого безуспешно пытался форсировать Днестр прямо у села Гура-Быкулуй, понес большие потери и был сведен в один батальон. Прибыл комбат капитан И. И. Морозов, который и

принял командование, а мне было приказано принять 1-ю роту.

Вместе с комбатом прибыл из резерва лейтенант Минц, которого назначили командиром 2-й роты, состоящей из бойцов 2-й и 3-й рот.

Лейтенант Минц был моим ровесником, энергичным и храбрым командиром; когда на плацдарме подразделения перешли к прочной обороне, нас с ним назначили начальниками штабов. Его в 1-й батальон, а меня в 3-й.

За успешное форсирование Днестра и обеспечение плацдарма большое количество бойцов и командиров было награждено орденами и медалями, а наиболее отличившимся было присвоено звание Героя Советского Союза, в числе которых были:

Командир 1-го батальона 429-го стрелкового полка капитан И. И. Морозов.

Командир 1-й роты этого же батальона лейтенант Ю. Гуров.

Командир минометной роты этого же батальона И. С. Корняковский.

Комсорг полка Ф. Ременный.

Итак, отдельные попытки гитлеровцев сбросить нас в Днестр продолжались.

Артиллеристы немедленно открыли огонь по атакующим гитлеровцам. Правее нас ударил по фашистам всеми своими огневыми средствами 431-й стрелковый полк, а вскоре перешел к контратаке и стал теснить фашистов к берегу. Вслед за ним и мы бросились в атаку. Гитлеровцы не выдержали натиска и, боясь окружения, стали покидать окопы по берегу реки и спешно отходить, оставляя село. К 7 часам утра мы очистили село Гура-Быкулуй. Саперы быстро налаживали переправу. К нашему счастью, днем противник не использовал всех возможностей, и мы смогли переправить всю дивизию. В обеспечении форсирования и налаживания переправы исключительное героическое и мужество проявили саперы полка, под градом снарядов и пуль они навели понтонный мост.

В период наведения переправы и форсирования мы постоянно видели адъютанта командира дивизии старшего лейтенанта Б. М. Полуянова. На своем коне он появлялся в местах, где обстановка складывалась особенно сложно. Благодаря его энергии на переправе был полный порядок, полки и даже отдельные подразделения вовремя получали необходимые распоряжения.

Когда мы расширяли плацдарм, нашему батальону помогала хозяйственная рота дивизии, которой командовал лейтенант Петр Зеленин. Сосредоточив роту правее нашего батальона, с ходу бросился во главе своих бойцов в атаку и обеспечил успех всего батальона. С Зеленным у нас был общий окоп и командный пункт (когда мы перешли к обороне). В беседе с ним я узнал, что он до войны жил в городе Тирасполе и хорошо знал эти места.

Вскоре был получен приказ расширить плацдарм, и после небольшой артподготовки в 22 часа мы атаковали противника севернее озера Бык. Нам удалось сбить его и выйти на уровень западного берега озера. Однако соседи южнее не смогли продвинуться, и мы попали под сильный фланговый огонь. Был дан приказ закрепиться на достигнутом. Всю ночь мы отбивались от фашистов. А когда рассвело, противник через озеро стал в упор из пушек расстреливать наши одиночные ячейки. Нам грозила неминуемая гибель. Выручили нас артиллеристы. Буквально в считанные минуты нащупали батарею противника и уничтожили ее. Я наблюдал, как метко ложились снаряды и как вскоре раздался сильный взрыв на месте батареи противника. Это взорвались снаряды. Через несколько часов соседи слева с помощью огня наших артиллеристов выбили противника с высоты и вышли на уровень наших передовых подразделений. Теперь наш левый фланг был обеспечен. За день мы еще больше расширили плацдарм. Фашисты в течение трех суток непрерывно контратаковали нас, пытаясь ликвидировать плацдарм. Ни на минуту не затихала яростная стрельба. На четвертые сутки обе стороны исчерпали наступательные возможности и перешли к жесткой обороне. Здесь, на плацдарме, мы и находились до августа месяца. Противник еще не раз пытался сбросить нас в реку, но прочность нашей обороны не дала им добиться своей цели.

У нас были оборудованы окопы полного профиля, блиндажи, отрыв ход сообщения от передовой до переправы, по которому круглосуточно доставлялись боеприпасы.

Вскоре к нам стало поступать пополнение. К августу в полках уже было по три батальона полного состава. Шла усиленная боевая и политическая подготовка. Мне поручили формировать 3-й батальон. После окончания формирования батальон был направлен на передовую, а я вначале был назначен заместителем командира учебной роты дивизии капитана П. Дубенца, а потом принял минометную роту в батальоне капитана Морозова И. И. и 31-го стрелкового полка.

К этому времени командиром полка стал подполковник Абашинин. В середине августа начальник артиллерии полка собрал всех командиров минометных рот и батарей 120 мм минометов и 45 мм пушек и передал приказ командира полка о том, что артиллерия и минометы должны скрытно от противника встать с огневых позиций и сосредоточиться на левом берегу Днестра. С наступлением темноты нас на автомашинах переправили южнее г. Бендеры. Как только переехали Днестр, высадили и повели сначала только командиров. Шли по траншее, которая была очень мелкой, так как место низкое и болотистое. Немцы одну за другой бросали ракеты и изредка давали пулеметные очереди. Окопы фашистов были на господствующей высоте, а наши — внизу. Нам указали места для огневых позиций. Для минометной роты в 20—25 метрах от окопов стрелковых

рот. К утру мы оборудовали огневые позиции, сделали неглубокую траншею и замаскировались. Перед нами высился холм. Называли его «Суворовской могилой».

До 20 августа мы незаметно для противника совершенствовали свою огневую позицию и пристрелку.

19 августа вечером, где-то между 21—24 часами, на высоте у противника вдруг заговорил громкоговоритель. Говорил кто-то на чистом русском языке. Он сказал, что завтра утром начинаем наступление и т. п. После этого были проиграны несколько русских популярных песен. Пока играли песни, передовая молчала, но вот диктор снова начал «агитацию», и по нему открыли огонь. Громкоговоритель замолк. Нас несколько беспокоила осведомленность противника, так как действительно мы завтра должны были наступать, даже часы наступления противник назвал правильно. Но каждый подумал, что противник узнал о нашем наступлении только что, иначе бы он раньше заговорил об этом.

20 августа в 8 часов вздрогнула земля от могучего артиллерийско-минометного огня. Вскоре разрывы слились в сплошной рев. Этот ураган огня бушевал около двух часов. Несколько раз огонь переносился в глубь обороны противника.

В 10 часов пехота ринулась вперед. Слева бойцы уже в первой траншее противника, они идут вперед, выбивая врага из второй траншеи, но Суворовский курган взять не удалось — здесь не были уничтожены доты. Несколько часов длился штурм кургана, но изменения были незначительны.

К вечеру к нам подошла колонна автомашин. Нам было приказано грузиться. В кузовах автомашин, к нашей радости, были бойцы нашего полка. Нам сообщили, что 64-й стрелковый корпус вводится в прорыв с задачей отрезать противнику пути отступления к переправам на реке Прут.

Оборона была прорвана. Несколько часов мы мчались, изредка встречая небольшие группы противника, и к вечеру наш полк высадили в районе с. Сарата-Галбенэ. 1-му батальону было приказано занять село и хорошо закрепиться, не пропустить отступающие подразделения врага на запад. Не успели мы как следует закрепиться, как с востока стали появляться сначала мелкие группы противника, которые мы пленяли или уничтожали, а через 1—1,5 часа появилась лавина солдат противника. Шли танки, бронетранспортеры, штурмовые орудия, автомашины с солдатами и артиллерией. Мы открыли огонь из всех видов оружия, но лавина продолжала двигаться. Разделившись на две части, противник стал заходить с флангов, но там также встретил решительный отпор наших соседей. Завязался бой, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Несколько бронетранспортеров и автомашин нами было подбито, но танки и самоходные орудия открыли сильный огонь. Казалось, имеющаяся полковая артиллерия и минометы бессильны против королевских «тигров

и «фердинандов». И все же сильный артиллерийско-минометный огонь заставил даже танки повернуть и идти в обход наших позиций. Село Сарата-Галбенэ стало крепостью на пути гитлеровцев.

Пехота противника заматалась, бросилась назад, оставляя множество трупов. Мы кричали в рупор, предлагая немцам сдаваться в плен, но шум боя и появившиеся штурмовики Ильюшина заглушали все.

Новые и новые волны гитлеровцев устремлялись на нас. Ведя огонь на ходу, гитлеровцы с безумной яростью обреченных лезли вперед. Отдельные толпы солдат брели, как стадо, не снимая винтовок с ремня. Но вот группа — около 200 немецких солдат — подняла, наконец, белый флаг, а вслед за ними бежали еще и еще, спешили присоединиться. Собралось около 500 пленных солдат, которых мы вынуждены были разместить в нескольких погребках и подвалах.

Боеприпасы у нас быстро уменьшались, и мы стали вести огонь только тогда, когда гитлеровцы предпринимали атаки перед фронтом нашего батальона. Вскоре очередная лавина гитлеровцев, поливая нас свинцом, начала обтекать батальон справа и слева. Мы оказались окруженными со всех сторон. Занимая круговую оборону, удерживали село. Ночью противник сгруппировался вдоль протекавшей перед нами речки.

Перед утром мы организовали атаку на подошедшую близко к нам колонну немцев. Нам посчастливилось без потерь захватить исправными три автомашины, пять повозок и кухню с полным котлом супа. В автомашинах мы обнаружили мины 81 мм и большое количество винтовочных патронов. На повозках также были боеприпасы, продовольствие и три ручных пулемета МГ-34. Это было очень кстати, так как минами 81 мм можно было стрелять из наших 82 мм минометов, а трофейных пулеметов и винтовок у нас было достаточно.

С рассветом бой разгорелся с новой силой и длился весь день. Вечером и всю ночь поток отступающих войск противника продолжал нарастать. Связи со штабом полка у нас не было — он также находился в окружении. Там же находились наши командир батальона и начальник штаба.

Командовать батальоном пришлось вновь мне. По-прежнему было очень плохо с боеприпасами. Вся надежда — на трофеи. Была создана группа смельчаков во главе со старшиной хозяйства, которая беспрерывно снабжала нас трофейными боеприпасами, даже дважды умудрялась привозить от немцев кухню с готовыми обедом и ужином.

Наконец нам удалось по рации связаться со штабом дивизии, а через них и с полком. Командир полка подполковник Абаньон приказал батальону с наступлением рассвета прорваться на юг и соединиться со штабом полка.

Сразу же стали готовиться к прорыву. Были уточнены наши

силы и наличие оружия и боеприпасов, поставлена задача перед каждым подразделением. Перед рассветом на автомашины погрузили пулеметы и минометы так, чтобы на ходу можно было вести огонь даже из минометов. Маршрут известен, и автомашины вырвались на дорогу на большой скорости. Солдаты поливали растерявшихся фашистов свинцовым огнем.

Проскочив около двух километров по шоссе, свернули с дороги и помчались вдоль речки на юг. Свернув в первый же овраг, они остановились и заняли круговую оборону. За ними под прикрытием ружейно-пулеметного огня прорвались и остальные.

С криком «ура!» мы бросились в атаку вдоль шоссе на юг. Немцы, идущие по шоссе, разбежались, некоторые поднимали руки и сдавались.

Атака удалась.

После этого батальон в полном составе, развернувшись цепью, поднялся на высоту, где были оборудованы кем-то окопы. Едва мы успели занять их, как перед нами как из-под земли появилась очередная лавина немцев. Мы сразу же открыли огонь, фашисты заметались. Воспользовавшись этим, батальон пошел в атаку. Немцы на этот раз не оказали сопротивления, и целый лес рук поднялся вверх. Более тысячи человек было пленено нами.

Как же командование полка было удивлено, когда вслед за нами в село вошли около 2000 пленных.

Сразу же батальон занял оборону фронтом на юго-восток. До вечера мы отбивались от гитлеровцев, стремившихся прорваться через наши боевые порядки. До обеда то и дело бои принимали ожесточенный характер, шло много танков и другой техники. Жарко было не только нам, пехотинцам, но и артиллеристам. Много было разбитых машин противника, но и немало их сумело пройти, обойдя нас, а подчас и через нас. Обидно было, что не хватало сил закрыть все пути отступления разбойничьим ордам. Помню, как заместитель командира дивизии полковник Урюпин, как бы успокаивая себя, говорил: «Далеко не уйдете, там вас ждут танкисты». И действительно, как стало известно позже, за нами ближе к реке Прут стояли два корпуса (7-й механизированный и 4-й гвардейский танковый).

После обеда началась почти массовая сдача немцев в плен. Шли колонны и группы с белыми флагами или с поднятыми руками.

Бои заканчивались, мы приводили свои подразделения в порядок и готовились к новым боям, но уже не на молдавской земле.

«Ласточка» летит к Татарбунарам

А. М. ЛИТМАН,

подполковник-инженер запаса

После изнурительных боев в апреле 1944 года, во время которых была освобождена обширная территория левобережья Днестра, 53-й отдельный мотоциклетный полк разместился в селе Богуславка, что западнее Великомихайловки.

В полк стало поступать пополнение. Среди поступающих были бывалые воины, и новички из освобожденных районов. К этому времени мы получили вместо легких танков десять новых Т-34, а артиллерийско-противотанковый артиллерийский дивизион срочно сменил батареи 45 мм пушек на 76 мм. Нашу огневую мощь дополняли тягачи-бронетранспортеры с тяжелыми пулеметами.

Сложней и напряженней стала учеба в полку, когда он вошел в оперативное подчинение 4-му гвардейскому механизированному корпусу. Командир корпуса генерал-майор танковых войск В. И. Жданов сразу же приехал в полк и провел смотр боевой техники. Помнится, как генерал подошел к машинам, засучил рукава, взял ласточку и стал осматривать двигатели. Посмотрел на солнце, велел снять с мотоцикла колесо, проверил состояние подшипников.

Водители, вытирашив глаза, следили за каждым движением генерала. Любят у нас знающих людей!

После посещения генерала Жданова несколько суток все числалось, драили, смазывали, готовили машины к большим боям.

— Теперь наши машины, как ласточки, полетят, — сказал лейтенант Сихарулидзе, командир второй мотоциклетной роты.

Как и другим частям корпуса, которым командовал генерал-майор Жданов, полку присвоили опознавательный знак: летящая ласточка — символ стремительности и быстроты.

Жители сотен городов и сел Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии видели на перекрестках улиц и дорог указатели с изображением «ласточки»...

16 июля отметили годовщину части. Состоялись парад, а затем показательные выступления мотоциклистов: скрытый выход за рубеж, прыжки с наклонных мостиков, резкие повороты между деревьями. С нескрываемым чувством азарта следили все за виртуозной ездой.

Празднование годовщины полка завершилось концертом художественной самодеятельности. Ребята исполняли и лирическую «Тети Шура», и строгую «Ой, Днипро, Днипро», которая напоминала об осенних боях за Днепр. Артиллерийский техник Вася

Кузнецов прочел стихи Константина Симонова. Воины любили стихи, особенно Симонова. Нередко они переписывали и отсылали своим женам в далекие деревни: «Жди меня, и я вернусь...»

Война не только озлобляет человека, но и многократно усиливает любовь к жизни...

Еще за два дня до годовщины во всех подразделениях провели партийные и комсомольские собрания. Прошло комсомольское собрание и в 3-й мотоциклетной роте. Комсомольцы приняли в свои ряды младшего сержанта Александра Андреевича Пономаренко из Цюрупинска, водителей мотоциклов Владимира Ивановича Веприка и Валентина Петровича Кийко с Донбасса.

Вопрос:

— Где воевал?

Саша Пономаренко отвечает:

— Войну начал в Крыму, затем бои за освобождение Новороссийска, Ростова, а весной этого года участвовал в освобождении родной Таврии, родного Херсона.

— Награды есть?

— Есть два ранения,—ответил младший сержант.

Комсорг батальона старший сержант Асрян рассказал о комсомольцах других рот.

— Вот всегда нам приводят примеры,—поднялся с места сержант Алешанов.—А давайте лучше больше о своих. Помните, как в боях за это же Гросулово действовал сержант Андрущенко? Да его лично гвардии майор Бердников похвалил и к ордену представил. А лейтенант Семенов? Пока не изложил сержанту обстановку, не позволил себя увозить в медсанбат. Так что, я думаю, и наши комсомольцы не раз покажут себя в бою...

Комсомольское собрание постановило:

1. Готовиться к решающим боям. Охватить всех комсомольцев поручениями. Тщательно подготовить технику.

2. Оказывать помощь командиру в организации марша.

3. В бою быть смелым и решительным.

День, как обычно, начинался с тактических занятий. Роты уходили к оврагам и высоткам, где отрабатывались перебежки, скрытое выдвижение по-пластунски, маскировка.

Как-то в перерыве между занятиями забрались солдаты в глубь большого сада, расселись в тени. Кто вытянулся на теплой земле, кто просто снял снаряжение и принялся жевать подобранные по дороге яблоки.

— Днестр—река широкая, а ведь за ним Дунай. И его тоже придется форсировать,—сказал кто-то.

— В устье Дуная—мой город, Измаил. Его еще Суворов штурмовал, а первым комендантом Кутузов был.

К мотоциклистам подошли несколько пехотинцев и попросили закурить. Высекли огонька, задымили самосадом, махрой.

— Постой, откуда, говоришь, ты родом?

— Я же сказал, из Измаильской области. Что за Днестром...

— А как сюда попал, ведь там оккупанты?

Высокий парень смущенно стал рассказывать:

— Оккупанты угоняли молодежь к себе на работу. А я еще до войны комсомольцем был. Чего это им пахать буду? Один раз бежал... Искали... Чую, схватят. И махнул аж за Дунай, но один подлец выдал. Схватили меня... Пригнали в Аккерман. Жрать когда дадут, когда забудут, а напомнить нельзя. Улучил момент и сбежал...

К нему подошел солдат:

— Пошли, Сергей, командир зовет.

— Это брат мой старший, будем воевать вместе.

— Скажи, как фамилия, может, встретимся.

— Сергей, а по батюшке Михайлович,—на ходу крикнул пехотинец.

— Жаль, фамилию не расслышал,—с досадой сказал водитель Скрыпник.

— Так он же сказал, вроде Аристов,—откликнулся сержант Абрамов.

Вдали на большой скорости мчался мотоциклист. Все в нем узнали Кожевникова. Сержант Кожевников ездил как гонщик. Были случаи, когда он влетал на трофейном спортивном мотоцикле в населенный пункт, занятый врагом, проносился по улицам пулей и приносил важные сведения. Он остановился на секунду:

— Тревога! Кончай загорать, бегом в расположение!

19 августа, после ночного марша, полк сосредоточился у села Чобручи.

Готовые к боевым действиям расположились под кронами яблонь десять танков Т-34, более сотни боевых мотоциклов с ручными пулеметами, противотанковыми ружьями, бронетранспортеры автоматной роты, истребительно-противотанковый артдивизион, пулеметная рота, минометная рота и другие подразделения.

Все машины были зарыты в землю и тщательно замаскированы. Хождение личного состава категорически запрещалось, только изредка появлялись старшины с солдатами, разносившие еду и ящики с патронами, гранатами. Водители заполняли топливные баки и резервные канистры.

Зампотех полка майор Строгачев с ротными зампотехами еще раз проверили все до мелочи. К вечеру все было готово—и люди, и оружие, и техника.

Наступило утро. Началось оно раскатами артиллерийских залпов. Затем они слились в единый мощный гул. Канонада на западе долго не умолкала, горизонт покрылся плотным дымом. Можно было себе представить передовую, где стрелковые части, тараня оборону противника, стремились пробить брешь для ввода подвижных частей фронта.

Вскоре наш полк направился к переправам через Днестр. После короткого, но трудного марша по бездорожью, неожиданно

увидели реку. По ней плыли трупы фашистов и обломки различных средств переправы. Высокий правый берег был усеян разбитой техникой и трупами.

К вечеру 20 августа мы сосредоточились в балке, в двух километрах южнее Талмаза, откуда совершал ночной марш к месту ввода в прорыв 4-й гвардейский мехкорпус.

21 августа вслед за корпусом наш полк вошел в прорыв, держа направление на Тарутино, имея задачу в этом районе прикрывать наши главные силы с юга.

За время 50-километрового марша по тылам противника бригады мехкорпуса вели бои с частями 13-й танковой дивизии немцев и их 384-й пехотной дивизией, сбивая опорные узлы, отражая фланговые удары.

Утром 22 августа мехкорпус из Тарутино повернул на северо-запад в направлении города Хуши и после упорных боев соединился с войсками 2-го Украинского фронта, замкнул кольцо окружения 6-й немецкой армии.

Для развития наступления в южном направлении к берегам Черного моря на Татарбунары из подвижной группы выделяется часть сил в оперативное подчинение командующего 46-й армией генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина. В эту группу вошел и наш отдельный мотоциклетный полк, усиленный одним дивизионом 525-го легкого артиллерийского полка и 3-й ротой 218-го инженерно-санитарного батальона. Командование подвижной группой возглавил командир бригады гвардии подполковник Завьялов.

В тот же день, 22 августа, определялся успех левого фланга 46-й армии, где была создана сильная оперативная группа войск, которую возглавил заместитель командующего армией генерал-майор Бахтин. Войска армии совместно с моряками Дунайской военной флотилии при поддержке Черноморского флота форсировали широкий Днестровский лиман и стали теснить полки 3-й румынской армии. Пытаясь избежать окружения, она повернула на запад, намереваясь прорваться к переправам через Дунай в районе Измаила. Но было уже поздно. Замыкая кольцо окружения, на юг устремились подвижные силы 46-й армии.

23 августа в селе Красное командир нашего полка подполковник А. Ф. Шевкин приказал командиру мотоциклетного батальона майору Ф. И. Бердникову возглавить сильный передовой отряд. Отряд состоял из мотоциклетного батальона, танкового взвода, батареи артдивизиона майора Г. А. Швидченко, взвода бронетранспортеров из роты старшего лейтенанта В. И. Филиппова и дивизиона артполка. Всего в отряде было около 500 человек и 150 боевых машин.

Отряд должен был войти в прорыв по маршруту Красное, Теплиц, Бриень, Павловка и выйти к Татарбунарам.

До Татарбунар было 50–60 километров по проселочной дороге. Оборона противника оставалась западней и пока что безмолвствовала. Заря только занималась, чувствовалась утренняя про-

хлада, было очень тихо. Солдаты, укрывшись плащ-накидками, дремали возле машин. Офицеры обошли свои взводы, подняли экипажи, и утреннюю тишину разбудили работающие моторы. Примчались связные мотоциклисты и доложили, что дорога свободна.

Через считанные минуты колонна подвижного отряда пришла в движение. Развив большую скорость, мы устремились в путь.

Наше появление в тылу противника оказалось совершенно неожиданным. Мы проносились через населенные пункты, где, казалось, все спят. Некоторые гитлеровцы принимали нас даже за своих. Невдалеке от одной деревушки стояла небольшая роща. Когда появились наши первые машины, из кустов выскочил немецкий солдат, подбежал к обочине и вытянул правую руку в фашистском приветствии. Пленный показал, что в селе две пушки, а солдаты, наверное, спят.

В это же время вернулась разведка сержанта Чистякова и доложила, что возле некоторых деревьев замечено движение солдат противника.

— Лейтенант Сихарулидзе, первый взвод на больших скоростях—вперед! Танки остановить!—раздалась команда комбата.

Когда танки остановились, батарея противника открыла огонь. Танкисты тут же разрядили по их позициям свои пушки, затем, стреляя на ходу, устремились в село. В это же время взвод мотоциклистов ворвался в расположение противника и стал поливать его пулеметным огнем. Батарея противника также неожиданно замолкла. После небольшой остановки отряд продолжил движение.

Однако при подходе к железнодорожной станции Бриень командир взвода лейтенант Ешанов обнаружил на высотах перед хутором Бриень-Павловка противника, который обстреливал дорогу, идущую на Татарбунары. Гвардии майор Бердников приказал лейтенанту Ешанову вступить в бой, а в поддержку ему направил два мотоциклетных взвода с двумя танками. Приданные нам пушки обстреливали огневые точки. Стремительными действиями автоматчиков, танкистов, артиллеристов противник был опрокинут.

Действия противника у Бриень показали, что ему стало известно о рейде по тылам моторизованной группы. Он начал принимать меры, пытаясь подтянуть силы, оказать сопротивление.

Командование подвижным отрядом принимает решение направить всю мощь удара на Татарбунары.

Вскоре передовой отряд полка, двигаясь по Арцизской дороге, настиг отступающего противника в нескольких километрах северней Татарбунар. Было видно, как слева и параллельно с нами, на расстоянии 800–900 метров в большом беспорядке, разношерстными колоннами, в которых смешались боевые и тыловые части, отступал по Старосаратской дороге противник. Он, однако, тут же принял меры к отражению нашего удара.

В этих условиях ждать подхода остальных подразделений зна-

чило бы потерять главное преимущество — внезапность удара. Оценив обстановку, майор Бердников отдал приказ на штурм Татарбунар.

Из массива кукурузы выехали боевые машины и на предельных скоростях направились к райцентру. Первыми подошли к поселку четыре танка Т-34 с десантами. По зеленой ракете и танка Теплых танки, выстрелив по нескольку снарядов, выскочили на улицы.

Каждый мотоциклетный взвод тоже имел свою задачу, участок атаки и выхода на соединение. Артдивизион и подошедшая минрота открыли огонь по побережью лимана. Одновременно появились наши штурмовики и стали бомбить скопления противника.

В несколько минут весь поселок заполнился мотоциклистами, которые, расчищая дорогу огнем, пронесли по его небольшим улицам к лиману. Танковый десант спешился и вел огонь по кустарникам, скрытым местам, где могли засесть фаустпатронники.

При выходе на южную окраину поселка 1-я мотоциклетная рота капитана Ермаченко ушла правее с задачей прорваться к лиману в районе села Борисовка, 2-я и 3-я роты старших лейтенантов Сихарулидзе и Комиссарова направились влево, на восточную окраину Татарбунар.

Северную часть поселка полностью контролировали остальные силы отряда. Артдивизион Швидченко и минрота лейтенанта Печёнкина развернули огневые позиции и огнем поддерживали подвижные подразделения.

А из дворов, покинув погреба, убежища, выскакивали жители, подбегали к нашим бойцам, целовали, обнимали их, угощали фруктами.

Таким образом, в 11 часов 23 августа, взаимодействуя с авиацией, передовой отряд полка под командованием майора Бердникова овладел важным стратегическим пунктом и узлом сопротивления противника на побережье Черного моря поселком Татарбунары.

В связи с этим возникла новая задача — удерживать поселок, не выпустить противника из окружения. А Татарбунары как раз и оказались той точкой, где мог выскользнуть враг, отступающий под натиском войск группы генерала Бахтина и моряков-десантников Дунайской военной флотилии.

Пытаясь восстановить положение, подразделения 9-й немецкой дивизии прямо с марша перешли в контрнаступление. На южной окраине Татарбунар развернулись упорные бои.

Подразделения отряда, маневрируя, отбивали многочисленные атаки. 2-я и 3-я роты с ходу прорвались к лиману, но сразу же подверглись контратакам. Пришлось буквально на марше принимать бой. Командиры рот Сихарулидзе и Комиссаров расположили мотоциклы с пулеметами в укрытиях; взвод Петезоров вел обстрел автомашин и пулеметных точек противника. Батарея 76 мм пушек капитана Глушецкого из истребительно-противотанкового

артдивизиона майора Швидченко с открытых позиций поражала цели прямой наводкой.

Когда противнику не удалось прорвать кольцо окружения частями малочисленными атаками, он сосредоточил на участке наших рот более двух батальонов и при артиллерийской поддержке провел одну за другой три мощных контратаки. Враг пытался пробить брешь, в которую хлынула бы масса румынских солдат. На помощь ротам были направлены танки Т-34 лейтенанта Теплых с десантами старшины Конарева и старшего сержанта Буц, а также взводы «виллисов» со станковыми пулеметами. Прообразом этих установок были знаменитые пулеметные тачанки красных конников времен гражданской войны. Теперь маленький быстрый вездеход с пулеметом был более эффективен и менее уязвим.

По садам, огородам вездеходы проскочили на фланг и ударили дружно из четырех пулеметов. Огонь был очень своевременный. Открыли огонь и минометные расчеты. Штурмовая авиация буквально висела над дорогами, по которым отступал противник, и наносила ему огромные потери.

А юго-западной Татарбунар, у села Борисовка, 1-я мотоциклетная рота капитана Ермаченко с батареей 76 мм пушек вела бои с прорвавшейся группой противника. Потеряв свои подразделения, разрозненные фашистские солдаты избегали боя и только пытались проскочить через заслон огня.

И здесь пулеметчики действовали с машин. Когда на восточной окраине села Борисовка взвод пытался спешиться и занять оборону, командир роты приказал выйти из боя, произвести маневр и встретить противника на марше.

Под прикрытием артогня взвод сменил позицию, полевой дорогой обошел колонну врага и обрушил на него дружный огонь. С ротой находился и комсорг батальона старший сержант Аршак Леонович Асрян. Подчинив себе экипажи двух мотоциклов, комсорг начал преследование небольшой группы противника, заставил ее остановиться. Вскоре оставшиеся в живых немцы сдались в плен.

И вдруг получена тяжелая весть — погиб, участвуя в отражении очередной атаки, парторг мотоциклетного батальона старший лейтенант Александр Лазаревич Князев.

— Отомстим за смерть парторга, — бросил клич комсорг Асрян.

И с новой силой ударили воины по врагу. В этом бою экипаж младшего сержанта Алексея Дмитриевича Патиашвили вырвался вперед и смело преградил путь противнику. Озверелые гитлеровцы обрушили на смельчаков поток огня. Патиашвили был ранен, но остался в строю. Когда же автомат вывалился из его рук, водитель и автоматчик боевого мотоцикла продолжили бой. Подоспевшие товарищи помогли отразить врага.

Северней Татарбунар остальные силы полка и батальоны 5-й гвардейской мотострелковой бригады вели сильные бои с противником, тоже пытавшимся вырваться из окружения

И мало кто из нас знал, что корабли Черноморского флота полнотью господствовали в водах северного побережья. Они топили немецкие и румынские корабли, предназначенные для оказания помощи южной группировке.

В создавшейся обстановке гитлеровское командование, потеряв надежду прорвать окружение частями, вступающими в бой прямо с марша, решило отвести остатки своей 9-й дивизии на северо-восток, в район Белолезских высот, там провести переформирование, освободиться от ставших обузой румын, пополниться подходящими с востока силами и подготовить концентрированный прорыв.

Это внесло коррективы и в действия нашего полка. Во второй половине дня полк сосредоточился северней Татарбунар, против села Ново-Алексеевка, в кукурузных полях. А южную окраину поселка и далее, до лимана, решено было контролировать артиллерийско-минометным огнем и танками.

К вечеру 23 августа атаки противника и попытки прорваться из окружения прекратились. Наступило недолгое затишье. По приказу подполковника Завьялова полк занял круговую оборону, обратив основное внимание на восток. Штаб полка организовал систему связи, наметил посты охранения, усиленные танками и бронетранспортерами.

Рядом расположились техника бригады и приданные ей части. Отделения мотоциклистов продолжали контролировать поселок и дороги.

Всю короткую летнюю ночь полк совершенствовал оборону, проводил разведку на восток, на север и на запад. Разведка установила подозрительное движение противника восточней Ново-Алексеевки. Враг через пленных пытался распространить слух, что со стороны Измаила идет танковая группа с целью высвободить окруженных. В действительности никаких войск там не было. А вот к нам на помощь уже подходили полки 46-й армии.

В ночь на 24 августа 5-я гвардейская мотострелковая бригада заняла оборону на полосе Татарбунары—Павловка. Мотоциклетный батальон, снявшись с этой полосы, занял оборону за боевыми порядками бригады, на левом фланге, так как противник опять сконцентрировал на этом участке основные силы для прорыва.

Наступила тревожная ночь на 24 августа. Противник вел методический артобстрел, пытаясь нащупать основное ядро нашей обороны. Но оборона была маневренная—окопов не рыли, машин не окапывали. Весь расчет—на подвижность.

Ранним утром 24 августа со стороны Белолезских высот через село Ново-Алексеевку, поднимая огромное облако пыли, устремились на наши боевые порядки части 9-й немецкой дивизии. Но противник не застал нашу оборону врасплох. Встреченный сильным массированным огнем, он стал отходить в северо-западном направлении. Его расчет на внезапность провалился. Гитлеровцы, которые не видели другого выхода, шли в психические атаки, пытались

найти брешь в нашей обороне. Общее руководство боем возглавил гвардии подполковник Н. И. Завьялов.

Когда на одном из участков прорвались и стали уходить более сотни гитлеровцев, последовала команда майора Бердникова:

— Лейтенант Комиссаров, тремя взводами перехватить противника и уничтожить. За вами направляю танк.

Рота Комиссарова устремилась на запад. Взводы лейтенантов Сибатова, Галесника, Абросимова свернули на север и пошли на сближение с противником, преграждая ему путь.

Мотоциклетное отделение сержанта Андрущенко вырвалось вперед. С ним было пять экипажей с четырьмя ручными пулеметами. Высокое кукурузное поле почти непреодолимо для мотоциклов, а впереди уже виднелось облако пыли, поднятое атакующими. Сержант принимает решение развернуть машины в линию и подпустить противника ближе. В ожидании проходят считанные минуты. Пулеметчики прильнули к прикладам, вторые номера держали наготове гранаты. Вот уже видны перекошенные от злости лица врагов. Среди них конные и пешие. Одновременно ударили ручные пулеметы младшего сержанта Пономаренко, рядовых Порхаева, Богановского, Рыбалко. Как на стену натолкнулись атакующие. Дико заржали лошади, бросаясь в разные стороны.

Вместе с отделением Андрущенко вела огонь почти вся подошедшая рота. Подошли танки с десантом старшины Конарева и сержанта Буца и, не останавливаясь, вошли в гущу атакующего противника. Механик-водитель командирского танка старшина Василий Тихонович Перминов, маневрируя, прокладывал дорогу для мотоциклистов. Подминая кукурузу, мчались задним ходом, пулеметами вперед, «виллисы» лейтенанта В. А. Паршикова.

Рота автоматчиков старшего лейтенанта Филиппова на бронетранспортерах преследовала и уничтожала отдельные группы фашистов. Несмотря на то, что командир роты был ранен на подступах к Татарбунарам, он был в строю и командовал взводами...

Минометная рота старшего лейтенанта А. Ф. Печенкина вела усиленный обстрел Белолезских высот. Только один расчет 82 мм миномета сержанта И. М. Борисова и сержанта П. П. Чудного выпустил по врагу около ста мин.

Немеркнувшей славой покрыла себя батарея 120 мм минометов старшего лейтенанта Ивана Михайловича Барина из 101-го минометного полка. 24 августа батарея из четырех минометов заняла оборону северней Татарбунар. Ее боевые позиции оказались на пути отступающего противника. В этом бою Барин погиб. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

К 8—9 часам 24 августа противник, пытавшийся прорвать окружение, был зажат в стальное кольцо и уничтожен. Сотни немецких и румынских солдат сдавались в плен. По полям бродили лошади, всюду валялись разбитая техника, оружие, повозки.

Пленных сосредоточили в большом овраге на Высоких скалах

(там сейчас расположены фермы первого отделения ордена Ленина колхоза им. Татарбунарского восстания)

Мы стояли и наблюдали, как к гвардии майору Бердникову подходили все новые и новые пленные офицеры с группами солдат. От одной из групп отделился пожилой стройный полковник румынской армии. Он снял с себя кожаный реглан и протянул его Бердникову со словами:

— За ваше командирское умение. Это все, что осталось у меня ценного.

— Я трофеев не собираю,—с достоинством ответил комбат...

За время боев в районе Татарбунар наш полк уничтожил более 990 солдат и офицеров противника, взял в плен 5150 человек, в том числе 23 старших офицера. Было уничтожено или захвачено 65 автомашин, 19 орудий, 63 пулемета и большое количество повозок с амуницией и боеприпасами.

Личный состав полка с честью выполнил приказ командования о прорыве с выходом к Татарбунарам.

24 августа радостно встреченный жителями полк возвратился в поселок Татарбунары, а мотоциклисты уже мчались на запад, к Измаилу, рассекая напоенный морем и степью чуть прохладный воздух.

26 августа полк принял участие в освобождении города-крепости Измаил, за что ему было присвоено наименование «Измаильский»...

...С тех пор прошло много лет. Но каждый год в День Победы приезжают в Татарбунары ветераны нашего отдельного мотоциклетного полка. Мы благодарны татарбунарцам за память о наших товарищах, погибших при освобождении края, за уважение к живым.

В центре поселка стоит памятник, у которого захоронены и воины нашего полка. Их имена высечены на мраморных плитах, у братской могилы горит вечный огонь.

Одна из улиц поселка носит имя парторга батальона старшего лейтенанта Князева, который погиб в боях за освобождение Татарбунар.

Литературная обработка Е. Ткачука

Орудийный расчет в бою

Е. И. БЛАГОДАРЕВ

Прорвав вражескую оборону в районе станции Пырлица, мы с расчетом своего 76 мм орудия двигались в боевых порядках пехоты, подавляя оставшиеся после артподготовки огневые точки немцев. Пушки нам помогали на лямках катить пехотинцы.

Фашисты закрепились на станции Пырлица. При подходе нас с чердаков начали обстреливать немецкие пулеметы. Расстояние небольшое, и нам отчетливо были видны эти пулеметные точки. Я назвал координаты и дал команду: «Огонь!» Д. Аношин быстро ловит цель, В. Яремчук забрасывает снаряд, А. Махно ловко орудует станинами. Выстрел — и вражеского пулемета как не бывало. Пехота снова идет в атаку.

Как только мы втянулись в село, немецкая пушка открыла огонь вдоль улицы, которую мы должны были пересечь, хотя нас они из-за домов не видели. Быстро с помощью пехоты перетаскив пушку, мы ударили с тыла и двумя снарядами разнесли их расчет и саму пушку.

Пехота устремляется вперед, расчет катит пушку, а по щиту без конца косят пули. Яремчук на ходу заряжает орудие, Аношин снова ведет огонь по отступающим в панике фашистам.

Когда село уже было взято, мы вышли в открытое поле, где два немецких бронетранспортера прикрывали отход своих войск. «Огонь!» — даю команду. И вот уже горит головной транспортер. Стремительно отступает противник, преследуемый нашей пехотой.

В это время подбежал молдаванин и показал, что там, за высотой, уходит по балке обоз. Мы с расчетом принимаем самостоятельное решение отрезать отступающую колонну.

Запаслись тремя ящиками снарядов. Яремчук и Аношин сели на коней, я с Махно на лафет и галопом помчались на высоту. Нигде не было видно нашей пехоты. Не успели мы проехать и треть этой высоты, нас обстреляли из пулеметов. Разом скосили наших лошадей, но расчет остался невредим. Мы развернули орудие, разбили огневые точки.

Потом с большим трудом покатали пушку в гору, Аношин и Махно толкали пушку за колеса, я за лафет. Яремчук зацепил ящик со снарядами на лямку и тянул его волоком.

Вдруг на быстром ходу выскочил бронетранспортер и сразу же из крупнокалиберного пулемета открыл огонь по Яремчку.

Махно развернул пушку на бронетранспортер, и Аношин первым же снарядом расстрелял бронетранспортер с экипажем.

С великим трудом мы выкатили пушку на гребень высоты. Внизу по балке двигался обоз машин, повозок. Я остался в боевом охранении около пушки. Аношин и Махно на лямках волоком принесли снаряды, доложили, что Яремчук мертв. Махно забросил снаряд в патронник, и мы открыли огонь по движущейся колонне. Сначала били по головным машинам, чтоб сделать пробку, а затем начали бить вдоль колонны. Когда кончились снаряды, мы бросили пушку на высоте, а сами с автоматами бросились бежать к обозу. Махно обнаружил в машине немецкий миномет и мины. Он заскочил в машину, подал нам миномет, и мы с Аношиным установили его. Затем я принимал от Махно с машины мины, передавая Аношину, и он стрелял по тем повозкам и машинам, которые стремились скрыться за небольшим леском. Когда кончились мины, заметили, что к нам крадутся фашисты. Подпустили их на бросок гранаты, затем забросали их гранатами. Часть группы была убита, остальные сдались в плен.

Когда мы догнали своих, Яремчука с почестями похоронили, а на могиле поклялись бить фашистских гадов, пока бьется наше сердце.

Комсомольский авиационный полк

А. А. ДОРОШЕНКО,
полковник в отставке

С марта по август 1944 года наш авиационный полк участвовал в освобождении Молдавии.

Первый аэродром, с которого полк действовал на территории Молдавии, — Вапнярка. Кроме бомбовых ударов по вражеским войскам, полк вел воздушную разведку и приступил к освоению ночного фотографирования, которое требовало от экипажей особого умения и мужества. Полк активно участвовал в освобождении городов и сел Молдавии — Сорок, Каменки, Бельц, Рышкан, Единец.

Последующие наши аэродромы находились уже непосредственно на территории Молдавии, у сел Грушка, ныне Каменского района, и Негурены, ныне Теленештского района.

Одной из особенностей готовящейся Яско-Кишиневской операции была большая секретность. План операции строился на внезапности. В совсем неожиданном для фашистов месте, на маленьком Кицканском плацдарме, стягивались, сжимались в кулак огромные силы. Немцев «отвлекали» в районе Оргеев — Кишинев, стараясь убедить их, что именно здесь, на таком стратегически важном направлении, как Кишиневское, и следует ждать основного удара. В этой обстановке особую роль играла связь, оперативность которой обеспечивалась в основном нашими самолетами.

Надо было скрытно осуществлять переброску боеприпасов, снаряжения. И здесь тоже на выручку приходили наши ПО-2.

Наши самолеты летали в разведку в тыл врага на глубину до 130 километров.

Последний наш аэродром на молдавской земле находился у села Вийшоара ныне Глодянского района.

В ту пору я в звании капитана командовал эскадрильей. Надо сказать, что это был достаточно спокойный период во фронтовой жизни нашего полка. Но и в спокойной обстановке на войне несли мы невосполнимые потери. В Молдавии мы потеряли двух боевых товарищей — Алексея Федорова и Давида Кричевского.

Давид Кричевский, зам. комэска, возглавлял специально подобранную группу для поддержания связи с партизанами. Экипажи, входившие в эту группу, произвели более двухсот вылетов в тыл врага, доставляя партизанам оружие, боеприпасы, взрывчатку, газеты, а обратными рейсами вывозили тяжело раненых и больных.

О том, насколько хорошо знали и любили партизаны летчиков из группы Д. С. Кричевского, достаточно убедительно говорит такой случай. Однажды к партизанам забрели двое неизвестных в авиационной форме. Один из них — майор — назвал себя летчиком Чернобуровым А. И., другой — лейтенант — откомендовался как штурман Глинкин Б. С. Незнакомцы заявили, что их самолет был подбит при выполнении боевого задания. Дотянуть до своей территории оказалось невозможным. Пошли на вынужденную посадку. Приземлившись, подожгли машину и скрылись в лесу.

Партизаны приняли прибывших по-товарищески, но пистолеты попросили сдать. Разведчики, посланные незаметно от гостей к месту вынужденной посадки самолета, вскоре вернулись и доложили, что остатки сгоревшей машины найдены, но тип и принадлежность ее к Красной Армии установить невозможно.

«Свои или враги? — думали партизаны. — Как проверить?» Командир собрал узкое совещание и попросил совета.

— Спросите их о Кричевском, — предложил один из партизан. — Если они и вправду советские летчики, то должны знать такого героя.

— Давида Кричевского? — в один голос воскликнули Чернобуров и Глинкин, когда им задали этот вопрос. — Так мы же с ним в одном полку служим. Неделю назад летал он в какой-то партизанский отряд, возил боеприпасы.

Этого было достаточно. К прибывшим сразу установилось доверие.

— Крепко нас выручили, — сказал, тепло улыбаясь, командир.

— Мы и есть тот самый отряд, куда Кричевский летал неделю назад.

Боевую работу группы Кричевского высоко оценило Советское правительство. Весь личный состав группы был награжден орденами и медалями «Партизану Отечественной войны».

Погиб Давид Кричевский, сражаясь за свободу Молдавии.

В Негуренах мы потеряли Алешу Федорова. Он, ночной бомбардировщик, погиб в необычной обстановке — днем.

Было 12 мая 1944 года. Горизонт уже изрядно порозовел, когда у брезентового полога палатки штаба полка затормозил штабной «виллис». Капитан из штаба армии — офицер связи — прошел к дежурному по части. Уже показался багровый край солнца, а офицера связи необходимо было срочно доставить на передовую. Надо было торопиться.

«Мессершмитты» хитро использовали пересеченный рельеф местности Молдавии. Невидимый за холмами, на бредущем, подбирался «мессер» к нашим самолетам и порой заставлял их врасплох.

Выполнить задачу по доставке офицера связи приказано было Алексею Федорову.

Уже вздрагивал трудяга ПО-2, по траве, на которой просохла роса, бежал штурман Алеша Угроватов, бежал, чтобы крепко по-мужски, обнять своего летчика. Штурман оставался на земле — его место занимал теперь капитан из штаба.

Алексей взлетел и повел самолет на бреющем полете, держась поближе к дороге. Вот позади осталась развилка Бельцы — Сороки.

Мерно гудит мотор, звенят расчалки плоскостей. Вдруг Федоров чувствует, как чей-то взгляд давит в затылок. Давит, давит... Он оглянулся. Фашистский стервятник готовился нажать гашетку пулемета. Алексей боевым разворотом ушел из-под огня, то тут же заметил второй вражеский истребитель.

Теперь спасение только на земле. Он повел самолет на посадку, и когда колеса вот-вот должны были коснуться земли, крикнул офицеру связи:

— Прыгай!

Капитан вылез на плоскость и скользнул в траву.

Самолет уже подпрыгивал на рытвинах, когда фашист обрушил на него весь свой боезапас.

Алешу Федорова мы похоронили в Негуренах.

Младший лейтенант А. П. Федоров служил в нашем полку с самого первого дня его существования. Это был отличный летчик, меткий бомбардир, хороший разведчик. В нашем полку на фронте вступил он в ряды КПСС. За отвагу и стойкость был награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

В 25-ю годовщину Великой Победы в Негуренах собрались ветераны полка. Собрались на открытие памятника Алексею Федорову.

Среди них была и Раиса Дозмарова, наш пилот. Женщина на фронте — это, наверное, тема для особого исследования, для повестей, рассказов и фильмов.

С большой теплотой все ветераны полка вспоминают нашего дорогого Айболита — Тайгу Иванову Дьякову. От врача зависело очень многое — и физическая форма пилотов, и их боевой дух.

Неутомимая Тайга Ивановна помогла нам в самую трудную минуту. Сейчас Тайга Ивановна живет и трудится в Кишиневе.

В таких коротких, не претендующих на полноту воспоминаниях трудно перечислить всех. Запомнилась нам Нина Григорьевна Орлова. Ориентируясь на ее метеорологические сводки, мы совершали свои боевые вылеты. Нина Григорьевна — тоже наша землячка. Это «по ее приказу» идут дожди и светит солнце в нашем городе.

Частый гость Молдавии инспектор Министерства гражданской авиации Александр Александрович Анисимов.

Саша Анисимов. Если бы пришлось познакомиться с этим весельчаком и острословом при других обстоятельствах, даже не подумалось бы, что он ветеран. И невозможно было бы предположить, что свою первую боевую награду он получил за три месяца до своего совершеннолетия, за то, что сумел на поврежденном самолете выполнить боевое задание и, перетянув линию фронта, посадить самолет на незнакомое поле ночью. Осмотрели они со штурманом подбитый самолет — самим не исправить, нужны запасные части и техник.

Отдал Саша штурману курево и борТПасек, а сам — пешком на свой аэродром за полсотни километров. На полпути остановил его наш патруль, потребовал документы.

— Я летчик. Из документов — один комсомольский билет...

Но патруль не поверил. Смутила Сашина форма: сильно потрепанные брюки и гимнастерка да еще обмотки вдобавок — то, что он получил еще в школе первоначального обучения.

В общем, пехотный офицер не поверил, что семнадцатилетний паренек в гимнастерке и обмотках — летчик. Анисимова задержали. Повели... Вдруг навстречу машина с майором-летчиком на переднем сиденье. Саше удалось ее остановить.

— Товарищ майор, я летчик, а меня за дезертира принимают!

— Летчик? — майор ухмыльнулся, глядя на обмотки. — А ну, начерти кривую ПИНО!

Этот график известен только летчикам. Саша начертил — пальцем на пыльной дороге.

— Лейтенант, совершенно правильно, он летчик! Отпустить! — и майор укатил.

...Ребята, поседевшие ребята из комсомольского полка, мои товарищи, мои однопольчане.

Имя Алексея Федорова присвоено пионерской дружине Негуренской школы. Александра Михайловна Федорова, мать героя, приезжала к пионерам в Негурены из далекого Стерлитамака. Она привезла в школу боевой орден. Я видел, как бережно принимали его ребята, словно сердце чье-то несли. Может быть, и впрямь это билось живое сердце сына, которому бить — вечно.

Я рассказал Александре Михайловне еще об одном подвиге Алексея.

Эскадрилья, которой я в то время командовал, получила секретное задание. В тыл противника должен был быть заброшен наш разведчик. Мы не удивились, когда узнали, что этот разведчик — девушка. Разведчицу надо было очень точно доставить к месту выброски. Полет должен был осуществляться так чтобы не привлечь внимания фашистов — вдвойне тайным, вдвойне незаметным.

Кому я, как не Федорову, мог доверить выполнение этой важнейшей задачи? Конечно же, Алексею Федорову. Задание это усложняется еще и тем, что Федорову предстояло лететь без штурмана. Место штурмана заняла парашютистка «Надя» Подлинное имя юной героини, по причинам понятным, нам не полагалось знать. Здесь и пришел на помощь Алексею весь опыт предыдущих боевых вылетов. Ночь подсказывала верный путь одинокой звездой в разрыве взлохмаченных туч, едва заметным огоньком автоматных очередей, всполохами пожаров Ночь несла на крыльях ИО-2 Надежду в тыл врага!

За этот полет Алексей Федоров был удостоен своей первой правительственной награды — ордена Красной Звезды.

Имя героя навсегда в нашей памяти, в памяти жителей солнечной республики.

Ветераны Краснознаменного полка гордятся тем, что им выпала честь сражаться в небе Молдавии, участвовать в знаменитой Яско-Кишиневской операции.

Особенно напряженными были две ночи в мае. Совершенно 60 боевых самолетов вылетов. Бомбовыми ударами в эти ночи уничтожено 12 автомашин с живой силой противника, разбросаны многие тысячи листовок.

Нашими разведчиками экипажами Кричевского — Томилова, Жарликова — Коновнишина установлены маршруты переброски противником боеприпасов, техники, живой силы к линии фронта, обнаружен действующий аэродром. На следующий день с раннего утра наша дневная авиация нанесла сокрушительные удары по разведанным объектам врага.

Партийная организация нашей эскадрильи постановила добиться первенства в соревновании, которое проводилось под девизом «Достоинно встретить вторую годовщину части!» К своему «дню рождения» мы хотели завоевать вымпел ЦК ВЛКСМ.

Не обходилось и без происшествий. Юго-западнее города Бельцы самолет лейтенанта Н. В. Шмелева подвергся атаке вражеских истребителей. На борту находился представитель политического управления 2-го Украинского фронта. Летчик решил сесть. Под самолетом болотистое место, при посадке самолет скандировал, но летчик и пассажир остались невредимы. Усилиями наших техников М. Н. Варламова, Г. П. Ковалю, И. Н. Гурского самолет был быстро восстановлен и вошел в боевой строй.

В июне поставлена задача — установить состояние железнодорожного моста через реку Прут в Унгенах и провести испытание на использование ампул АЖ-2 — с раствором фосфора (сероуглерода (горючей жидкостью)). Достаточно капли этой жидкости попасть на крыло самолета, как после испарения сероуглерода фосфор воспламенялся и самолет начинал гореть. Несмотря на такую опасность, летчики полка первыми в

312-й авиационной дивизии стали применять ампулы АЖ-2 для действий по врагу.

Итак, мост через Прут. Он был в центре нашего внимания. Так ли он поврежден, как сообщалось по агентурным данным? И снова вели мы поединок с лучами прожекторов, зенитками и эрликонами. Несколько ночей подряд мы фотографировали мост с разных сторон. И убедили командование — гитлеровцы этим мостом воспользоваться не смогут.

Это было последнее военное лето. И мы — комсомольцы и коммунисты 930-го Комсомольского полка — провели его в небе Молдавии, республике, с которой связал я затем многие годы своей мирной жизни.

Гвардейские знамена над седым Днестром

В. Ф. МИХАЙЛИК,
гвардии подполковник запаса

«Сладка вода из Прута...»

Наша 28-я гвардейская, впоследствии удостоившаяся наименования Будапештской, минометная бригада сражалась на молдавской земле бок о бок с 79-й гвардейской Запорожской стрелковой дивизией и другими частями знаменитой 8-й, бывшей 62-й, гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова. Никто из нас, ведя упорные, затяжные бои, и не предполагал, что скоро, очень скоро начнется стратегическая наступательная операция и на нашем участке фронта.

Жители освобожденных деревень встречали советских воинов скудным, но от чистой души сбереженным хлебом-солью.

Дымовые, с горьким привкусом, шлейфы оставлял за собой отступающий противник, огрызавшийся разъяренно, подобно недобитому зверю.

Воодушевленные радостным известием о том, что воины 2-го Украинского фронта где-то возле Скулян уже зачерпнули касками воды из реки Прут, а значит, в его верхнем течении восстановлена Государственная граница СССР, бойцы 79-й гвардейской Запорожской стрелковой дивизии заметно повеселели. Досадовали лишь на то, что не им выпало первыми восстановить пограничный знак.

Когда командир стрелкового взвода гвардии лейтенант Константин Юнгин известил подчиненных о важной победе советских войск, красноармейцы дружно заговорили, перебивая один другого, обсуждая услышанное, но в общем-то все сводилось к единственной мысли:

— Сладка вода из Прута, а у нас во рту горчит.

Решительно заключали:

— Теперь наш черед, это уж точно.

— Нельзя нам ударить лицом в грязь!

— Поддержим гвардейское правило: где наступает гвардия, там врагу не устоять!..

Константин Юнгин улыбался и не вмешивался в разговор: на такую реакцию подчиненных он и рассчитывал, сообщая новость. Кого-кого, а своих бойцов он уже изучил досконально. И не ошибся. Каждый хорошо знал: хочешь поскорее увидеться с семьей — воюй напористее, приближай этот миг всеми силами!

Юнгин подумал: «Молодые парни... Рвутся в бой сломя голову, но врага одолеть одним азартом нельзя. Самой высокой пробы

храбростью не обойдешься, нужно еще и мастерство. Вот и приходится на ходу набираться своего опыта...»

Кленовый сок

Северный ветер крепчал, упрямо гнул голые скрипучие ветки клена, одиноко возвышавшегося на открытой поляне, а Ион Дризул проявлял не меньше упорства, подставляя упругим волнам утренней прохлады обветренные губы, лицо. Чуть слышны слова песни — не удержать бойцу в себе мелодию:

Из-за леса, из-за тучи
В котлы, милые мои,
Делу — фашист проклятый
Налетел, незваный гость.
Страх и ужас наводит
Он на всех людей,
Ростом в семь локтей,
Спина в семь пядей,
Головища больше чана,
А глазища — два стакана

Ион в последние дни буквально расцвел, ходит сам не свой. На удивление, торжественный и нарядный. Первые мартовские дни подействовали, что ли.

— Иван, а Иван? — то и дело обращались к нему бойцы отделения. — Ты что такой веселый?

Боец улыбался, отвечал каждому одно и то же:

— Это не я веселый. Это весна красна. Мастерница!

Мы же догадывались о причине перемены: наступила пора освобождения его родного края от гитлеровской оккупации, он так заждался, так истосковался по милым кодрам, в которых все еще опасно ходить, по яблоневым облакам без порохового пагара, по виноградным лозам, среди которых давно уже не поют девочки...

Пока поляну заполняли бойцы взвода, Ион прикасался мизинцем ладонью к холодному кленовому стволу, поглаживая его, похлопывая дружелюбно, словно друга по плечу. Этим он хотел выразить радость по поводу встречи с милым его сердцу деревом, да еще на своей родной молдавской земле.

Приговаривал:

— Уже и сок пустил, чувствуете?.. Размягчел.

Ему не верили:

— Ты еще скажи, что слышишь, как трава растет!

— И скажу! — восклицал Ион.

Резко наклонился к свежедышащей, оттаявшей под весенним теплом земле, сорвал на суглинке цветок — мать-и-мачеху.

Обнял живо ладонями, захлебываясь, заговорил:

— Вот уже и листики появились. Ушастики мои... Как вы холодны сверху, кусаетесь, не признаете своего... Оно и понятно,

мачехины нежности — кому они по сердцу? Да и долго же мы шли к тебе... Зато поглядите сюда — снизу листочек мягонький, густые белые волоски, точно войлок, согревают теплом — чем не заботливые материнские ладони! Прикоснись — душа и услышит родной голос: я жду вас, дорогие мои сыночки, жду с нетерпением... Это призывают кодры своих бойцов.

Что тут было возразить! Прав Ион, земля Отечества роднее всего на свете...

И вдруг Ион сник. Услышав от командира, что освободили Бельцы и Глодяны, он забеспокоился, по его лицу пробежала тень, настроение мгновенно переменялось.

— Ну, что ты загрустил, Иван? — спрашивал у красноармейца командир отделения; он, как и все остальные бойцы, звал Дризула Иваном, на русский манер. Ион не возражал, даже рад был — значит, считают за родного брата.

Ион отвечал, а голубые глаза его лучились холодноватым светом:

— Глодяны и Бельцы... Да что там — Фалешты уже возвращены моему народу. Село мое — Жура, и то вздохнуло свободно, а мы еще и до Днестра не дошли...

Он рвался в бой, едва надев красноармейскую форму. Он ждал этого часа с первых дней, когда вместе с отцом и матерью, эвакуировавшись в тыл, торопил время, чтобы подошел срок и ему доверили оружие.

Ион снова касается клена, отломил веточку, из ее ранки выкатилась светлая капелька. Сердце солдата помягчело, будто это в нем, а не в жилах старого дерева весенний сок тронулся и движется, несмотря ни на северные ветры, ни на густые облака, плотно скрывающие желанное солнце.

Юнгин, сидя на мягкой и остро пахнущей нежной травке, упирался спиной в ствол молодого дубка. Прикрыв веки, незаметно для посторонних, оглядывал подчиненных, отрывавших окопы, прикидывал, кого из пулеметчиков на какой фланг поставить, кому из бывалых возглавить атаку, кто где больше принесет пользы.

Пулеметчик Иван Громов. Этот не подведет, недаром к его груди сам командир дивизии на днях прикрепил орден Славы. Он, вместе со своим вторым номером гвардии рядовым Андреем Дубчуком, скрытно от вражеских наблюдателей подполз к подбитому немецкому танку, стоявшему на ничейной полосе, и оттуда, под защитой брони, открыл фланговый огонь. Это было очень кстати, и Юнгин до сих пор не представляет себе, что бы он делал без их дерзкой вылазки во время той атаки... Да что взвод! Вся рота сумела воспользоваться замешательством гитлеровцев, продвинулась вперед и выбила их из траншеи.

Порадовал тогда и гвардии рядовой Ион Дризул. А ведь по натуре он таков: долго примеряется, присматривается, прежде чем сделать какой шаг! Действуя в последнем бою, застрелил в упор часового возле блиндажа, проник вовнутрь, заколол штыком

кинувшегося ему навстречу, остальные четверо подняли руки

Константин Юнгин перебирал в уме фамилии бойцов и для всех у него находилось лестное, похвальное слово. Вот они какие у него бойцы!

В полк прибыло очередное пополнение — все больше парни молодые, не знавшие, почем фунт лиха на фронте. И в его взводе несколько человек, нуждающихся в опеке бывалых...

— Пора, товарищ гвардии лейтенант!

«Кто это? Ах, это ты, сержант Щербак, мой первый помощник и дотошный пестун молодых и необстрелянных. Что бы я без тебя, Женя, делал?»

Гвардии лейтенант Юнгин энергично вскочил на ноги, приосанился, прогнал сонливость — всю ночь ведь не смыкал глаз.

Отправляясь на совещание к командиру батальона, молодой офицер пересек поляну, не прекращая размышлений: «Как рядовой Дризул обрадовался, узнав, что его родная Жура освобождена от фашистской неволи. Жаль, что ему не довелось лично участвовать в этом».

Углубляясь в рощу, подумал: «А хорошо, что наши уже на Пруте! Если двинуть как следует и отсюда, можно взять врага в клещи».

...Над головой лейтенанта шумели разбуженные весной гладкоствольные деревья, и сок ускорял в них свое неудержимое движение.

Обрети крылья

Гвардии лейтенант Юнгин лишь к обеду возвратился с совещания. Выйдя на поляну, где подчиненные уже закончили инженерные работы, он услышал голос старшины роты Александра Ивашко — Героя Советского Союза. Это один из тридцати трех, удостоившихся такого высокого звания за свои боевые заслуги. В полк он пришел рядовым бойцом, необстрелянным парнем

— Прим, а Прим?

Саша Ивашко напоминает гвардии старшине Нурманову, тоже Герою Советского Союза, о поручении — рассказать бойцам, как он форсировал Южный Буг.

Прим Нурманов, общительный и толковый младший командир, начинает издали:

— Чтобы обеспечить непрерывное и стремительное наступление, от пехоты требуется умение форсировать на своем пути водные преграды еще до того, как подоспеют специальные средства переправы. Орлы надеются на собственные крылья...

Нурманов говорит пространно и долго. Это всегда злит Юнгина. Зато после общего вступления гвардии старшина окунается в родную стихию — и его впору заслушаться.

— Нашему брату стрелку, — говорит он, — нельзя без подручных средств, просто невозможно обойтись. Однажды...

Командир взвода помнит: это когда в распоряжении отделения Нурманова оказалась одна-единственная лодка, да и та могла выдержать всего лишь четыре-пять человек. На ней он разместил пулемет. Гребцами назначил самых сильных и ловких — красноармейцев Ирнизова и Баркова. И сам с ними.

— Надо было плот соорудить... — вставил кто-то из новичков.

— Правильно, товарищ Дризул, — подхватил гвардии старшина Нурманов. — Этим делом занимались красноармейцы Майборода, Лебедев, Стрелка. Остальные плели фашины. Собирали сухой камыш, бурьян — все годится, если завернуть в плащ-палатку. Раскинь умом, осмотришь кругом — и найдешь где пустую бочку, где канистры из-под бензина. Шевели, боец, мозгами — и любая река тебе покорится!

То, о чем только что собирался рассказать подчиненным сам гвардии лейтенант Юнгин, делал за него Нурманов. «Молодец парторг, не забыл организовать беседу, — подумал Юнгин. — А Дризул тоже молодец. Не зря, значит, с дедом бывал на сплаве леса, пригодятся его мозолистые руки...»

Перед боем

Заместитель командира батальона по политчасти гвардии старший лейтенант А. Шамаев под вечер посетил взвод гвардии лейтенанта Юнгина. Интересуясь подготовкой переправочных средств, он подсказывал бойцам, как прочнее построить плот, починить прохудившуюся лодку.

— Расскажите, товарищ гвардии старший лейтенант, что передавало сегодня Совинформбюро, — попросил политработника Ион Дризул.

Ему не терпелось поскорее узнать, какие села, кроме знакомых ему Цыбулевки, Ягорлыка, еще освободили на этих днях. Оказывается, и в Копанке, где жил его дед, восстановлена Советская власть. Жив ли он? Скорее бы ответил на его письмо...

В одну из пауз молодой пулеметчик красноармеец Лось попросил политработника дать ему рекомендацию для вступления в комсомол. Шамаев вспомнил, что боец не однажды отличался в минувших боях и, конечно, достоин быть комсомольцем.

— Но теперь вам придется отвечать не только за себя, но и за других... — предупредил замполит.

— Я знаю, — ответил боец.

— Тогда вам и первое поручение, — продолжал Шамаев, — помогите красноармейцам из пополнения побыстрее освоиться с обязанностями бойца, поделитесь с ними боевым опытом.

Подошло время ужина. Вкусно запахло, зазвенели ложки о котелки. Шамаев с удовольствием отведал из солдатского котелка перловой каши, которую не очень-то любил, и подумал, что он давно не ел с таким аппетитом. Записал в блокноте: «Предложить в ближайшие дни повару Григорию Тарасенко выступить с обменом кулинарным опытом на страницах дивизионной газеты».

Неподалеку, в приземистой избе лесничего, старшина соседней роты В. Смирнов оборудовал нечто вроде настоящей бани. Узнав об этом, гвардии старший лейтенант Шамаев и туда не преминул заглянуть. Его встретил на пороге и доложил по-уставному красноармеец Харшан, которому Шамаев когда-то сам вручал знак «Отличник санитарной службы».

Шамаев пожал руку бойцу и вошел в избу. В просторном помещении могло поместиться одновременно больше десяти человек, и политработник тут же, вместе со старшиной, наметил порядок пропуска личного состава подразделений, вызвал санинструкторов и отдал им соответствующие распоряжения.

На следующий день вечером в стрелковых ротах состоялись партийные и комсомольские собрания.

Для решения очередных задач, связанных с предстоящим наступлением, собрались и коммунисты второго дивизиона 172-го артиллерийского полка. Перед ними, возле развесистой вербы, на снарядном ящике сидел парторг и разбирал на столе, сооруженном из ящиков же, бумаги. Это были заявления. В дни подготовки боев за форсирование Днестра и полное освобождение Молдавии от фашистских захватчиков несколько бойцов решили связать свою судьбу с партией Ленина, быть в первых рядах. Подал заявление и гвардии сержант Архипов.

Перед мысленным взором Ивана Архипова проходят картины недавнего боя. Рано утром артиллеристы, возобновив преследование гитлеровцев, приблизились к селу. Гитлеровцы открыли по ним плотный огонь. Пришлось остановиться, зарыться в землю.

Старший артиллерийский разведчик гвардии сержант Архипов опытным глазом определил наиболее важные огневые точки противника, немедленно доложив об этом командиру. Вскоре орудие гвардии сержанта Асадова повело ответный огонь, за ним в бой вступили остальные расчеты. Снаряды ложились точно в цель, и Архипов радовался — не зря, значит, старается.

Стрелковые подразделения еще не подтянулись, и артиллеристы, чтобы не упустить инициативы, решительно ворвались в населенный пункт, вытесняя из него фашистов.

Иван Архипов вспомнил обо всем этом, пока секретарь парт-организации зачитывал его заявление о приеме в партию. Вот оно дословно:

«В парторганизацию 2-го дивизиона
172-го артполка
от АРХИПОВА Ивана Павловича
ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу первичную организацию 2-го дивизиона принять меня из кандидатов ВКП(б) в члены ВКП(б), так как я хочу именно коммунистом бить немецких оккупантов, не жалея крови, а потребуете — и жизни.

С уставом и программой ознакомился.

15/IV 44 г.»

Архипов

Он и прежде воевал неплохо, командир никогда не предъявлял к нему претензий. Смел. Ходил во вражеский тыл за «языком». Почему же подано заявление только сейчас?

...В Кемеровской области в Шишинской средней школе есть возле окна парта, за которой Ваня Архипов любил сидеть, слушал рассказы учителей, писал классные сочинения, решал задачи. Математика была его любимым предметом.

О чем он мечтал в те годы? Помнится, выезжали всем классом на реку Томь. Веселый гам не смолкал до самого вечера, а блеск ребячьих глаз не уступал в споре с блесками предзакатного солнца, купавшегося в волнах реки. Учителя с трудом собрали ребят в обратный путь. Разве кто из них думал тогда, что близится роковой час, когда вместо мирных дней нескончаемым потоком побегут военные!

И они пришли. Оборвался детский смех, вопрошающе смотрели детишки в глаза взрослых, останавливали на улицах красноармейцев:

— Скоро ли прогоните фашистов? Когда домой вернется мой папа?

Как в той деревне, что освободили накануне. Там уже Архипов ответил незнакомому мальчугану:

— Скоро...

Надо исполнить обещание, а никто не стоит за данное слово тверже, чем коммунисты...

Вслед за Архиповым кандидатом в члены партии единогласно были приняты санинструктор Аня Глумова, другие бойцы.

Здравствуй, Днестр!

Наступление возобновилось. В боевых порядках стрелкового подразделения, в составе которого действовал взвод гвардии лейтенанта Юнгина, шел гвардии сержант Архипов. Не ведая страха, он старался приблизиться к противнику на кратчайшее расстояние, чтобы видеть лучше, слышать больше. И уж если разведанные доложить — так чтоб без сучка и задоринки! Чтобы огневые взводы были по врагу наверняка, без единого промаха!

Он уже передал на наблюдательный пункт командира дивизиона первые сведения об обнаруженных целях, видел, как точными выстрелами батарей они были накрыты, даже не потребовалась корректировка.

Но гитлеровцы продолжали сопротивляться. Два вражеских пулемета преградили путь взводу Юнгина и всей роте. Группа стрелков зашла складками местности во фланг противнику. Разбились на две части, бойцы подползли к пулеметным гнездам и уничтожили их гранатами и автоматными очередями. Рота подышалась в атаку и улучшила свои позиции.

Гвардии сержант Архипов вместе с радистом все время менял свое место, ведя наблюдение за действиями противника, и успешно выполнял поставленную задачу. Артиллеристы в этот день особенно метко поражали вражеские цели.

Противник начал поспешно откатываться на запад. Совершая обходные маневры, стрелковые подразделения настигали врага, наносили ему ощутимые удары, окружали его разрозненные скопления. Преследовать отступающего врага приходилось, как говорится, не вылезая из седла, наскоро перехватив полухолодный завтрак или обед. Продолжали погоню, чтобы не дать противнику оторваться и занять новый рубеж для обороны.

И вот перед наступающими развернулась водная гладь Днестра с его густыми плавнями, тополиными островками, бесчисленными озерами, старицами и протоками, болотистыми участками.

Возбужденные бойцы подбегали к воде, набирали ее в пригоршни, подносили к губам и жадно пили. словно дети, обрызгивали друг друга.

С трепетом в голосе произносили вслух:

— Здравствуй, Днестр! Встречай гвардейцев!

С противоположного берега ударили вражеские пушки, и каждому невольно подумалось: не застрянем ли тут? Но с горячими, страстными словами обратились агитаторы, коммунисты и комсомольцы к своим товарищам:

— Для советского солдата не существует непреодолимых преград!

А впереди тихим плеском согласно отвечал им старый Днестр, словно обещая помощь при захвате плацдарма...

* * *

Иван Павлович Архипов, ставший к тому времени старшим сержантом, загляделся на яблоневый сад. До чего же красивы его бело-розовые кружева, ароматное, гудящее пчелами невесомое облако, спустившееся с неба! Правда, оно сейчас отсвечивало серыми тонами. Но все-таки яблони цвели! Весна брала свое, и теплело сердце у Ивана Павловича, его богатырская грудь глубоко вбирала в себя пьянящие запахи, уши улавливали животрепещущие звуки, колыхавшиеся под дуновениями свежего ветерка. Хорошо-то как... Отчего же пальцы Архипова цепко сжимают автомат? Он — солдат, на войне не отведено времени любоваться весенней картиной, а все равно не оторвать глаз от цветения яблонь. Эх, сады, сады... Не было таких в его родном краю, на Кемеровщине. Все больше ковыли да типчаки, осинового роши, изредка березовые колки, а туда, ближе к горам, тайга-матушка простиралась. У них и поселки да города все Березовский да Кедровка, Осиновка да Боровой. Вот и Шишино, поди, от шишек ведет свое название. Лесной край, ничего не скажешь.

Сидя за партой Шишинской средней школы, Иван подолгу заглядывался на географическую карту, висевшую за спиной учителя. Учитель думал, что он внимательно слушает его рассказ, а Архипов размышлял о том, как огромна земля родная — не пройти, не проехать и за месяц.

Сколько же теперь он прошагал пешком под градом пуль и осколков? А сколько еще предстоит одолеть, взять с бою трудных километров, чтобы больше по ним никогда не ступала нога чужеземца? Чтобы и там, на Кемеровщине, тоже зацвели по весне кипенные сады? Ведь разведут и у них яблоневые деревья, груши, сливы! А может быть, и виноградники морозоустойчивые, мичуринские... Не может быть, чтобы люди не побороли суровую природу Сибири. Осилят, облагородят.

Весна... Хороша ты в Молдавии, скоро завернешь и на родную Кемеровщину, где отец, мать живут, где промелькнуло детство, где тоже ждут не дождутся окончания войны.

Резанула мысль: а ведь он для того и находится здесь, на плацдарме, чтобы враг отступил, не заслонил дорогу весне.

А Пугачены все еще в густой пороховой дымке, за промозглой стеной тумана. Все труднее корректировать огонь батарей, находить наиболее опасные цели.

И вдруг все смешалось: исчезла яблоневая кипень, вздыбленный ворох земли с треском перечеркнул белесое небо, и пчел не слышать — воздух загудел пулями, застрекотали пулеметы, заухали минометы. Гитлеровцы предприняли очередную атаку, пытаясь вырвать из рук защитников крохотный клочок земли на правобережье Днестра.

Архипов увидел, но не испугался: немецкая пехота широкой цепью приближалась к траншее. Стоявшее поблизости орудие гвардии сержанта Чучалина открыло беглый огонь по атакующим разрывы снарядов прижали противника к земле.

Неожиданно орудие замолчало.

— Кончились снаряды, — доложил заряжающий.

Не успел Чучалин отдать распоряжение насчет доставки боеприпасов, как наводчик Зорин воскликнул:

— Вражеские автоматчики в тылу, товарищ сержант!

Гвардии старший сержант Архипов с напарником да еще с одним бойцом оказался впереди всех — справа и слева стрелки были потеснены. Остановил испытующий взгляд на автоматчике — ни один мускул на его лице не дрогнул. Молодец! Но кто этот автоматчик? Из какого взвода? Что-то Иван не припомнит его фамилии, слышал — Иваном звали. Тезка, значит. Вместо убитого Иволгина прислали. Чтобы поддерживать связь с артиллерией...

Надо было поскорее отсюда выбираться, пока не поздно. А как это сделать, если именно в эти минуты вражеские точки обнаружили себя, и Архипов до хрипоты в голосе кричал в телефонную

трубку, передавая цифры, называя цели, по которым следовало вести огонь. Когда связь с наблюдательным пунктом оборвалась Архипов понял, что наступил самый ответственный момент в его жизни, когда только от него одного зависела его судьба, доброе имя бойца и коммуниста.

Он еще раз посмотрел на незнакомого автоматчика — тот лихорадочно вел огонь из автомата. Торопись, друг... Целься лучше, береги патроны... Не теряй головы..

— Лучше смерть, чем фашистский плен! — крикнул, не оборачиваясь, Ион Дризул — это был он.

— Мы победим, Ваня! — твердо ответил Архипов.

Верил ли он в то, что говорил? Да, верил! Потому что для него его собственная жизнь не была только его личной, он воспринимал ее как часть жизни всего артиллерийского дивизиона — он был его глазами и ушами! Вырвут один глаз — останется зрячим другом, лишится и этого — заменят уши. Оглухнет — и тогда дивизион будет жить, сражаться, пока не победит. Он и хотел об этом сказать Дризулу, оглянулся и увидел: автоматчик приподнялся, до пояса высунувшись из окопа, чтобы метнуть гранату в гитлеровцев, заходивших к окопу с тыла, — и не успел. Пуля сразила бойца, и граната разорвалась в его руке.

Кольнуло в сердце Архипова, но Иван Павлович не дрогнул, его тело сжалось в плотный комок — сплетение мускулов, нервов и ясной мысли. Мигом пронеслось в голове: травянистый берег Днестра, развесистая верба, парторг зачитывает его заявление о приеме в партию, и он зашептал, как клятву. «...я хочу именно коммунистом бить немецких оккупантов, не жалея крови, а потребуется — и жизни..»

И это наступило — единство слова, мысли и дела. Пути к отступлению нет!

Нажал на спусковой крючок — автомат не отреагировал. Кончились патроны... Но были еще гранаты! Архипов схватил первую, метнул в гущу наседавших фашистов. Живым хотите взять? Не выйдет! Еще одна граната летит в автоматчиков. Но они все ближе, их много, а он один. Их остервенелые лица уже отчетливо вырисовываются перед глазами Ивана Архипова.

Гитлеровцы стреляли редко, задумав взять смельчака живым, и Архипов продолжал удерживать позицию. Не сразу почувствовал ожог от пули. Через гимнастерку просочилась кровь.

Еще бы гранат. Хоть одну.. Что же это — конец?! А нож разведчика! Он выручал, когда Архипов отправлялся за «языком» Послужи в последний раз..

И первый же гитлеровец, рванувшийся навстречу бесстрашному герою, пал под ударом Архипова. Еще четверо свалились у ног богатыря.

Но силы были слишком неравные..

И все-таки враг не прошел. Поздно ночью, когда бой начал было утихать, батальон, в составе которого действовал взвод гвардии

лейтенанта Юнгина, собрался и стремительной контратакой восстановил утраченные позиции.

Продвигаясь вперед, гвардейцы наткнулись на окоп гвардии старшего сержанта Архипова. Вокруг его бездыханного тела они насчитали двадцать семь вражеских солдат. Это была цена жизни героя коммуниста, артиллерийского разведчика Ивана Павловича Архипова, посмертно награжденного орденом Ленина.

Плацдарм на правом берегу Днестра жил и действовал, предвещая скорое освобождение Молдавии.

Сто дней на плацдарме

Я. Г. ЖИЦОВ,

*бывший командир батареи 117-го полка,
капитан в отставке*

Впервые наш 117-й полк 7-й Отдельной Никопольской Краснознаменной ордена Кутузова истребительной противотанковой артиллерийской бригады вышел к Днестру в середине апреля 1944 года в районе села Глиное и на восточном берегу реки занял оборону. Весенний Днестр вышел из берегов, сплошь залил прибрежную низину, бурлил, бушевал. Места для огневой позиции не было, поэтому батарея вынуждена была приютиться на небольшом островке с несколькими деревьями.

Площадок для орудий не оборудовали, щелей и землянок не рыли—копнешь землю, а там вода. Так и расположились без укрытий. При обстрелах плотнее прижимались к раскисшей земле. Батарея огнем прямой наводки поддерживала нашу пехоту, закрепившуюся на высотах правого берега Днестра, и готовилась к переброске через реку, ближе к боевым порядкам пехотинцев.

Но вдруг 9 мая, вечером, полк снялся с позиции и взял курс на север, а поздней ночью остановился в балке где-то восточнее Тирасполя на ночной привал.

Рано утром нас разбудила мощная артиллерийская канонада. Это, как мы тут же узнали, была артподготовка к наступлению немецких войск на Шерпенский плацдарм. Мы увидели, что на помощь защитникам плацдарма вылетели штурмовики ИЛ-2. Еще как следует не рассвело, а они уже эскадрильями, одна за другой, летели к плацдарму, кружились над полем боя, наносили удары по вражеским танкам и пехоте, теснившим наши войска к Днестру. Снялись со стоянки и батареи нашего полка, пошли скоростным маршем на село Ташлык, заняли огневые позиции, вступили в бой.

Наши войска находились в самой низине, в изгибе реки, между селами Пугачены и Шерпены, а немецкие танки и пехота уже вышли к обрыву. На клочке земли разгорелся жестокий бой. Положение защитников нашего плацдарма оказалось предельно критическим. От бомбежки и взрывов снарядов вздымалась земля, возникали и исчезали фонтаны дыма и огня. Над низиной огромным шатром висела пыльно-дымовая завеса. Отступать защитникам плацдарма было некуда: позади—водная преграда, Днестр. Держались из последних сил. А немецкие танки и пехота уже вышли на край обрыва и с высоты обстреливали наши войска, скопившиеся в низине. Другие немецкие танки спускались ложиной в низину и подходили к селу Пугачены. Положение наших войск с каждым часом предельно осложнялось.

Нам, артиллеристам-истребителям, с высоты левого берега была видна картина неравного, тяжелого боя. Казалось, что положение, в котором очутились наши войска, безвыходно, что катастрофа плацдарма неизбежна. Батареи нашего полка били по огневым точкам врага, по танкам и пехоте, создавали огневые заслоны на опасных направлениях, наносили удары по прорвавшимся головным танкам, отсекали от них пехоту. В ходе боя моему изводу пришлось взять в огневой мешок наш штурмовик ИЛ-2. Подбитый штурмовик не дотянул до своих и приземлился у самого обрыва. Какова была судьба летчиков, я до сих пор не знаю, но какое-то время самолет был прикрыт нашим огнем, а немецкие автоматчики, пытавшиеся захватить машину, были уничтожены.

Мы, истребители, делали все, что могли, но и нам уже было нелегко. Ведь полк занял огневые позиции без какой-либо подготовки, на холмах у Днестра, буквально на голом месте—без оружейных площадок, ровиков, окопов и маскировки. Вскоре мы попали под перекрестный огонь немецкой артиллерии. Сверху сыпались бомбы. А укрытий никаких, кроме промоин и бомбовых воронок. Так вот и вели бой, неся потери, но выполняя суворовский завет: сам погибай, а товарища выручай.

К вечеру наст, пательный порыв немцев начал угасать, ярость атаки ослабевала, сила и плотность огня уменьшились. Немецкие танковые подразделения, понеся большие потери и стараясь укрыться от огня наших орудий, отошли. А те танки, которые успели просочиться в низину, к селу Пугачены, остановились и, маскируясь, вели огонь с мест. Чувствовалось, что силы немцев иссякают, атака, не достигнув цели, захлебнулась. Впервые выдалось время для передышки. Защитники плацдарма закреплялись, готовились к ночной обороне. За день было потеряно многое, но не все... Главное—враг остановлен.

Вечером по только что наведенному мосту наш полк переправился на правый берег Днестра, на Шерпенский плацдарм. Здесь произошли существенные изменения. Утром плацдарм был 11 километров шириной и 22 километра глубиной, а к вечеру сократился соответственно до 6 и 1 километра. Батареи нашего полка расположились в низине—в садах и кустарниках. Немцы—на обрывах, на господствующих высотах.

Наступала ночь, а с ней, как это часто бывало на переднем крае, пришло затишье. Лишь кое-где, нарушая тишину, строчили короткими очередями пулеметы. Зато небо обильно озарялось светом сигнальных ракет. Всю ночь на нашей батарее кипела работа: устанавливали локтевую связь с соседями, определяли ориентировочно передний край немцев, выискивали в садах и кустарниках подходящие позиции, оборудовали оружейные площадки, рыли ровики, маскировались. К утру батарея была готова к отражению атаки, а что она должна быть, в этом мы нисколько не сомневались.

Ранним утром, после мощной артподготовки, немецкие танки

и автоматчики с трех сторон пошли в атаку. Немцы, видимо, не сомневались, что сбросят наши войска в Днестр и ликвидируют плацдарм. Но плацдарм за ночь пополнился живой силой и техникой, укрепились и стала прочнее его оборона. И атака, неожиданно-негаданно для немцев, на всех участках обороны была отбита. Бой был напряженным, упорным. Не обошлось без потерь и в нашем полку. С горечью мы узнали о том, что в числе других погиб и командир 2-й батареи капитан Григорий Короб. Короб был авторитетным и уважаемым офицером в полку, смелым и оперативным в действиях. В этом бою его батарея стояла на своем рубеже насмерть, уничтожила три танка, два бронетранспортера и до сорока немецких автоматчиков. Сам комбат был ранен, отправить его в санчасть не удалось. Его временно поместили в щель, но осколок мины нанес вторую рану, которая оказалась смертельной. Командование батареи взял на себя командир 1-го взвода старший лейтенант Петров, а вскоре комбатом назначили меня. Батарея была сплоченной, боеспособной. Командиры взводов Абрамов, Петров, Каширин—закаленные в боях офицеры. Опытными огневиками были командиры орудий, наводчики и другие орудийные номера. Особенно отличались в боях орудийные расчеты командиров орудий Зубарева и Берегулина, разведчики, телефонисты, наблюдатели взвода управления, которым командовал лейтенант Абрамов. Правда, в последние дни боев ряды артиллеристов поредели, и это уже сказывалось на их боеспособности.

Немцы, озлобленные неудачей прошлого дня, следующим утром вновь бросились на плацдарм. Сотни стволов орудий и минометов прямой наводкой и с закрытых позиций палили по нашим войскам. Тысячи мин и снарядов разных калибров падали на плацдарм. Еще не отгрелась артподготовка, а в небе появились эскадрильи немецких самолетов. Стаями кружили они над нашими позициями и, опускаясь до макушек деревьев, безнаказанно сбрасывали сотни бомб, поливали свинцовым огнем из пулеметов. Такой плотности огня, как в это утро, мы еще не видели, несмотря на то, что прошли путь от Терека до Днестра. Сидя в своих щелях и окопах, затаив дыхание, наблюдали за передним краем немцев, прислушивались к гулу танков. Батарея еще не участвовала в бою, но уже понесла потери. От артподготовки и бомбежки погибли командир огневого взвода лейтенант Каширин, два связиста, орудийный номер и наблюдатель. Были раненые, контуженные, выбыла из строя пушка.

Немцы, маскируясь, выходили на исходные рубежи атаки. Не дожидаясь конца артобстрела и бомбежки, немецкие танки приближались к нейтральной зоне. Прикрываемые огнем противотанковой артиллерии, медленно шли они развернутым фронтом приостанавливаясь для выстрелов, прощупывая своим огнем каждый подозрительный кустик, деревцо, бугорок на нашем переднем крае. За ними шли автоматчики.

Орудийные расчеты батареи заняли места у орудий, с нетерпением ждали команды открыть огонь. Длинными, страшными были эти минуты ожидания. Но надо было подпустить танки бли-

же, чтобы бить их с первого выстрела, без промаха, наверняка. Каждый артиллерист знал цену первого выстрела и, крепясь, терпеливо ждал. Танки, ведя огонь на ходу, приближались. На других участках обороны уже кипел бой. И вот грянули первые выстрелы. Были расчеты по близким и наиболее опасным целям, били бронебойными и осколочными снарядами, строчили из пулеметов и автоматов бойцы взвода управления. У всех наготове были противотанковые и ручные гранаты. Теперь, когда батарея включилась в бой, каждый понимал, что отражение атаки зависит от быстроты и решительности действий, меткости огня, стойкости на рубеже. И поэтому огнем щитом стояли на своих рубежах не только мы, артиллеристы, но и наши соседи, все защитники плацдарма. Активно поддерживали нас артиллеристы из-за Днестра, штурмовики ИЛ-2. И все-таки нам трудно было сдерживать напор немецкой атаки. А немцы, несмотря на потери, выводили на поле боя новые танки, штурмовые орудия; ползли к переднему краю нашей обороны. Над плацдармом носились бомбардировщики и истребители. Накал атаки нарастал, редели наши ряды, иссякали силы. И вдруг, неожиданно для нас, в боевых порядках батарей появились наши самоходки, танки и с ходу вступили в бой. Мы воспрянули духом. Бой ожесточился. Ревели, надрываясь, моторы танков, гремели пушечные выстрелы, проносились над полем боя снаряды, трещали пулеметы, танки утюжили траншеи, ходы сообщения. Немцы, по-прежнему превосходя в силе, господствуя на местности, продолжали атаку. Отдельные штурмовые группы немецких автоматчиков ухитрились просочиться в наши боевые порядки, нападая с флангов и тыла, сеяли панику. Раздавались выкрики: «Нас обошли!», «Нас отрезали!» Как говорится у страха глаза велики. Панику приходилось пресекать. Местность к сожалению, способствовала просачиванию в наши тылы немецких автоматчиков. В низине—кустарники, сады, рощицы; обзора зрительной связи не было не только между батареями, но даже между орудиями. Каждое орудие, по существу, действовало в своем секторе самостоятельно. Немецкие автоматчики захватывали в нашем тылу отдельные огневые точки. Так было у соседей, так, к сожалению, произошло и в нашей батарее. Автоматчики-эсэсовцы обошли садом и кустарниками третье орудие, стоявшее на правом фланге, и обстреляли его. В перестрелке погибли командир орудия и заряжающий, а командир взвода лейтенант Каширин погиб еще раньше. Оставшись без командиров, поредевший расчет дрогнул, отошел от пушки, залег в кустарнике. Немецкие автоматчики, воспользовавшись этим, захватили орудие. Нужно было ликвидировать угрозу батарее, и во что бы то ни стало вернуть орудие. Но как это сделать? Ведь и остальные бойцы с трудом отражали атаку. Надежда—только на взвод управления. Лейтенант Абрамов с группой бойцов бросился на помощь орудийному расчету. Группа пробралась к немцам, залегшим у орудия, и совместно с орудийным расчетом с двух сторон ударила по ним и

пулеметов и автоматов. Расчет, чувствуя вину в случившемся, пробрался вперед ползком и забросал фашистов ручными гранатами Гитлеровцы, надеясь на подход своих танков, сопротивлялись ожесточенно и не собирались сдавать позиций. Но наши бойцы усилили натиск, пока немцы, которые укрывались на оружейной площадке, не были истреблены. Но истреблены были не все. Продолжал еще строчить автоматчик, да так, что головы не поднять. Немец видел наших, наши его нет. А время шло, дорога каждая секунда. Подойди на помощь автоматчику хоть один танк, и все потеряно. Два наших разведчика—Поляков и Клименко—поползли в обход орудия. А вот и автоматчик, виден, как на ладони. Поляков полоснул по нему из автомата, пушка была отбита и тут же вступила в бой.

Бой уже угасал, иссякали силы сторон. Казалось, поддержать бы нас хоть горсткой свежих сил, и немецкая атака окончательно захлебнется. И действительно, над полем боя, как будто по заказу, появились наши штурмовики. Радости нашей не было предела. Но нашим летчикам трудно было разобраться в хаосе боя, где свои, а где чужие. Подолгу кружили самолеты, разыскивая вражеские цели, потом бомбили их, расстреливали в упор. Налет штурмовиков решил исход боя в нашу пользу.

Итак, еще одна атака немцев, не достигнув цели, была отбита. Отбита с большими для них потерями. Только наша батарея в этом кровопролитном бою подбила пять танков, четыре пушки, уничтожила более шестидесяти гитлеровцев, подавила несколько огневых точек. Сама батарея не дрогнула, не отошла, но тоже понесла потери. Не стало командира взвода лейтенанта Каширина, командира орудия Попова, других наших боевых друзей.

Личный состав батареи проявил в бою стойкость и храбрость. Мужество и упорство показал огневой взвод старшего лейтенанта Петрова. Петров в течение всего боя находился у орудий, держал в секторе обстрела немецкие танки. Командиры орудий, наводчики, оружейные номера, чувствуя боевую распорядительность своего командира, действовали уверенно и решительно. Именно взвод Петрова и его командиры орудий—старшие сержанты Зубарев и Берегулин, наводчики Тодаров и Васильев первыми выстрелами уничтожили четыре немецких танка и этим ослабили натиск лобовой атаки немецких танков на своем участке... Свой боевой долг выполнил взвод лейтенанта Абрамова, который уничтожил 12 автоматчиков-эсэсовцев и отбил у них пушку.

Долго после этой атаки стояли мы на обороне Шерпенского плацдарма—почти до самого конца лета. А сколько атак, артподготовок, бомбежек и огневых налетов немцев пришлось вынести! Мне непонятно было тогда, чем страшен для немцев был наш плацдарм, почему с таким упорством они стремились ликвидировать его. Понял я это несколько позже.

Были атаки, которые, казалось, могли стать последними. За месяц нашего пребывания на плацдарме оборона была уже капи-

ально оборудована, по всем правилам укреплена. Землянки, блиндажи, ровики, ходы сообщения, оружейные площадки с «карманами» в какой-то степени предохраняли нас от огня немцев. В общем, все было зарыто в землю.

Помню день 22 июня. Он был солнечным, тихим и на редкость спокойным на переднем крае: ни бомбежек, ни выстрелов, ни взрывов. Но часа в два дня где-то за Пугаченами в небе появилось облако. Вскоре оно приблизилось к нам и, закрыв солнце, нависло над плацдармом. Разразилась небывалой силы гроза—сверкала молния, грохотал гром, ливневый дождь, посыпался величиной с куриное яйцо град. Плацдарм окутался непроглядной мглой. Мы спокойно отсиживались в землянках, блиндажах, надеялись, что стихия продлит передышку. Ведь немцы не любят воевать в такую погоду. Между тем до нас начали доноситься звуки, не похожие на раскаты грома. Поначалу никто не придавал им значения—мало ли что. Но какая-то сила влекла меня из блиндажа. Не успел я выйти из него, как от пулеметной очереди о накат с треском взорвалось несколько разрывных пуль. Так вот оно что: обстрел! Пошел я по ходу сообщения, а вокруг—разрывы мин, снарядов, фонтаны воды, грязи, дыма. Артподготовка или случайный обстрел? Вернуться в блиндаж мне уже больше не пришлось, потому что из хода сообщения в блиндаж хлынула потоком вода и вскоре затопила его. А мы, его жильцы, стояли теперь в траншее по шею в воде с поднятыми вверх автоматами. В общем, очутились мы между двумя огнями—обстрелом врага и бушевавшей стихией. Вскоре немецкие танки медленно вползли в нейтральную зону, приближаясь к нашему переднему краю. Больше всего удивила и поразила нас клубившаяся от движущихся немецких танков пыль. Глазам своим не поверили, как это могло случиться. У нас потоп, а у немцев пыль столбом. Но гадать, конечно, об этом было некогда и ни к чему. Я отдал команду: по танкам, огонь! Дежурное орудие сразу открыло огонь, остальные почему-то молчали. Спрашиваю телефониста: почему молчат орудия? А он в ответ: не работает связь. Сам телефонист в воде, видна только голова. Телефонный аппарат лежит на бруствере в грязи. Телефонист крутит ручку аппарата и, надрываясь, кричит в трубку, но ни командиры орудий, ни командиры соседних батарей, ни штаб полка не отозвались. Связь выбыла из строя и исправить ее было невозможно, так как кабель залит водой. Я по привычке, как это не раз бывало в бою, бросился бежать по ходу сообщения ко второму орудью. Но не тут-то было—не так просто оказалось бежать по ходу сообщения по шею в воде. Попросил ординарца помочь мне выкарабкаться из траншеи на бруствер. Увязая в грязи, добрался до второго орудия и ахнул. Орудие, находясь в так называемом «кармане», полностью залито водой. Другие орудия—тоже. У нас, на плацдарме, так было заведено: все орудия батареи, кроме одного, дежурного, на день опускались в «карманы»—в целях защиты их от огня противника. На ночь же их выкатывали на площадки. И

вот теперь расчеты, увязая в грязи, скользя и захлебываясь в воде, вытаскивали орудия из «карманов» на площадки. Но тщетны были их усилия: орудия были неподвижны, защищаться нечем. Батарея осталась с одним орудием, пулеметы и автоматы отказывали в стрельбе, единственная надежда — на противотанковые и ручные гранаты. А танки ползли.

И опять, как не раз уже бывало, сказала фронтальная выручка. С того берега Днестра, с тех же огневых позиций, с которых наш полк еще 10 мая выручил из тяжелого положения защитников плацдарма, теперь выручили нас. Грянули вдруг залпы тяжелой и противотанковой артиллерии, щитом встал на пути танков огневой заслон. Препятствием для танков стала и непролазная грязь. Чем ближе подходили они к нашему переднему краю, тем больше вязли в грязи, несли потери. Не выдержали немецкие танкисты, дрогнули и, оставив на поле боя несколько машин, отступили.

Ночь провели мы на блиндажах, землянках и бугорках, где посуше. А наутро заново начали окапываться, оборудовать новые укрытия.

После 22 июня мы находились на плацдарме еще ровно 57 дней, отражали немецкие атаки. И вот пришел август 1944-го. Наш полк получил новую боевую задачу с выездом на другой участок фронта. Приказ есть приказ. Раз на другой участок фронта, значит, где-то намечается артподготовка, а следовательно, и прорыв. К этому мы артиллеристы, привыкли. Как ни тяжело было нам на Шерпенском плацдарме, но за сто дней битвы привыкли к нему. А сейчас, как это бывало на фронте при передислокациях, соблюдая все меры скрытности и секретности, мы готовились к отъезду. Весь личный состав батареи в сумерки посетил батарейное кладбище наших боевых друзей, погибших на плацдарме. Отдав воинские почести погибшим, покинули плацдарм навсегда.

Сто дней и ночей при явном преимуществе противника, прижатые с трех сторон к Днестру, отражали мы многочисленные атаки немцев и не отступили ни на шаг. И никто из нас, защитников плацдарма, не допускал тогда мысли о том, что вскоре мы перейдем в наступление. Перед нами тогда стояла одна задача: выстоять, удержать плацдарм.

Поздним вечером 19 августа, покидая Шерпенский плацдарм, не думали мы и о другом, — что через пять дней наш 117-й истребительный противотанковый артиллерийский полк уже будет стоять в обороне в 80 километрах западнее плацдарма, на восточной окраине села Лапушна, направив стволы орудий в сторону Кишинева...

Ночь под Гура-Галбеней

19 августа наш 117-й истребительный противотанковый артиллерийский полк был уже на новом плацдарме — Кицканском, южнее Бендер. Здесь тогда сосредоточивались войска 3-го Украинского фронта для прорыва немецкой обороны. И на нем к нашему

приезду было уже столько войск, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Поговаривали тогда, что плотность артиллерии на плацдарме достигала восьмисот стволов на километр. Мы верили, потому что не было даже места для огневой позиции нашей батареи. Я вынужден был расположить батарею на гребне крутого холма. Правда, позиция оказалась удачной, с хорошим обзором. Немецкая оборона просматривалась до села Гыски, справа в Бендерах были видны купола церковной колокольни, а слева — село Копанка и Днестр. В общем, с такой позиции можно было стрелять и с закрытой позиции, и прямой наводкой в трех направлениях.

20 августа, когда еще не закончилась мощная и длительная артиллерийская подготовка, еще не остыли стволы наших орудий, батареи уже сосредоточились на исходном рубеже для атаки. Тут же стояли танки, группировалась пехота. В нашу задачу при прорыве обороны входило уничтожить противотанковые огневые точки врага и огнем прямой наводки поддерживать наши танки и пехоту. Еще наши штурмовики кружили над немецкой обороной, а для нас уже прозвучал сигнал атаки. И мы с исходных рубежей двинулись к переднему краю немцев. Прошли нейтральную зону, а была она шириной в 70 метров, и пошли дальше в глубину боевых порядков первой линии немецкой обороны. На первых порах сопротивление нашему движению было незначительным. Да и кому было сопротивляться: от первого эшелона немецкой обороны почти ничего не осталось. После артподготовки и бомбежки нашей авиации доты, землянки, блиндажи и другие укрепления были буквально смешаны с землей. И все-таки в глубине обороны кое-где огрызались огневые точки противника, взорвалась на mine боевая машина с расчетом и пушкой на прицепе в соседней батарее, чуть правее нашей. Погибли командир орудия и два орудийных номера. Тяжело был ранен командир огневого взвода старший лейтенант Бабута, мой самый близкий боевой друг. Прошли мы с ним рядом, плечом к плечу, в одной батарее по огневым дорогам от Терека до Днестра. И вот теперь, в первый день прорыва, с выбитым глазом и искалеченной ногой выбыл он из строя. А батареи полка, уничтожая огнем отдельные очаги сопротивления немцев, шли вперед к южной окраине села Гыски. Немецкие «тигры», укрывавшиеся в засаде, преждевременно выползали из укрытий и поспешно отступали к селу. Прямо перед огневой позицией батареи, на расстоянии прямого выстрела, из балки выскочил немецкий артдивизион на конной тяге и галопом помчался к селу. Батарея была в полной боевой готовности, и я, не раздумывая, подал команду открыть беглый огонь. Падали лошади, валились на землю ездовые, прыгивала с зарядных ящиков орудийная прислуга, а кто уцелел, мчался к селу. Из села, навстречу бегущим, выскочил открытый легковой автомобиль. В нем во весь рост стоял офицер и, стреляя из пистолета, пытался заставить артиллеристов вернуться к орудиям. Те заколебались, приостановились,

некоторые даже пытались вернуться назад. Я приказал командиру 2-го огневого взвода Звереву перенести огонь на автомобиль. Взорвались два осколочных снаряда, и автомобиль окутался облаком пыли. Недолет. Автомобиль развернулся и, оставляя за собой шлейф пыли, понесся в село. Вслед за ним побежали и уцелевшие артиллеристы. А семь вражеских орудий с упряжками размечанные огнем батареи, недвижимо стояли на пригорке у южной окраины Гыски. Батарея снялась с позиции и, изменив направление, пошла на север. Нам пришлось только сожалеть, что боевые трофеи немцев не стали нашим достоянием.

К исходу дня 20 августа танки и батарея обошли село северной стороной и на северо-западе от него заняли позиции. Чем дальше продвигались мы в полосе нашего прорыва, тем ожесточеннее сопротивлялись немцы. Наш передовой отряд, хотя и медленно, днем и ночью продвигался вперед. Позади остались Кичканский плацдарм, село Гыска, освобождены села Заим, Салкуца, Опочи. 22 августа рано утром наш отряд подошел к селу Токуз и попал под шквальный огонь немецкой артиллерии. В крошечной тьме рвались снаряды. Внезапность огневого нападения немцев на какое-то мгновение внесла в наши ряды замешательство. Отряд сначала приостановился, а затем, как бы придя в себя, быстро рассредоточился. Батарея свернула с дороги и по высокой кукурузе пошла влево, к Токузу. На востоке уже алела заря, быстро светало. Впереди вырисовывалась южная окраина села. По огородам, на пригорке, вытянутая в линию, стояла немецкая артиллерия и вела огонь по дороге, по которой только что шел наш отряд. Именно она рассеяла своим огнем нашу колонну. Но теперь батарея, потеряв локтевую связь с танками, осталась одна. Когда передо мной открылись все девять длинноствольных орудий немцев, я, вопреки всему, решил вступить с ними в бой, а там—будь что будет. Проскочили по кукурузе вперед, остановились, расчеты на руках выкатили орудия и установили их на самом краю кукурузного поля. Дальше перед нами, до самого села, простирался выгон. Немецкие позиции были видны нам, как на ладони: артиллеристы, не заметив нас, суежились у орудий и продолжали стрелять. Отдаю командирам взводов боевое задание: лейтенанту Абрамову с двадцатью бойцами по моему сигналу атаковать огневые позиции противника, лейтенантам Петрову и Звереву подавить огонь, прикрыть, не жалея снарядов, группу Абрамова. Грохнули первые выстрелы. Удар батареи с фланга, с расстояния трехсот метров, был настолько метким, неожиданным и ошеломляющим, что некоторые немецкие пушки от первых наших выстрелов захлебнулись, заглохли. Противник, охваченный паникой, побросал свои позиции. А бойцы группы Абрамова, прикрываемые огнем батареи, с криком «ура!», строча из автоматов уже приближались к их орудиям. Из села вдруг выскочили две немецкие автомашины с автоматическими пушками на прицепе и, поднимаясь на гору, медленно уползали из села. Два бронетранспортера,

появившиеся на западной окраине села, открыли огонь по группе Абрамова. Лейтенант Зверев перенес огонь взвода на бронетранспортеры, их огонь был подавлен, а автомашины с пушками, не успев выйти из села, были остановлены. Немцы разбежались. Бойцы Абрамова уже прочесывали огороды и дворы, где укрывались артиллеристы противника.

Батарея снялась с позиции и по тому же переулку, где стояли немецкие машины с пушками, вошла в Токуз. Так, благодаря решительным действиям личного состава батареи, южная окраина села Токуз оказалась в наших руках. В этих боях нами было захвачено девять 105 мм орудий, тяга, две машины с пушками, бронетранспортер и другое военное снаряжение. Бой за Токуз был неравный, рискованный, но завершился успешно. Токуз стал для нас исходным рубежом для рейда по глубоким тылам врага.

В час дня наша батарея вышла на северо-западную окраину Токуза. Здесь командир полка полковник Булахтин поставил нам, комбатам, новую боевую задачу: к исходу дня совместно с танками занять село Гура-Галбеней и удерживать его до подхода наших главных сил. Прикинули мы на картах расстояние от Токуза до Гура-Галбеней и задумались. Расстояние большое, а времени мало. Преодолеть такое расстояние в сжатые сроки можно только походным маршем, без боев. Полк развернулся и, взяв теперь курс на северо-запад, пошел на Гура-Галбеней. В голове колонны полка шла наша батарея. На первых порах батарея не встречала сопротивления. По обеим сторонам проселочной дороги стеной тянулась высокая кукуруза. Незаметно батарея оторвалась от полка, и потеряла его из поля зрения. А впереди нет-нет да и появится подвижной заслон немцев. Схватка—и снова вперед.

Были стычки и перестрелки прямо на полном ходу, без оружейного огня. И все время шли к цели. Неожиданно в низине открылась перед нами станция Михайловка. Со станции, пыхтя, трогался эшелон. Батарея с ходу развернулась и с двухсотметрового расстояния ударила по рельсам у самого переезда. Эшелон остановился. Немецкие солдаты, перепуганные нашим огнем, выбегали из вагонов и разбегались по станции. А батарея снялась и опять—вперед. Что пытался противник увезти эшелон, трудно сказать. Для нас была дорога каждая секунда—не до проверок. Остановившись в степи на минутную передышку, я взглянул на карту, сориентировался. Остались позади Токуз, станция Михайловка, села Чимишлия и Градешты, где-то недалеко за холмами и село Гура-Галбеней. Еще марш, и вот оно, это село. Батарея прошла по юго-западной окраине Гура-Галбеней и на ее западной окраине на выгоне заняла оборону фронтом на запад. На этом, можно сказать, и закончилась первая часть нашей боевой задачи. Теперь надо было держаться до подхода главных сил. А где же полк, танки? Вокруг никого—ни наших, ни немцев. Ни выстрелов, ни разрывов—мертвая тишина, будто и войны нет. Огневые взводы приводили орудия в боевое положение. Взвод управления устанавливал

связь, вел наблюдение. Батарейная тяга и кухня расположились на огородах, в двухстах метрах от огневой позиции батареи. Ждали подхода главных сил, которые где-то отстали.

Незаметно скрылось, солнце за холмами, быстро на землю опускались сумерки. Единственное, что нас огорчало, — одиночество. Ни справа, ни слева нет соседей, а впереди как-никак ночь. Однако мы не унывали, радовались паническому бегству немцев, надеясь все же на подход остальных батарей и танков. Нам казалось, что наши войска так пугнули немцев, что их и не догонишь, что теперь они где-то у Прута. И вдруг в батарейном тылу вечернюю тишину разорвала автоматная очередь, затем заухали взрывы ручных гранат. Всполошилась, поднялась на ноги вся батарея. В чем дело, что за стрельба, да еще в нашем тылу? Раздался телефонный звонок старшины Шукалова с просьбой оказать им помощь — напали фашисты. Чем же оказать? Пушками нельзя — там наши машины, шоферы, хозяйство батареи. И опять с пулеметами и автоматами бросился на помощь взвод лейтенанта Абрамова.

В считанные минуты они оказались в батарейном тылу, заняли позиции на фланге немцев и начали поливать их огнем; разведчики выползали вперед, за линию огня, и забрасывали их ручными гранатами. Стойко на своих позициях защищались шоферы отделения тяги и хозяйственная команда. Огонь был подавлен, нападение отбито, немцы, укрываясь в сумерках, рассеялись по селу. И опять тишина. Что же произошло? Оказалось, на пост шоферов у машин нарвалось выходившее из села пехотное подразделение противника. Часовой, шофер Паранчевский, услышав приближавшийся топот колонны, предупреждая окликнул: «Стой! Кто идет?» Кто-то из колонны, не подозревая, что на пути в глубоком тылу стоит советская батарея, откликнулся: «Дойч золдатен!» Часовой без раздумий полоснул из автомата, вспыхнула перестрелка.

Конечно, эта стычка с немцами была и для нас и для немцев непредвиденной и неожиданной. Но она открыла нам глаза на реальную обстановку. Мы поняли, что оказались в глубоком тылу. Срочно перестроили оборону батареи, выставили круговые дозоры. Тем временем до нас донесся гул моторов автомашин с южной окраины села. Насторожились, прислушались, пришли к выводу, что это наши. Действительно, подошли четыре орудия нашего полка, но из двух батарей. А почему батареи не в полном составе? Где же танки? Мне ответили, что они едва пробилась сквозь огонь немецких заслонов. Ну что ж, мы и этому были рады: как-никак теперь слева есть сосед.

Около полуночи правые дозоры донесли: севернее Гура-Галбей на запад движутся немцы. Прислушались: да, стороной, прямо не угрожая нам, шли немцы. Подумали и решили: огня не открывать. Обстановка неясная, силенок маловато, к тому же ночь. Обнаружишь себя и нарвешься на беду. Ограничились тем, что усилили дозоры. Но вот опять донесся гул моторов — теперь уже

с восточной стороны села. Гул быстро нарастал. Ни у кого из нас не было сомнений: шла мотомеханизированная колонна. Но чья колонна? Ночью полагаться на интуицию рискованно. Тут без разведки не обойтись. И два разведчика, получив задание, направились в село — навстречу загадочной колонне. А мы — как на иголках, ждем заветного сигнала.

Наконец, над селом взвилась красная сигнальная ракета. Хотя и тревожный сигнал, зато теперь ясно, что перед нами враг. Командиры огневых взводов Петров и Зверев вмиг развернули пушки на юго-запад. Между орудиями расположил свой взвод управления Абрамов. С ним же все батарейные стрелки — от шоферов до вояков. Пока батарея перестраивалась, я предложил соседям такой план: выпустить колонну из села и по общему сигналу открыть огонь и разгромить ее. Но сосед не согласился с моим планом и предложил лучше пропустить колонну, нас, дескать, мало, обнаружим себя — и нас раздавят. Но все же были шансы на успех и у нас: по воле случая мы оказались в засаде, плюс полная неожиданность нападения. От нас требовались терпение, выдержка, а главное — предупредить немцев своим огнем.

Колонна уже выходила на западную окраину села. От гула моторов и лязганья гусениц дрожала земля. Моя батарея стояла в ста метрах, а орудия моего соседа в пятидесяти метрах от дороги, по которой шла колонна. Включи случайно какой-нибудь водитель свет фар, чего мы побаивались, и все наши орудия будут видны как на ладони. Нам казалось, что колонна идет не по дороге, а прямо на нас, на наши огневые позиции. Неопределенность вызывала страх и психологическую подавленность. Каждый из артиллеристов видел свою защиту и спасение только в силе артиллерийского огня и ждал с нетерпением команды, но эта команда преднамеренно задерживалась.

Головные машины уже поравнялись с нами и, не подозревая, что идут под прицелом наших орудий, продолжали движение. Настало время действовать. По батарее прозвучала заветная команда. Грянул батарейный залп, и блеск орудийных вспышек словно молнией осветил застывшую на дороге колонну. Может, наш огонь и не был столь массивным, но он был неожиданным, и главное, стреляли мы в упор. Захваченные врасплох, немцы не смогли предпринять каких-либо мер для защиты и молчали. Мы же продолжали стрелять. Чуть позже из хвоста колонны застрочили крупнокалиберные пулеметы, ударила пушка — стрелял, по-видимому, танк. Лейтенант Зверев тотчас же перенес огонь на эту точку, орудийные расчеты Зубарева и Берегулина подавили ее. И снова в колонне тишина, лишь грохочут выстрелы наших пушек, трещат пулеметы и автоматы разведчиков Абрамова.

Разведчики выползли за линию огня наших пушек, забросали колонну гранатами. Ночь. Колонна молчит, а что с ней, трудно сказать. Я подал команду прекратить огонь и быть начеку.

А было уже два часа ночи, приближалось утро 23 августа. Оку-

танные ночным мраком, озабоченные зловещей тишиной и неясностью обстановки, сидели мы, офицеры батареи, и думали: с какой стороны теперь ждать врага? Встреча с немецкой мехколонной открыла нам глаза на то, что основные силы немцев все-таки где-то на востоке, позади нас. Мы же, как показала ночь, стоим на одном из путей отступления немцев. А раз так, значит нам боевых схваток с ними волей-неволей не миновать. И мы к ним готовились.

Надо было прежде всего установить связь с соседом, ибо неизвестно было, что с ним. Оттуда до сих пор—ни одного выстрела. Я и лейтенант Абрамов с шестью автоматчиками пошли на его огневые позиции. Подошли к первому ближайшему орудью, ко второму, к остальным и поразились: ни души. На площадках стояли ящики со снарядами, шансовый инструмент, вещи. Что делать? Уходим мы и укатываем с собой пушку—одну, другую...

В который уже раз за ночь мы перестраивали боевой порядок батареи. А теперь у нас круговая оборона из восьми орудий. Орудийные расчеты укомплектовываем за счет бойцов взвода управления. Я и секретарь парторганизации батареи побывали в каждом расчете, провели беседы и поставили боевую задачу на день. В батарее все было наготове, артиллеристы, за ночь не сомкнув глаз, ждали рассвета и нелегкого, как нам казалось, дня.

Незаметно пролетела ночь. Признаться, мы побаивались дня. Ведь нас всего горсточка и стоим мы на выгоне. Но к нашей радости, будто по заказу, опустился туман, да такой плотный, что в пяти шагах ничего не видно. К девяти часам утра туман начал рассеиваться. Надо проверить, стоит колонна или ушла. Я и Абрамов с группой разведчиков направились к дороге. Идем не торопясь, держимся настороже, пристально всматриваемся вперед и видим сквозь пелену тумана, словно мираж, силуэт колонны. Прошли мы вдоль нее, от головы до хвоста, и диву дали: какая сила дрогнула перед нами! В колонне были легковые и грузовые машины, тягачи и тракторы с тяжелыми орудиями, бронетранспортеры и танки. Колонна шла, видимо, плотно, впритирку, а после нашего удара водители растерялись, машины начали даже наползать друг на друга. Пробка—и колонна замялась и остановилась. Больше всего в колонне привлекла нас одна машина—длинная с высокой будкой, по своим размерам напоминающая товарный вагон. Сзади—дверь, над дверью надпись по-немецки. Прочитали, перевели: «Ресторан-столовая». Тоже трофей, ценный и нужный.

Примерно часов в десять утра на юго-западе села, на той дороге, по которой ехали вчера и мы, поднялось облако пыли, и вскоре оттуда донесся гул моторов. Показались машины с пушками на прицепе. Они стремительно мчались вперед. В этой колонне нетрудно было признать наш передовой отряд. Мы, конечно, облегченно вздохнули. Бойцы батареи, уставшие, измученные, издерганные в последнюю ночь во встречах и схватках, едва стояли на ногах. К нам на батарею подъехал на «виллисе» генерал артилле-

рии, командир полка полковник Булахтин, а на санитарной машине—врач полка Ганиев. Я заметил радость на их лицах. Подойдя, они пожимали нам руки, поздравляли с боевыми успехами.

Позже узнали мы, что командование отряда считало нашу батарею погибшей.

Вот так прошла ночь с 22 на 23 августа 1944 года для батареи под молдавским селом Гура-Галбеней.

Литературная обработка Е. Ткачука

К. С. АНДРЕЕВ,
подполковник в отставке

Третьи сутки стояли эшелоны на станции Новый Буг с личным составом и понтонным парком 1-го понтонно-мостового полка в ожидании автотранспорта

Полк после форсирования реки Днепр вышел из оперативного подчинения 5-й ударной армии и поступил в подчинение 8-й гвардейской армии, а связь со штабом инжвойск армии установить не удавалось

Войска армии ушли далеко вперед. Не имея радиосвязи и собственных транспортных средств, полк находился в неведении о дальнейших своих действиях.

Командир полка подполковник А. А. Пономаренко направил меня в качестве офицера связи в штаб инжвойск 8-й гвардейской армии для получения боевой задачи.

Но попробуй догони войска, когда они находятся уже где-то под станцией Раздельной, к тому же догнать штаб инжвойск армии возможно только на попутных автомашинах, идущих в сторону фронта

Мы с ординарцем ефрейтором Мироновым воспользовались также попутной. Как только, проехав Березовку, машина спустилась в широкую долину какой-то неведомой речушки, открылась неутешительная картина: мы увидели множество автомашин, медленно, с частыми остановками продвигавшихся одна за другой. Много машин стояло на обочине, видимо, застряли, пытались обогнать остальных

Прикинув на глаз, что скорость продвижения всей этой массы автотранспорта равна или приближается к нулю, мы прыгнули с кузова автомашины и пошли пешком по обочине дороги, обгоняя буксующие машины

Весенняя распутица и прошедшие накануне дожди расквасили все дороги, и они превратились в сплошные грязевые реки. В ко орых даже танки утопали по самый клиренс.

Чем дальше, тем хуже было положение с дорогой. Машины с различным грузом фуражом, продуктами, ящиками со снарядами, минами, саперным скарбом и даже какими-то металлическими деталями еле-еле продвигались по сплошной грязи, погружаясь колесами по самые оси, срезая задними мостами середину дорожного полотна.

Почти у каждой машины по 5 – 10 измученных солдат,

спершись плечами, спинами, руками толкали в изнеможении, шептались и проклиная благодатный и хлебородный южный чернозем.

Рядом, обгоняя буксующие автомашины, двигались обозы транспортных средств различного вида. Здесь были и артиллерийские повозки, и отдельные артиллерийские передки на конной тяге, и украинские брички, дроги, линейки и даже арбы со снятыми верхними «драбынами», запряженные и лошадьми, и волами, и даже коровами.

По обочинам, также обгоняя буксующие автомашины, двигались гуськом и группками бойцы и гражданские люди от подростков до пожилых, в основном женщины.

Каждый, кто под мышкой в обхват, кто впереди в обнимку — нес артиллерийские снаряды. Некоторые несли сразу два, связанных веревкой и переброшенных через плечо. Мы видели, как женщины бережно и, вить, с опаской, завернув снаряды в поношенные головные платки, осторожно шагали, выбирая, подсохшие бугорки, боясь поскользнуться.

Это — местные жители, вероятно, сагитированные или мобилизованные предприимчивыми армейскими снабженцами, а может быть, добровольно изъявившие желание оказать помощь ради быстрого освобождения родной украинской земли и соседней Советской Молдавии.

Эти люди помогали ускорить разгром врага, изгнать его с нашей земли.

Все, кто шел в сторону фронта, при выходе из села получал соответствующий груз и включался в этот поток.

Не обошла такая участь и нас с Мироновым — нам вручили по два снаряда.

В очередном населенном пункте, сдав груз, мы вышли на тракт, ведущий к станции Раздельная, где по предположению офицера КПП должен был располагаться штаб 8-й гвардейской армии.

Однако штаб армии мы догнали лишь в только что освобожденной Одессе, проделав длительный путь пешком.

Получив письменное боевое распоряжение в штабе инжвойск о дальнейших действиях полка в интересах армии и первую очередь на организацию паромной переправы через Днестр в районе с. Слободзея Молдавская, я на автомашине армии выехал навстречу полку, который к этому времени продвигался к Днестру на автомашинах, выделенных командованием 3-го Украинского фронта.

Одна рота полка под командованием старшего лейтенанта Д. П. Хрущева к 12 апреля 1944 года прибыла в район села Слободзея Молдавская.

Понтонеры с ходу, по мере подхода машин, разгружали понтонное имущество и приступали к сборке тяжелого 50-тонного перевозного паромы, устройству пристаней и эстакад на обоих

берегах реки, под непосредственным артиллерийским и минометным огнем.

Переправившиеся ранее на армейских переправочных и подручных средствах гвардейцы армии заняли плацдарм, но, не имея танков и противотанковой артиллерии, были вынуждены остановиться под склонами высоты у селения Копанка.

Противник всеми силами стремился сбросить гвардейцев с плацдарма.

Нужны были танки. И понтонеры это отлично понимали. Невзирая на непрерывный обстрел пункта переправы артиллерией и минометами противника, неоднократные налеты его авиации, понтонеры роты старшего лейтенанта Д. П. Хрущева собрали паром и устроили пристани, а с наступлением темноты начали переправу танков и артиллерии на плацдарм.

На следующий день было несколько налетов авиации противника на пункт переправы, и при одном из них были повреждены три полупонтон — образовалось множество пробоев от осколков. Вода хлынула в отверстия, нависла угроза затопления парома с танками на середине реки.

Все понтонеры, находившиеся на пароме, во главе с командиром взвода лейтенантом Ф. А. Домахиным и командиром отделения сержантом И. Ф. Филатовым бросились на спасение, забивая пробойны аварийным материалом, выкачивая воду из полупонтонов, добиваясь удержания парома с танками на плаву. Бесстрашно действовали рядовые И. И. Котнев, А. И. Уваров, И. Ф. Смирнов и многие другие. Своим самоотверженным трудом они не дали затонуть парому и доставили танки на западный берег. При переправе рядовые Уваров и Смирнов были ранены осколками авиабомбы, но с парома не ушли до возвращения на левый берег.

Когда шли к левому берегу, паром вновь подвергся бомбардировке. При близком разрыве авиабомбы у парома были сражены осколками насмерть сержант И. Ф. Филатов и рядовой И. И. Котнев, тяжело ранены понтонеры рядовые И. И. Гуреев и И. И. Григорьев.

Несмотря ни на что, переправа действовала. Тяжелые грузы перебрасывались на западный (правый) берег Днестра.

В это время полк с остальным имуществом тяжелого мостового парка сосредоточивался у реки Днестр, и к исходу 16 апреля другая рота полка оборудовала вторую паромную переправу на реке Турунчук в полосе действия 46-й армии.

Ввиду необходимости переправы в основном легких грузов начальник инжвойск 46-й армии приказал разобрать тяжелые перевозочные паромы и навести мост под грузы весом 8 тонн.

Наводка восьмитонного моста полком никогда не осуществлялась.

Штаб полка во главе с начальником капитаном М. Д. Рождественским быстро разработал такую конструкцию мостовых

паромов. Мною был произведен расчет имущества по данным разведки реки, составлена схема моста и мостовых конструкций, и порядок сборки и ввода паромов в линию моста.

Понтонеры без предварительной подготовки быстро собрали паромы и сомкнули их в линию моста.

Мост был готов, и по нему сплошным потоком пошли воинские подразделения, артиллерия и обозы 46-й армии на правый берег реки Турунчук.

Противник трижды подвергал мост массированному налету авиации, но понтонеры всякий раз устраняли повреждения и движение по мосту не прекращалось.

Когда по мосту прошли основные подразделения и значительно расширили плацдарм по фронту и в глубину, стало легче: мост для артиллерии противника стал недосыгаем, и к тому же прекратились налеты авиации.

К исходу дня, когда солнце стало клониться к горизонту, с запада появились самолеты противника. Разделившись на группы, они нанесли бомбовый удар по позициям зенитных батарей, а затем, со второго захода, сбросили остаток смертоносного груза на мост. Он оказался разорванным в двух местах, были пробиты многие полупонтоны, затонуло более тридцати полупрогнонов, разбиты многие настилочные щиты, и часть их унесло быстрым течением реки.

Все, кто находился у моста, — офицеры, сержанты и солдаты — бросились на разборку поврежденной части моста и извлечение понтонного имущества из воды, но сильно деформированные взрывом металлические детали моста затрудняли разборку. Приходилось нырять под воду и там рубить соединительные зажимные и стрингерные болты.

Это был тяжелый и крайне опасный труд, ведь под водой усиливалась опасность быть контуженным или оглушенным навечно, а то и убитым водяным тараном от разрыва в воде авиационной бомбы, даже в отдалении.

А противник не уходил. Самолеты, как стервятники, кружились над поврежденным мостом. Два солдата, нырявшие под воду, во время очередной бомбежки были сильно контужены взрывной волной и еле смогли выбраться на берег.

Ночью налеты авиации прекратились, но и мы не могли работать в полной темноте.

Утром 18 апреля авиация противника усилила удары по мосту. Налеты продолжались всю первую половину дня. К 13 часам прямым попаданием авиабомбы была разрушена эстакада на левом берегу, вследствие чего затонули все конструкции остатка восьмитонного моста.

Измученные, подавленные, дни и ночи работавшие под непрерывными бомбежками, понтонеры 1-го батальона понесли не только физические потери. Не менее значительна была и моральная травма — уничтожены плоды изнурительного труда, почти все понтонное имущество пошло на дно реки.

Все работы были прекращены. Кто лежал в изнеможении или забыл, кто сидел, склонив голову, думая о чем-то, только ему известно. Ни офицеры, ни сержанты — никто не пытался подавать какие-то команды.

Так прошло около часа.

Немецкие самолеты, кружив над бывшим мостом и убедившись в полном его разрушении, удалились на северо-запад.

К переправе подъехала машина командира полка.

Подполковник А. А. Пономаренко, выйдя из машины, подошел к одной из групп солдат. Солдаты поднялись и обступили его. Подошел командир 1-й понтонной роты лейтенант И. В. Кузнецов, за ним командиры взводов лейтенанты И. И. Балин и Б. А. Титов и командир 2-й роты старший лейтенант Е. В. Маголин.

Все стояли молча, смотрели на командира, как будто хотели спросить: «С чем теперь будем воевать?»

Подполковник приказал построить роты.

Он медленно прошелся перед строем, вглядываясь в лица солдат, и вдруг весело сказал:

— Не узнаю сталинградцев! Или тут их совсем не осталось? А ну, сталинградцы, выйти из строя!

Из двух рот вышло не более пятидесяти человек. На гимнастерках многих из них блестела не одна медаль, а у некоторых были и ордена. Среди них были раненые.

— Да! Маловато вас осталось, но вы сталинградцы! Так я говорю? — сказал командир полка.

Весь строй зашевелился, загудел, люди приободрились, спины их выпрямились, лица повеселели. Усталость как будто сдуло набежавшим ветерком.

— А парк, други мои, нужно вытаскивать из воды, — продолжал командир, — ничего не поделаешь. А то какие же мы понтонеры без парка. Ну, а «меченые», которые с бинтами, все в санчасть, а остальные — к переправе. Все пойдем, и я с вами, как под Сталинградом.

Строй как будто всколыхнуло. Все заговорили, зашумели:

— Да, что же мы?

— Пойдем!

— Да мы и сами, товарищ подполковник.

После войны отдохнем.

Послышались команды командиров рот, взводов, сержантов, строй разделился на взводы, отделения, расчеты. В считанные минуты на берегу никого не осталось.

Высоко в небе кружила «рама». Не прошло и четверти часа, как над рекой появились самолеты противника. Один за другим они с воем пикировали на берега и на реку, где работали понтонеры, на остатки моста и эстакады.

В реке и на берегах непрерывно рвались авиабомбы, взметая вверх водяные и огненные столбы. В воздухе свистели осколки от разрывов бомб и зенитных снарядов, шипели, падая в воду и

остужаясь. Вода в Турунчуке бурлила, словно вот-вот закипит. И чуть только стихали взрывы, понтонеры вновь возобновляли работу.

Пока первый батальон разбирали конструкции затопленного моста, второй батальон, собрав из извлеченных и пригодных конструкций три тридцатитонных мостовых паромов, сплавом перегнал их на реку Днестр в район города Тирасполя, где совместно с батальоном 5-й понтонно-мостовой бригады навел наплавной мост под грузы весом в 30 тонн.

При наводке, обслуживании и спасении переправ на реках Днестр и Турунчук в районах Слободзеи Молдавской и Глиного отличились коммунисты — командиры взводов лейтенанты И. И. Балин, Б. А. Титов, командиры рот старшие лейтенанты Д. П. Хрушев, И. С. Радчик, лейтенант И. В. Кузнецов и командир первого батальона капитан Н. И. Тумасев. Подлинную отвагу и самоотверженность проявляли сержанты и рядовые понтонеры.

Коммунист старший моторист старший сержант И. В. Демин, буквально сутками не выходя из катера, под непрерывными артиллерийскими обстрелами и бомбежками выполнял различные работы. То водил паромы при паромной переправе танков, то вводил паромы в линию моста, то буксировал лесоматериал при строительстве пристаней и эстакад, перевозил раненых с плацдарма на левый берег, плавал с разведкой при уточнении русла реки и т. д.

Однажды, при буксировании тяжелого 50-тонного парома с танком, от длительной непрерывной работы и большой перегрузки раскаленный мотор катера БМК-70 вспыхнул, начали обгорать краска и масло, надвигалась угроза взрыва горючего и всего катера.

Отважный моторист не растерялся, заглушил мотор, окунул в реку свою телогрейку и накрыл мокрым ватником пламя на моторе.

Языки пламени и горячий пар от мокрого ватника обжигали руки моториста, но он не отступился.

Взрыв горючего и выход из строя катера были предотвращены. Через некоторое время, когда мотор остыл, старший сержант Демин спокойно продолжал рейс с танком на тяжелом пароме.

За этот отважный поступок и самоотверженный труд в течение всех дней переправы на реках Турунчук и Днестр старший сержант И. В. Демин награжден орденом Славы 3-й степени.

Ранее он был награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

Рядовой 1-й понтонной роты И. Ш. Шайдулин во время первого налета авиации противника на 8-тонный мост под непрерывными разрывами авиабомб, перебегая по мосту от понтона к понтону, забивал аварийным материалом пробойны в них.

Его примеру смелости и бесстрашия последовали другие понтонеры: комсомолец рядовой Н. Е. Андреев, коммунист рядовой А. П. Пахомов, беспартийный рядовой М. И. Каргин.

Рядовой И. Ш. Шайдулин за проявленные инициативу, смелость и бесстрашие награжден орденом Красной Звезды.

Коммунист командир транспортного отделения сержант А. А. Стариков первым, под обстрелом артиллерии и минометов противника, подвез полупонтон к реке, разгрузил его, и, когда уже был собран тяжелый паром, он принял участие в сопровождении его на правый берег. Во время следования фашистский самолет сбросил на него три бомбы. От близкого разрыва бомб паром получил много осколочных пробоин. Полупонтоны стало заливать водой. Нависла угроза затопления парома с танком на середине реки.

Находившиеся на пароме сержант Стариков и старший сержант Ф. В. Рябов первыми бросились заделывать пробоины в полупонтонах, не дожидаясь окончания налета авиации противника. Их примеру последовали все понтонеры из расчета старшего сержанта Рябова. Дружными усилиями и смелыми действиями они устранили все течи и непрерывно откачивали воду из полупонтонов. Паром с танком благополучно дошел до правого берега.

За этот подвиг сержант А. А. Стариков и старший сержант Ф. В. Рябов награждены орденами Славы 3-й степени. Понтонеры, участвовавшие в спасении этого парома, награждены медалями приказом командира полка.

Также орденами Славы 3-й степени были награждены начальник парома старший сержант А. П. Зимин, старший моторист младший сержант П. П. Маслов, парторг первой понтонной роты рядовой П. И. Кутын, старшие сержанты Н. Ф. Хельм и А. А. Хохлов и беспартийный ефрейтор Ф. И. Черняк.

Командир отделения сержант И. Т. Старичков был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

25 апреля 1944 года полк получил боевое распоряжение начальника инжвойск 3-го Украинского фронта навести понтонный мост под грузы весом в 8 тонн через реку Днестр в районе города Тирасполя.

По расчету штаба полка наличного имущества едва хватало на 130 метров. По данным взвода разведки, ширина реки в указанном пункте организации переправы с учетом устройства эстакад равнялась 127 метрам.

Из наличного имущества: полупонтонов — 13, полупрогонов — 77, щитов настилочных — 88 было принято решение собрать шесть паромов. Каждый паром собирать на двух полупонтонах и один замыкающий паром — на одном полупонтоне, прогоны уложить в три ряда по линии моста. Таким образом, удалось перекрыть всю ширину препятствия.

К 20 часам 26 апреля мост начал пропуск войск и грузов на западный берег реки Днестр в районе села Кицканы, где войска 37-й армии занимали небольшой плацдарм. Впоследствии расширенный, этот плацдарм явился местом концентрации войск для нанесения сокрушительного удара по немецко-фашистским войскам группы армий «Южная Украина» в Ясско-Кишиневской

наступательной операции Красной Армии и освобождении всей территории Советской Молдавии.

Переправа войск 37-й армии на Кицканский плацдарм проводилась по мосту только ночью. С рассветом мост разводился, паромы тщательно маскировались в прибрежных кустах и зарослях.

В районе села Коротное первым батальоном под командованием капитана Н. И. Тумасьева был собран мост через реку Турунчук под грузы весом в 16 тонн, длина — 62 метра. Этот мост действовал также только ночью. Кроме того, 1-му батальону были выделены штабом инжвойск 46-й армии два перевозных парома на лодках А-3, на которых батальон осуществлял переправу грузового транспорта и людей.

Стремясь отвлечь внимание противника от действующего в ночное время моста в районе города Тирасполя, штаб полка разработал систему устройства ложной переправы, которая была оборудована в 300 метрах ниже пункта мостовой переправы.

Ложная переправа непрерывно подвергалась интенсивному артиллерийско-минометному обстрелу. Эта хитрость помогала дольше сохранить действующий мост.

2-й понтонный батальон с другими инженерными частями, построив также деревянный мост в районе села Сукля, перебазировался в район села Бутор в полосу действий 8-й гвардейской армии.

С утра 10 мая генерал А. Д. Шененков — командир 57-й гвардейской стрелковой дивизии — поставил задачу командирам 172-го и 174-го гвардейских стрелковых полков переправиться на правый берег реки Днестр, западнее села Бутор, и занять оборону уступом в стыке 28-го и 4-го гвардейских стрелковых корпусов с целью закрепления этого выгодного рубежа местности в излучине реки Днестр и обеспечения дальнейшего расширения плацдарма и глубину обороны противника и на его фланги.

Река Днестр в этом районе представляла собой серьезное водное препятствие для наступающих войск.

Противник создал на западном берегу Днестра сильную оборону, используя выгодные условия местности, — господствующие высоты над ровной, поросшей редким кустарником поймой, которая простиралась в ширину до трех километров на всем протяжении от села Пугачены до села Шерпены.

Командир 1-го понтонного полка получил боевое распоряжение начальника инжвойск 8-й гвардейской армии сразу же после форсирования реки Днестр передовыми подразделениями гвардейских стрелковых полков навести понтонный мост под грузы 16 тонн после переправы основных сил стрелковых частей, организовать переправу танков и самоходно-артиллерийских установок в том же районе на пароме под грузы 50 тонн для обеспечения поддержки наступления пехоты и расширения плацдарма.

Ночью понтонеры батальона старшего лейтенанта А. А. Панченко сосредоточили понтонное имущество у реки юго-западнее села Бутор и с утра приступили к сборке моста. Сборка паромов

и ввод их в линию моста проходили под непрерывным интенсивным артиллерийско-минометным огнем, вследствие чего приходилось неоднократно прервать работу, перетаскивать имущество в другое более безопасное место.

С огромными трудностями, с затратой достаточно большого времени, но без потерь имущества, что позволило полностью перекрыть всю ширину реки. К 12 часам дня мост был готов.

В это же время к пункту мостовой переправы подошли части главных сил 57-й гвардейской стрелковой дивизии. Артиллеристы с пушками на конной и механизированной тяге, минометы, машины с боеприпасами, солдатские кухни, повозки дивизионных саперов с минами и колючей проволокой и с другим грузом быстро стремились пройти через мост.

Тут же по отделениям, один за другим, непрерывными цепочками по обеим сторонам колонн транспорта, пробегали мост бойцы-гвардейцы с пулеметами, с частями разобранных минометов, с коробками боеприпасов, стараясь как можно скорей добраться до твердой земли-матушки и укрыться от непрерывно летящих над головами снарядов, мин и осколков.

Несмотря на сильное зенитное прикрытие и смелые действия нашей истребительной авиации, методически, через 20—30 минут, вражеские бомбардировщики прорывались к мосту и успевали, хотя и в некотором беспорядке, сбрасывать бомбовый груз на переправу.

Еще не прошли мост последние подразделения, а передовые полки 57-й гвардейской стрелковой дивизии без особых потерь на переправе занимали рубеж по склонам высоток на противоположном берегу реки.

Паромную переправу танков и самоходно-артиллерийских установок решено было оборудовать прямо у Бутора под крутым обрывистым берегом.

На следующий день второй понтонный батальон полка сосредоточив имущество на крутом берегу, приступил к оборудованию. Левый берег Днестра возвышался над поймой реки и круто опускался вниз. Если для спуска к реке танков это место по своей крутизне было допустимо, то для автомашин с понтонами оно было опасно.

Командир батальона решил разгружать полупонтоны и полупрогоны у обрыва и на руках по скатам обрывистого берега спускать их к реке. Понтонеры волоком подтаскивали полупонтоны к обрыву и на канатах спускали их с кручи. Полупрогоны и настил подносили на руках и спускались с ними вниз, скользя и, зачастую, падая на осыпающихся склонах.

Обычно понтонеров радуют пасмурные, облачные или дождливые дни, что на их лексиконе называется благоприятной погодой, а тут, как назло, выдался ясный, солнечный и даже жаркий день.

Противник заметил работу понтонеров на обрывистом берегу, и в самый разгар работы обрушил шквал артиллерийского и минометного огня. Работы пришлось прекратить. А время не ждет

Командир батальона обратился к командиру полка за разрешением перенести пункт паромной переправы на другое место.

*Выслушав доклад старшего лейтенанта Панченко, командир полка сказал:

— Ну-ка, пойдем, я сам посмотрю, с народом поговорю, а помначштаба,— обратился он ко мне,— возьмет свой чемоданчик и приказы о награждении.

Понтонеры, увидав командира полка, с возгласами: «Батя! Батя идет!» — выходили из укрытий, где прятались при только что произведенном артобстреле противника, и быстро становились в строй по команде командиров рот.

Комбат старший лейтенант Панченко отдал рапорт.

— Подождем, — сказал командир полка, — вон еще один «храбрец» выглядывает из сарайчика. Ну-ка, герой, иди, иди сюда, да прямо ко мне.

Солдат подошел, стал перед строем и доложил командиру: «Рядовой Мелин».

— Так, так! А я тебя помню, — сказал подполковник, — раньше ты никогда не прятался от мин. Что, страшно?

Солдат смутился, покраснел, но ничего не ответил.

— Да ты не стесняйся и не говори, что не страшно, — продолжал командир и, обратившись к строю, сказал: — И мне страшно, честное слово, страшно. Только об этом не нужно думать. Война ведь. А я знаю, что вы все — молодцы и храбрые, и уверен, что все сейчас дружно будете работать назло врагу. А убить может и в тех сарайчиках и щелях, где вы укрывались. Понимаете? Нужно дружно, одновременно преодолеть этот скат, а там для противника мертвое пространство и самый берег ему не видно, — и, повернувшись в мою сторону, спросил: — А этому герою есть что в приказе?

— Медаль «За отвагу», — ответил я.

Командир взял из чемоданчика медаль, прикрепил ее к гимнастерке смущенному рядовому Мелину и, подтолкнув его в сторону строя, сказал:

— Становись в строй. Надеюсь на тебя, Мелин.

Далее я зачитывал приказ, называя фамилии награжденных, а командир прикреплял награды. Когда кончился приказ, он поздравил всех награжденных и сказал:

— Это тем, кто ранее заслужил, а остальные будут награждены после этой переправы.

Командиры взводов, сержанты со своими расчетами — все дружно побежали к понтонам и прогонам, и не прошло и получаса, как все имущество было спущено к самому берегу реки. Все работали дружно, слаженно, с задором, со смехом и прибаутками.

Уже у реки при сборке паромов, проходя мимо одного из расчетов, я услышал:

Вот Батя! Его даже немцы боятся, надо же, за все время, как он появился на переправе, немцы не сделали ни одного выстрела.

В этот момент послышался вой летящей мины.

— Ложись! — подал я команду.

Все залегли. Мина взорвалась невдалеке, но никого не задело.

— Ну, началось! — сказал тот же солдат. — Наверное, Бати ушел с переправы.

— Нет, что ты, вон они ходят, — ответил второй ефрейтор.

Паром и пристани были вскорости собраны, и переправа действовала бесперебойно, несмотря на непрерывные артиллерийские и минометные обстрелы.

Спустя пять дней после получения медали рядовой Мелин, находясь на дежурстве на пароме, когда осколками разорвавшегося снаряда были повреждены три полупонтона, бросился в воду к парому и под градом осколков очередного обстрела заделывал пробину, обеспечив тем самым сохранность парома на плаву.

Когда паром подошел к берегу, командир роты, наблюдавший за его действиями, сказал: «Молодец, Мелин, смело действовал!»

Понтонер с гордостью погладил висевшую на мокрой гимнастике медаль «За отвагу» и обратился к командиру роты: «Товарищ старший лейтенант, доложите Бате, что Мелин не подкачал и его доверие оправдал».

А вечером того же дня командир батальона докладывал командиру полка, что во время очередного артналета противника на переправу погиб смертью храбрых рядовой Мелин.

Во второй половине мая вода в реке Днестр стала быстро убывать, и понтонерам то и дело приходилось менять места причала, перестраивать пристани на обоих берегах реки. Перестройка пристаней под тяжелые грузы производилась каждые 2—3 дня, как в районе Бутора, так и на переправе, оборудованной 1-м понтонным батальоном в районе Красногорки, где также действовал тяжелый перевозной паром.

С целью сокращения сроков перестройки пристаней и в связи с отсутствием лесоматериала штаб полка разработал конструкцию комбинированной сборно-разборной пристани из табельного имущества полка и изготовленных стандартных деревянных элементов (рам, прогонов, лежней) неоднократного применения.

Такая конструкция тяжелой пристани вполне себя оправдала, сократив расход лесоматериала и занятых на перестройке пристаней понтонеров, а главное, время на перестройку пристаней. Собственно перестройки, как таковой, не требовалось, только производились разборка на старом, перемещение и сборка пристаней на новом месте в зависимости от понижения уровня воды в реке.

Наводкой и содержанием переправ через реки Турунчук и Днестр в первый период их преодоления полк обеспечил своевременное продвижение значительной части войск 37-й, 46-й, 57-й армий и 8-й гвардейской армии на западный берег для захвата и расширения плацдармов, которые впоследствии сыграли большую роль при подготовке и проведении Яско-Кишиневской наступательной операции войсками левого крыла 3-го Украинского фронта.

Через минные заграждения

С. В. КОВАНОВ,

бывший командир инженерно-саперного батальона 51-й инженерно-саперной бригады, подполковник-инженер в отставке

Е. Н. СТУПИК,

офицер штаба 51-й инженерно-саперной бригады, майор-инженер в отставке

«Саперы—основная часть инженерных войск—шли в первых рядах армии... Они пробивали дорогу пехоте и танкам. Они первопроходцы. Их задача—обеспечить боевые действия войск: проделывать проходы в заграждениях, переходы через овраги, рвы, надолбы, устанавливать заграждения»... Так написал генерал-полковник инженер А. В. Геловани. С ним трудно не согласиться, особенно тем, кто знаком с тяжелой саперной ношей не издавна, а по рассказам других, а на собственном армейском опыте.

Саперы первыми вместе с пехотой начинали переправы. Им не раз приходилось менять саперные лопатки на стрелковое оружие и вступать в непосредственный бой с противником. А за лаконичной надписью «Проверено. Мин нет» обычно скрывалась трудная, опасная работа, требующая мужества, трудолюбия, ювелирной точности и сообразительности.

У нашей бывшей 51-й инженерно-саперной Днепродзержинской Краснознаменной бригады — большой боевой путь. Но мы расскажем только о боях за Молдавию, участниками которых нам пришлось быть.

После переправы наших войск через Южный Буг в марте 1944 года подразделения саперов бригады обеспечивали продвижение войск 46-й армии, которая во взаимодействии с войсками 37-й армии и конно-механизированной группы генерал-лейтенанта Плиева вела наступательные бои в направлении Березовка—Раздельная. Задача перед войсками стояла четко определенная: отрезать пути отхода одесской группировке немецко-фашистских войск в Молдавию и Румынию. 10 апреля 1944 года, в день освобождения Одессы, мы вышли к Днестру на участке Беляевка—Незавертайловка—Слободзея.

Наступать в условиях весенней распутицы было чрезвычайно трудно. Дороги представляли собой сплошное месиво. Везде стояли разбитые или застрявшие и брошенные немецкие автомобили, танки, орудия. Двигаться целиной или по полю тоже было невозможно, машины увязали в грязи.

Несколько легче было тем, кто располагал конной тягой. Поэтому саперы бригады оказались в лучшем положении.

Шел солдат по этой грязной весенней дороге, нес на себе все, что требовалось ему для боя и для окопного житья-бытья, благодарил старшину за крепкие кирзовые сапоги, благодарил судьбу, если на ночлег попадал под крышу уцелевшего дома, куда наби-

валось столько людей, что дремать приходилось стоя, плотно прижавшись друг к другу. Но даже такое воспринималось в те дни как великое фронтовое благо.

На подходе к Днестру войска противника отступали поспешнее, у переправ бросали зенитные установки с запасом боеприпасов, автомашины, повозки — правда, без лошадей, штабные документы, чемоданы с награбленным.

Захваченные в плен в днестровских плавнях румынские солдаты рассказывали, что на переправе у Троицкого в первую очередь пропускали немцев. Остальным же и переправиться не удалось.

В ночь на 11 апреля, выйдя к Днестру у Троицкого, саперы 1-го батальона бригады под руководством начальника штаба батальона капитана Г. В. Корешкова с помощью местного населения собрали в плавнях 56 рыбацких лодок. Целая флотилия, надежно спрятанная крестьянами от немецко-румынских войск!

Утром саперы приступили к разведке мест возможных переправ через основное русло реки, а также к восстановлению мостов на дороге через плавни, идущей на Коркмаз.

В тот же день более 40 крестьян из Троицкого решили добровольно вступить в ряды Красной Армии и тут же, по договоренности с местными органами власти, были зачислены в состав 1-го батальона.

Через несколько дней, не ожидая подхода отставших на дорогах табельных переправочных средств, используя собранные рыбацкие лодки, саперы батальона переправили сначала пехоту, а потом, соорудив на лодках паромы, — полковую артиллерию и конный транспорт.

Другие батальоны бригады обеспечивали переправу войск 46-й армии в районе Коротное, Глиное, Чобручи и захват плацдармов Пуркары — Раскаецы.

При захвате плацдармов на правом берегу Днестра наши войска испытывали тройную трудность. Надо было переправиться через бурно текущую весеннюю реку, прорваться сквозь заградительный огонь и сломить сопротивление противника, одолеть высокий правый берег, сильно изрезанный балками и оврагами.

В середине апреля наступило потепление. От быстрого таяния снега в Карпатах вода прибывала, река вышла из берегов и залила низины, плавни, дороги, особенно между Турунчуком и Днестром, где саперам бригады нужно было любыми способами сохранить пути, соединяющие левый берег с плацдармом. Приходилось день и ночь вести выстилку fascин, обваловку, устройство водоотводных канав, строительство мостов.

Особенно сложным был участок в районе села Глиное, куда был переброшен из Троицкого и 1-й батальон с лодками. Повозки и артиллерия перебирались через реку почти вплавь, переложив кое-какой груз на лодки саперов. Саперам приходилось помогать выбираться застрявшим среди пней и кустов пушкам

и подводам, добираясь к ним по пояс в грязной и холодной воде. Они строили и обслуживали паромные и мостовые переправы на плацдарм, куда переправлялись войска, боеприпасы, питание, а обратно вывозились раненые.

Захваченные плацдармы были сравнительно небольших размеров, но, чтобы их укрепить, приходилось проводить крупные инженерные работы. Плацдармы имели развитую сеть траншей, ходов сообщения, различные укрытия, ибо войскам находящимся на плацдарме, требовались надежные укрытия. В последующем при подготовке к наступлению, на маршрутах движения танков по заболоченным участкам укладывался настил из бревен, который тщательно маскировался.

Работу по укреплению плацдарма выполняли сами войска дивизионные, полковые саперы и саперы бригады.

Передний край обороны на плацдармах укреплялся за счет установки минных полей и проволочных заграждений. Только саперы бригады установили перед передним краем наших войск 20 700 мин.

В боевой характеристике 3-й роты 2-го батальона нашей бригады написано: «...За период работы с 30 мая по 15 июня 1944 года по установке минных полей и проволочных заграждений перед передним краем обороны 236 сд личный состав роты, показал себя боевым, дисциплинированным, знающим инженерное дело, способным выполнять любое задание командования».

...За короткий промежуток времени рота установила свыше 1500 мин и более 1000 погонных метров заграждений из колючей проволоки (спираль Бруно, забор, рогатки), не имея случая ЧП.

Правильно продуманная командиром роты старшим лейтенантом Юхневичем, офицерами, лейтенантом Финевым, младшим лейтенантом Митропольским, командиром взвода Логвиновым, организация работ, высокое морально-политическое состояние сержантского и рядового состава способствовали досрочному и отличному выполнению заданий.

Особенно высокие образцы работы показали старшие сержанты Сурцев, Исайкин, рядовые Коба, Черный, Ткаченко, Федюнов, Тарусин, Чуприна, Смирнов, Кравец, Макаров, Вакула, Баранов. Ходатайствую перед командованием бригады о представлении к награде оличившихся при выполнении задания

Командир 236 сд, дважды Герой Советского Союза генерал-майор *Фесин*

Дивизионный инженер 236 сд, подполковник *Таран* 18 июня 1944 г.»

Противник неоднократно предпринимал попытки сбросить наши войска с занимаемых плацдармов, после авиационных и артиллерийских налетов шел в наступление, но успеха не добивался. Наши войска прочно удерживали захваченные позиции, постепенно укрепляли их, совершенствовали оборону, накапливали силы и готовились к наступлению.

При одном из авиационных налетов погиб секретарь партийной комиссии политотдела бригады майор С. Филиппов, работавший до войны секретарем Петергофского райкома партии, принципиальный, простой, душевный человек.

Похоронили майора Филиппова в Глином. Там же похоронены и другие наши боевые товарищи — старшина И. И. Козлов, старшина Н. Ф. Горохов, рядовые П. И. Мохов, Г. В. Митрофанов.

Саперам приходилось принимать участие в отражении атак противника. 14 мая на участке стрелкового полка, где работали саперы 1-го батальона, группа противника численностью до роты пошла в наступление. Рядовой Козырев, находящийся в боевом охранении, первым пошел в контратаку, увлекая за собой пехоту, которая отбросила противника на исходные позиции. А через некоторое время саперы снова приступили к минированию.

18 мая при отражении наступления противника был тяжело ранен командир роты 1-го батальона старший лейтенант Беланов, молодой коммунист, принятый в партию на фронте.

В середине мая неожиданно для состава бригады произошла смена командования бригады. Убыли к новому месту службы полковник А. Ф. Визиров и подполковник А. Н. Бесклубенко.

Новым командиром бригады был назначен полковник П. М. Пузыревский. У него был большой опыт работы в инженерно-саперных частях, в которых начал служить еще в годы гражданской войны. Прошел путь красноармейца, командира взвода, роты, батальона, дивизионного инженера, участвовал в Сталинградской битве.

Начальник политотдела бригады — майор М. В. Санников, участник боев у озера Хасан, с первых дней войны не выходивший из окопов. Вместо погибшего майора Филиппова заместителем начальника политотдела стал майор Дялько.

На рассвете 23 мая после полуторачасовой артподготовки, при поддержке авиации, танков и штурмовых орудий противник предпринял наступление на плацдарм. В течение дня атаки повторялись несколько раз, но все они были успешно отбиты. Большую роль при этом сыграли минные поля. Первая линия наступающей пехоты противника (230—300 человек) подорвалась на противопехотных минах. После таких потерь противник подрывным способом (удлиненными зарядами) проделал проходы в минных полях и добрался до наших первых траншей. Но на противотанковых минах подорвалось четыре танка, и наступление опять захлебнулось. Большинство установленных минных полей были значительно повреждены. Бригада получила задание: срочно восстановить боеспособность минных полей.

Выполнение этих работ было возложено на 4-й батальон. Вспомогая работу по восстановлению минных полей, поврежденных

противником на плацдарме, бывший командир батальона капитан, а ныне генерал-майор А. В. Пайков рассказал:

«Получив задание на восстановление минных полей, батальон не получил о них полных данных. Отчетные карточки минирования не отличались достоверностью. Да и местность после артиллерийского огня противника настолько изменила свой первоначальный вид, что полковые и дивизионные саперы даже визуально не могли точно указать границы минных полей.

На выполнение работ были назначены самые опытные саперы — группами по 4—6 человек на каждый участок.

Первый день был по существу разведкой участков минирования. Днем визуально, используя возможные средства маскировки — кусты, многочисленные воронки от разрывов, а ночью с выходом за передний край обороны, на нейтральную полосу. Интенсивный пулеметный огонь противника, периодическое освещение местности ракетами не давали возможности поднять головы. Все делалось ползком, осторожно и по возможности бесшумно, не привлекая внимания противника, прощупывая метр за метром.

В первую ночь были установлены только противотанковые мины за первой линией наших траншей.

В первый день разведки пришлось испытать горечь утраты нескольких товарищей».

Каждому ночному выходу на минирование предшествовало дневное изучение участка предстоящей работы. Этим занимались командиры рот, взводов, рядовые саперы и сам командир батальона.

Подразделения пехоты, находящиеся в обороне, оказывали саперам всяческую помощь. Пехотинцы указывали места интенсивного огня противника, выставляли свои пулеметные расчеты для прикрытия работающих саперов.

На специальном полигоне, в удалении от переднего края, были организованы дневные тренировки групп минирования, в ходе которых проверялись знания, навыки, уточнялись действия групп.

Представитель штаба бригады майор Е. Н. Ступин, офицер с большим боевым опытом и знаниями, одобрил действия батальона, помог сравнительно быстро и четко наладить работу по восстановлению минных полей методом, не предусмотренным действующими наставлениями.

Восстановление минных полей продолжалось двенадцать суток. После того как минирование было закончено, командиры пехотных подразделений, находящихся в обороне, проводили нас в тыл. На прощанье один из них сказал: «Чтобы заложить минное поле, недостаточно быть только минером. Нужно быть и смелым солдатом»... Такая похвала пехотинцев, которым самим мужества и храбрости не занимать и которых таковыми не удивить, была для нас в высшей степени почетной. Действи-

ельно саперы показали высокую профессиональную воинскую подготовку находчивость мужество и самоотверженность.

За выполнение задания по восстановлению минных полей 36 солдат сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями

К сожалению, часть наших боевых товарищей погибли или получили ранения. Раненые были вынесены с минных полей, отправлены в госпиталь. Погибших хоронили с воинскими почестями

Как уже говорилось, война внесла свои коррективы в действующие наставления по минированию.

Организация работ по восстановлению разрушенных минных полей проводилась по двум вариантам.

Первый вариант При расстоянии между первыми траншеями нашей обороны и противника более 200 метров иногда была возможность поставить новое минное поле впереди ранее установленного. Для этого предварительно проделывались и ограждались проходы шириной 5 метров на всю глубину минных полей через каждые 70—100 метров. От наших траншей и далее вокруг минных полей натягивалась проволока (телефонная) в одну нитку на кольях. Вдоль этой проволоки производилась проверка на мины, проверялось также и место для размещения нового поля. После этого проводилось минирование противотанковыми минами, затем противопехотными. Был случай, когда наше минное поле было установлено за минным полем противника, ближе к его траншеям.

Второй вариант. Вследствие близкого расположения переднего края противника (70—150 метров) мины ставились по старым минным полям

Чтобы поставить мины на ранее установленные и разбитые артогнем противника минные поля, предварительно производилось разминирование. Расчищали полосы параллельно минному полю шириной 3 метра. Группа разграждения состояла из четырех саперов: два сапера с короткими щупами и кошками проверяли наличие мин и обозначали проход, два сапера ставили колышки и натягивали проволоку. Места для продольных проходов выбирались между рядами ранее установленных мин для того, чтобы избежать операций по обезвреживанию мин. Встретившиеся мины старались стащить кошками в воронки или подорвать. Но саперы делали все, чтобы избежать взрывного способа уничтожения мин, так как это всегда вызывало обильный огонь противника и задерживало работу

Работы по восстановлению минных полей, особенно по второму варианту, были трудоемкими и опасными, с потерями личного состава.

По мере стабилизации переднего края обороны саперы бригады вели большие инженерные работы в глубине нашей обороны — строили дороги, мосты — в том числе один подводный, наблюдательные и командные пункты.

При подготовке к наступлению в глубине нашей обороны нами был воспроизведен, по данным разведки, передний край обороны противника со всеми видами заграждений. Только мины были без взрывателей. Здесь и проводились тренировки подразделений наших войск по преодолению препятствий.

Район строительства мостов у населенных пунктов Чобручи, Глиное, Раскаецы, Коротное через Днестр и Турунчук подвергался постоянному обстрелу противника. Уровень воды в реках менялся, что создавало дополнительные трудности. Но при всех неблагоприятных условиях к моменту наступления мосты были готовы.

На одном из протоков старого русла Днестра саперы бригады построили подводный мост длиной 84 метра, который создал возможность свободного и более короткого выхода войск на Пуркарский плацдарм. Мост был построен в течение девяти ночей. А дело было так.

После тщательно проведенной разведки было выбрано место для строительства основного моста и ложного.

Старое русло Днестра, где было намечено строительство моста, имело ширину 80—85 метров, глубину 2—3 метра. Дно топкое с метровым слоем ила. Поверхность реки почти на всем протяжении затянута сплошными водорослями. Вода стоячая, что создавало хорошие условия маскировки подводной части моста, без значительного его заглубления.

В 6 километрах от места строительства заготовили материалы, потом доставили их на лошадях. Первые три дня на заготовке работал весь батальон, а в последующие дни только одна рота.

Особенно трудно было выбрать материал для свай, так как прямых стволов не было. Пришлось вытесывать элементы моста из кривых деревьев.

Каждый командир взвода имел рабочие чертежи элементов моста со всеми размерами. Сначала производилась пробная забивка свай — одна на опору. Уточнив размеры, легче было заготавливать остальные.

Забивание свай проводилось с паромов, одновременно с двух берегов. Тут же подгоняли их.

Два сапера в плавательных костюмах устанавливали симметрично насадку над сваей, затем, надавив руками на концы, топили ее. Третий сапер после выверки насадки с малой лодки забивал штыри через трубку. В насадке предварительно просверливались отверстия.

На сборке пролетного строения работало с каждого берега по две команды. Одна команда осуществляла сборку блоков пролетного строения, состоящих из прогонов настила и колесотбоя, и спускала их на воду.

Вторая команда заводила блоки между опорами, а концы прогонов с одной стороны закрепляла на насадке. Для маски-

ровки от наземного и воздушного наблюдения противника все оставшиеся от ночной работы материалы тщательно убирались и прикрывались.

Сваи забивались через куски автомобильных изношенных покрышек, что почти полностью поглощало звуки. Лезвия топоров, которыми забивали гвозди и мелкие штыри, плотно обматывали мокрой тряпкой, от чего звуки удара получались глухими. Для отвлечения внимания противника на месте ложного строительства было забито несколько свай, оставлена часть материалов, разбрасывались по воде щепки, забивали топорами в дерево скобы и штыри. Звуки хорошо были слышны противнику. На них он и ориентировался, посылая свои снаряды и мины.

Строительство подводного моста производили подразделения 3-го батальона, которым командовал майор А. М. Егоркин. Техническое руководство, как всегда, осуществлял офицер штаба бригады майор Е. Н. Ступин.

Вспоминается такой случай. Мост был готов 15 августа. В 23.00 к мосту прибыл бронетранспортер. Командир бригады полковник П. М. Пузыревский дал указание командиру бронетранспортера двигаться на противоположную сторону протоки в направлении ориентира — двух зеленых фонарей.

Вместо перил — два шнура. Командир бронетранспортера возмутился и сказал, что он не намерен топить машину. Тогда полковник Пузыревский дал команду: «За мной», а сам пошел в воду, ступая по настилу моста. За ним прошел и бронетранспортер...

В условиях стабильной обороны, когда активные действия не велись, а в сводках Совинформбюро сообщалось: «На таком-то участке — без перемен», расширялись возможности проведения большой партийно-политической, агитационно-массовой работы среди личного состава.

Проводилась она под руководством командира бригады полковника П. М. Пузыревского и начальника политотдела бригады полковника М. В. Санникова, которые очень часто бывали в подразделениях.

Шло обучение прибывшего пополнения. Проводилось оно по сокращенной программе. Главное — дать первоначальные навыки общевоинской подготовки, поделиться практическими знаниями по саперному делу.

Партийно-политический состав политотдела бригады и батальонов оказывал помощь секретарям партийных и комсомольских организаций в проведении собраний, оформлении документов по приему в партию и комсомол, вели разъяснительную работу, разбор удач и неудач в боевой работе подразделений, показывали доблесть, мужество и героизм воинов, отличившихся при выполнении боевых заданий. Товарищеская беседа, разговор по душам приносили взаимное доверие, уверенность в своих силах.

Успехи Красной Армии на всех фронтах были очевидны.росло чувство гордости за нашу Родину.

Все ждали наступления, чтобы добиться скорой Победы.

И этот день пришел. В ночь на 20 августа 1944 года саперы проделали проходы в заграждениях, своих и противника, приготавливались пропустить советские войска.

Наступление началось мощной артиллерийской и авиационной подготовкой.

Подразделения нашей бригады обеспечивали наступление войск 46-й армии с плацдарма Раскаецы — Пуркары, где действовали три наших батальона, и через Днестровский лиман на Белгород-Днестровский, где действовал 4-й батальон совместно с понтонерами. Помогали им и корабли Дунайской флотилии.

Получив задание, 4-й батальон бригады за два ночных перехода из района Незавертайловки прибыл в Овидиополь, где поступил в оперативное подчинение руководителя особой группы войск заместителя командующего 46-й армии генерал-лейтенанта А. Н. Бахтина, от которого командир батальона капитан А. В. Пайков получил боевое задание — подготовить расчеты для десантирования штурмовых отрядов морской пехоты через Днестровский лиман на складных фанерных лодках ДСЛ, резиновых трофейных лодках типа А-3 и рыбацких лодках, а также выделить в состав каждой десантной группы по три сапера, подготовленных и оснащенных для разминирования, снятия заграждений противника на участках высадки десантов и обеспечения продвижения штурмовых групп на захваченном плацдарме.

Форсирование лимана было намечено провести на двух самостоятельных участках — южнее и севернее Белгорода-Днестровского. На подготовку было дано двое суток.

Весь строевой состав батальона был распределен по десантным средствам. Используя опыт предыдущих переправ на Днепре, Южном Буге и Днестре, особое внимание мы обратили на подбор состава расчетов, их экипировку, подготовку, порядок действий, определение пунктов сбора и методы поддержания связи между подразделениями в командовании. В новом пополнении батальона оказались и местные рыбаки, для которых первая боевая задача была связана с привычным делом — управлять лодкой. Они вместе со старослужащими успешно участвовали в переправе штурмовых отрядов морской пехоты.

Расчеты саперов заблаговременно были разведаны по десантным подразделениям.

Одним из участков переправы руководил сам командир батальона, капитан А. В. Пайков, другим — его заместитель, капитан Г. Г. Нериновский.

Форсирование Днестровского лимана началось в ночь на 22 августа без артиллерийской и авиационной подготовки и явилось для противника неожиданностью.

Бесшумно плыли лодки. Десантники строго соблюдали маски-

ровочную дисциплину. Первоначально планировалось, что грести будут только саперы, чтобы сохранить силы личного состава штурмовых отрядов. Но в действительности на веслах работал поменно весь состав десанта. Переправа длилась несколько часов, так как ширина лимана достигала 10 километров.

Впереди штурмовых отрядов действовали группы разграждения, которым на отдельных участках пришлось снимать провололочные заграждения и небольшие минные поля, обеспечивая тем самым продвижение десанта и захват плацдарма.

Противник с опозданием обнаружил десант и открыл сильный огонь. Но тут в бой вступили корабли Дунайской флотилии под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова.

В то же время, вслед за штурмовыми отрядами, высаживались на берег противника и остальные силы особой группы войск 46-й армии, переправляемые другими частями инженерных войск фронта.

Противник предпринял несколько попыток оказать сопротивление нашим войскам и сбросить их с захваченного плацдарма, но попытки оказались безуспешными.

Наступление наших войск развивалось успешно. Одни за другими освобождались села и города Молдавии.

В последнюю декаду августа почти каждый день, а иногда и два раза в день, столица нашей Родины Москва, по приказу Верховного Главнокомандующего, салютовала доблестным войскам Красной Армии.

В приказах Верховного Главнокомандующего были указаны особо отличившиеся части и соединения, личному составу которых объявлена благодарность. В их числе были и саперные подразделения нашей бригады.

Изгнав немецко-фашистские войска с территории Украины и Молдавии, наши войска вышли на Государственную границу СССР по реке Прут.

Монастырская тайна

А. М. МИСОЧНИК,
*подполковник милиции в отставке
член Союза журналистов СССР*

Шел апрель 1944 года. Весна уже будила землю, а весенние приметы в том году были особенные, неповторимые. Люди высматривали в небе птиц с красными звездами на крыльях и прислушивались к приближающейся канонаде пушек, как к раскатам первого благодатного грома. Красная Армия, выметая с нашей земли фашистских захватчиков, несла людям вместе с освобождением весну. Волны могучего наступления докатились и до Днестра. Утром 6 апреля жители Резины, Сахарны, Алчедар и других сел на правом берегу обнимали бойцов-освободителей.

Колонны наступающих войск спешили на запад. Жители спасенных от фашистов городов и сел принимались налаживать новую жизнь. Делать это было чрезвычайно трудно. Полное разорение, пепелища, нехватка самого необходимого, а тут еще подрывные вылазки бандитов, оставленных врагом, стрельба из-за угла, панические слухи. Кому-кому, а чекистам и работникам милиции в то время хлопот доставало. И удавалось справляться со всеми этими хлопотами, благодаря широкой и добровольной помощи населения.

Простой чабан из Алчедар наткнулся на зарытый в землю парашют. У чабана свои заботы — пасти овец. Какое ему дело, что лежит в яме припрятанный парашют? Но чабан отнес находку куда следует, и вскоре милиция схватила немецкого диверсанта.

Подобных примеров Владимир Полудненко мог бы привести десятки. Он в это время был у всех на виду в Резинском районе, по должности своей обязан был находиться в курсе всех событий, так как занимал пост начальника районного отделения НКГБ.

Монастырская история началась тоже с сообщения одного добровольного помощника.

Пришел однажды перед вечером к дежурному настырный старик и потребовал, чтобы его незамедлительно пропустили к «самому товарищу начальнику». Полудненко принял его и через пять минут уже взволнованно вышагивал по кабинету взад-вперед, не зная, верить или нет услышанному. Было чему удивляться: в местном, то есть Сахарнянском, монастыре, по словам старика, засела вооруженная до зубов группа немецких и румынских офицеров.

Это могло быть правдой: враг бросался на всякие уловки, пытаясь навредить советским властям в тылу как можно больше, но подобные сообщения бывали и провокацией. В данном случае

можно было этого опасаться. Монастырь был женский. Полуденко представил себе, как его сотрудники шагают по монастырскому двору, принимают меры к розыску по заявлению старика, проникают в кельи, обшаривают все уголки и... не находят ни одного вражеского офицера. От такой картины стало как-то не по себе. Все злостные антисоветские элементы не преминули бы, конечно, воспользоваться ошибкой милиции. Вот, дескать, смотрите, сказали бы они, как надругались большевики над божьими дочерьми, как под видом поисков несуществующих врагов разгромили святую обитель. Найдутся такие, что поверят в эти рассказы... Однако и оставить полученный сигнал без внимания было бы неразумно.

На рассвете следующего дня выдавший виды фронтовой «виллис» по разбитой, давно не мощенной дороге мчал начальника отделения Владимира Полудненко и старшего лейтенанта Николая Морозова в Сахарну.

В двух километрах от села, в скалистых ущельях, над которыми на несколько километров растянулся густой лес, раскинулась усадьба монастыря. В хорошие солнечные дни купола его далеко видны, сияют, как золотые. А чуть подальше от монастыря несет быстро вниз, в Днестр, чистые как слеза воды ручеек. Старожилы утверждали, что это не простой ручей. Его целебные воды помогают избавляться от различных недугов. Пьют «божью» водичку не только люди, одетые в черные рясы, но и жители окружающих сел.

Обитательницами его были молодые девушки и женщины в возрасте. И этот женский монастырь сейчас занимал мысли двух людей, сидящих в машине.

Мимо монастыря они проехали, сбавив скорость. Угрюмый забор, окованные железом ворота. За забором — церковь, черепичные крыши над какими-то строениями.

Что там за жизнь? Какая тайна скрыта? Правду ли сказал старик? Кто они, сколько их, где прячутся?

Чекисты в «виллисе» ответить на эти вопросы не могли. «Как их обнаружить и задержать?» — беспокоился капитан Владимир Варфоломеевич. Человек он бывалый, опытный, рассудительный; долгие годы работал в органах разведки. Но такого у него в практике не случалось.

Свой оперативный путь чекиста он начал в незабываемые дни 1940—1941 гг. После окончания Высшей Московской школы его направили работать оперативным уполномоченным Оргеевского уездного отдела. Во многих сложных операциях он участвовал после освобождения Бессарабии, но будучи рядовым сотрудником. Другое дело сейчас. Разные планы роились в голове. Много вариантов. Один сменялся другим... «Загадочно все же появление фашистских офицеров в монастыре. Как они попали туда, почему не ушли со всеми отступающими? Сколько их, есть ли оружие?»

Проехали монастырь молча и направили машину по длинной сахарнянской улице к хате, покрытой соломой, над которой трепетал похожий на огонек кусок кумача.

Гостей из НКГБ и милиции в сельсовете встретил человек в потертом полушубке и высокой бараньей шапке.

— Что вас привело к нам в такой ранний час? — спросил он.

— Дела, конечно, только дела, — улыбаясь ответил Полудненко.

— Нужен председатель.

Дежурный пожал плечами. Скорее всего, поднялся спозаранок и подался на сельсоветской двуколке объезжать села — у него ведь своих дел полным-полно.

— Давно живете в Сахарне? — поинтересовался Полудненко.

— С рождения, — последовал ответ.

Беседа в сельсовете длилась часа полтора, дежурный был осведомлен о всех перипетиях сельской жизни. Кое-что знал он о монастырских порядках. Отца Макария, ранее настоятеля мужского монастыря, ставшего затем духовником женского, охарактеризовал как человека весьма уважаемого в Сахарне. С крестьянами приветлив, при случае любит подать совет. По происхождению воронежский, но в Молдавии давно, еще со времен первой мировой войны. С румынскими властями уживался хорошо. Назначался настоятелем богатых монастырей. Как сейчас ведет себя? Да вроде ничего предосудительного нет. Налоги платит исправно. А там кто его знает, закончил дежурный. О том, известно ли ему, что в монастыре скрываются гитлеровцы, его не спрашивали, но попросили назвать сахарнянских женщин, которые частенько ходят в монастырскую церковь.

— Есть такие, хоть и не считал всех, — усмехнулся он. — Бегают по воскресеньям грешки замаливать...

Отобрали с десяток имен, составили список, и, не теряя времени, Полудненко с Морозовым приступили к опросам по «монастырскому делу». На это ушло несколько часов. Женщины, потупив взор, испуганно теребили концы косынок и никак не могли понять, что от них хотят. Когда же их спрашивали, видели ли они в монастыре немецких или румынских офицеров, то краснели, крестились и бормотали: «Как можно? Это же монастырь женский».

Чекисты уже склонны были считать время, затраченное на опросы, начисто потерянным, как вдруг мелькнуло нечто похожее на путеводную нить. Одна из крестьянок назвала имя некой Аники, которая приняла постриг и пошла в монахини совсем недавно, перед приходом наших войск в Сахарну. А причиной тому была несчастная любовь к господину локотенент-колонелу, то есть к румынскому подполковнику.

...Аника — красивая, стройная девушка. Только большие голубые глаза выглядывают из-под черного платка.

...Взгляд ее был хмурым. Смотрела то на стену, то на дверь.

Ни разу не взглянула на собеседников. Чувствовалось, что волнуется, нервничает, заламывая пальцы рук.

«Почему меня вызвали? Что случилось? Что они от меня хотят? — вздрагивала при воспоминании об Ионе. Неужели они узнали о моей любви к нему?»

Разговор с Аникой тоже был не из легких. Как ни старались Полудненко с Морозовым убедить монахиню, что они ее пригласили просто так, что такая у них работа и надо перезнакомиться со всеми жителями села, сам факт, что вызвала ее милиция, приводил девушку в трепет.

Вошла робко, сесть отказалась. Так и стояла, прислонившись к стене. Потупила взор. И каждое слово цедила сквозь зубы.

Как вам живется в монастыре?

Молчание. И потом, едва шевеля губами.

Не знаю. Работаю.

Сколько девушек из Сахарны вошли вместе с вами в монастырь?

Я... только я.

Почему? Что вас заставило?

Аника заплакала. Чекисты переглянулись.

Полудненко поднялся из-за стола, подошел к девушке, стал успокаивать, предложил выпить воды.

Она пригубила стакан, с трудом сделала несколько глотков.

Все бывает в жизни, утешал Полудненко. Совершить ошибку легко. Все ошибаются. Только скажу вам откровенно из-за такого подлеца, как этот локотенент-колонел, не стоит губить свою молодость..

Монахиня затаила дыхание, испуганно взглянула на чекистов и вдруг разрыдалась, громко, не таясь. С ее губ срывались какие-то слова, но частые глубокие всхлипывания мешали их уловить. Полудненко легонько взял девушку за локти, повел к стулу и усадил. Рывания понемногу стихали. Теперь, хоть и с трудом, можно было что-то разобрать в ее бормотании.

Он уже не локотенент-колонел.. больше не локотенент-колонел.

Разве он убит или попал в плен?

Аника отняла руки от заплаканного лица, потянулась за стаканом, жадно допила воду. Вопросы словно не слышала, а продолжала о своем, вздыхая и еще всхлипывая.

Сама видела: сорвал погоны.. при мне сорвал. Я, говорит, не хочу войны.. Женюсь на тебе..

Хоть Полудненко с Морозовым не очень хорошо знали монашеские обычаи, но, услышав о женитьбе, возразили:

Это в монастыре-то жениться? Такого быть не может.

Девушка сказала, указывая на свое одеяние.

Вы про это? Уехала бы отсюда.

Капитан перебивая проговорил в упор:

— Для этого надо еще из монастыря вырваться. Немцы его не выпустят подобру-поздорову. Помогите нам накрыть фашистов. А?

— Они убьют меня, Иона — тоже...

— Только вы нам можете помочь, — повторил Полудненко. — Если мы их накроем, они вас не убьют.

Аника задумалась. Ей, видимо, стало ясно, что органы знают все. Слова и доверительный тон, которым говорил с ней Полудненко, действовали успокаивающе. И просьба его была прямой, понятной. Но сказать «да» не решалась.

— Угрожают? — спросил капитан.

Она не ответила. Устремила взор в окно, будто ждала увидеть там кого-то, и упавшим голосом начала свою грустную исповедь. Говорила долго, с частыми паузами, сбивалась, теряла нить повествования, несколько раз пускалась в слезы, и чекистам приходилось ее успокаивать и подбадривать. Никаких записей, конечно, не делали. Понять девушку и запомнить ее рассказ было и без того нетрудно. Если отбросить всякие подробности, история сводилась вот к чему.

...То ли случайно так вышло, то ли по чьей-то услужливой подсказке, но однажды в дом, где жила Аника с матерью, привели на постой прибывшего в Сахарну молодого бравого локотенент-колонела. Повеса в офицерском мундире не был обременен служебными делами, к тому же скука в тыловом селе стояла дремучая. Чем прикажете ему развлекаться, как не амурами? Так что не заметить Анику и не вспылать к ней любовью он не мог.

Локотенент-колонел шагу не давал ей ступить. Клялся, божился, что любит, горячо мечтал о женитьбе, строил планы совместной жизни.

Не устояла Аника, поверила. Но как только он добился своего, все изменилось. О женитьбе уже ни звука, а потом под благовидным предлогом попытался улизнуть, переехал на другую квартиру. Позор для девушки. Аника с горя руки хотела на себя наложить. Нашла утешение в монастыре. От стыда перед людьми сбежала туда. Думала: конец ее женской доле, заживо схоронила себя в тесной монастырской келье.

Но вышло все по-иному и, главное, неожиданно-негаданно. Объявился вдруг перед ней ее локотенент-колонел, рвет с себя погоны и говорит: «Дорогая моя Аника. Больно мне сознавать, что ты плохо подумала обо мне. Я тебя по-прежнему крепко люблю и бросать не собираюсь. А ушел тогда от тебя, к тому обстоятельству вынуждал. Видишь, какое время настало. Никто не может друг другу никаких гарантий давать. Но теперь я решил нашу судьбу. Никуда я больше не поеду, остаюсь с тобой. Вот только переждать немного надо, а то под горячую руку советские могут расстрелять...»

Локотенент-колонел доверил ей свою тайну — с несколькими друзьями он ухитрился скрыться в монастыре. Знают об этом лишь отец Макарий да вот теперь еще Аника. Пусть она это оценит и воспримет как свидетельство его любви к ней.

Потом с молодой монахиней говорил с глазу на глаз сам отец-духовник. По его словам получалось, что укрылись в монастырском подземелье добрые люди, истинные христиане, им надо помочь спасти свои жизни. Он же объяснил, как попасть в тайник, сказал, что ей поручает носить еду и питье укрывшимся.

Аника поверила локотенент-колонелу и отцу-духовнику... Но сейчас, по мере того, как она облегчала душу перед чекистами и шаг за шагом вспоминала ход событий, закрутивших ее в своем вихре, смутная тревога охватывала молодую монахиню: а не стала ли она жертвой обмана и на этот раз? Расспросы капитана, после того как он выслушал рассказ, усилили тревогу.

— Они спрятались безоружными? — спросил Полудненко. — Ведь ни к чему оружие тем, кто покончил с войной...

Девушка покачала головой. В отсеках тайника она наткнулась на целый склад автоматов, карабинов, патронов, есть и пулемет. Вспомнилось и то, с какой настойчивостью локотенент-колонел каждый раз заставляет докладывать ему, что творится наверху, то есть в селе: много ли советских военных, где они расположены, как они относятся к населению. Неспроста все это. Потом еще: она не может разобраться, о чем говорят между собой немцы, но один вид их, свирепый и обозленный, нагоняет страх.

Собственно, эти-то сомнения и смутные подозрения о своей причастности к чему-то недоброму, преступному и заставили ее после внутренней борьбы со своей совестью открыться во всем чекистам.

Когда к вечеру Полудненко с Морозовым вернулись в районный центр, план предстоящей операции в общих чертах уже был у них готов. Они изложили его на совещании оперативных работников, созванном сразу же после возвращения. Обсудили детали. Договорились, кому что делать. Провести операцию решили на следующий день. Как нельзя более удачный повод представился к этому — село будет праздновать день святой Магдалины.

Утро выдалось ясным, солнечным. С первыми ударами церковного колокола сельская улица запестрела празднично одетыми людьми. Распахнулись настежь ворота монастыря. Богомольцы потянулись туда. С монастырского двора было видно, как в церковном мраке трепетали редкие огоньки свечей. Доносился нестройный хор голосов. Служба началась.

Из ближайших сел к родственникам и знакомым в Сахарну понаехали гости. Поэтому ничего удивительного не было в том, что вместе с сахарнянцами по улице разгуливали и чужие — село в этот день радушно принимало всех.

Появления чекистов никто не заметил. Переодетые в крестьянскую одежду, они приходили порознь, каждый находил своих «знакомых», активистов из местных жителей, и незаметно собирал их в группы. Всего по намеченному плану в операцию вовлеклось человек 30. Одна группа затерялась в толпе на монастырском дворе, готовая, в случае необходимости, прийти на помощь капитану Полудненко и его «знакомым».

Старший лейтенант Николай Морозов, лейтенант Анатолий Тимошин и старшина Петр Ботнар, сколотив третью группу, отправились «погулять» на околицу села. Парни облюбовали поросший кустарником овраг у колодца, на перекрестке двух глухих проселочных дорог, где высился крест с распятием. Вряд ли кто-нибудь в большом селе Сахарна знал, что водружен был когда-то этот крест монахами не во славу божью, а из соображений, далеких от владыки небесного...

Крестом был помечен овраг, назначение которого было скрывать от людей земные грешки святых отцов. Сюда, в кустарник, темный подземный коридор выводил из тайника, устроенного под монастырем. Давным-давно поставлен крест у колодца. Шли и шли прохожие, истово крестясь на распятие, и только распятый Христос видел, как то появлялись вдруг из оврага, то исчезали в нем какие-то молчаливые фигуры, закутанные в черное. Кто они и зачем таятся, как воры, этого не ведал даже сам сын божий на кресте...

Разузнав таинственное назначение оврага, чекисты предусмотрительно пришли сюда на тот случай, если подземным коридором попытаются воспользоваться получившие в монастыре пристанище фашисты.

Сам же захват этих офицеров возлагался на группу Полудненко, которая должна была проникнуть в подземелье через церковный алтарь. Члены группы оперуполномоченные ОУР и ОБХСС — Николай Иванов, Борис Ковалев, Иван Мунтян и другие были готовы приступить к делу в любую минуту, ждали только сигнала Аники. Ее задача состояла в том, чтобы как можно больше напоить обитателей тайника. Степенью их опьянения она и определит момент для подачи условленного сигнала.

...Еще до начала заутрени духовник вызвал Анику и сказал ей:

— Сестра моя во Христе, заходила ли ты сегодня туда, к нашим несчастным братьям?

— Нет еще, святой отец, — ответила монахиня, потупив взор.

— Иди и передай им мои поздравления с праздником...

— Слушаюсь, — прошептала она и покорно поклонилась.

— Разрешаю тебе взять из кладовой лишних десять бутылок вина. Скажи: это подарок в честь праздника святой Магдалины, преподносим им в благодарность.

Аника взяла протянутые ей ключи и, как подобает послушной монахине, приложилась к руке настоятеля.

— Скажи также, что после службы я навещу их...

Таким образом, сам того не ведая, святой отец облегчил Анике выполнение задания. Получив ключи, она, не теряя времени, спустилась в кладовую и набрала полную корзину разной снеди и вина. Добровольные узники монастыря неописуемо обрадовались такому подношению. Когда же Аника во второй и третий раз проделала путь от изобильной кладовой до тайника, энтузиазм пирующих офицеров достиг предела.

Немцы, толком не разобрав, что за праздник охватил злополучную для них Сахарну, горланили казарменные песни под аккомпанемент губной гармошки. Православные же румыны, увидевшие в сельском празднике святой Магдалины доброе предзнаменование для себя, провозглашали тосты в честь короля Михая и королевской матери Елены. Локотенент-колонел выглядел веселее всех. Как-никак, эта развеселая компания была некоторым образом обязана ему за такой счастливый день. Все уже слышали его хвастливых рассказов о том, что симпатичная сахарнянская девушка, как он выразился, «приходится» ему не кузиной и не какой-нибудь там «десятой водой на киселе», а любовницей. Монашеское платье ее пусть никого не смущает — это хитро задуманный ход.

Аника старалась следить за тем, чтобы стаканы на столе не оставались пустыми... Впрочем, ей нужно было следить и за службой в церкви. Как только она закончится и отец-духовник, сняв облачение, зайдет в опочевальню, надо подавать сигнал.

Судя по всему, два этих действия — пьянка в тайнике и заутреня в церкви — развивались нормально. К полудню в подземелье стоял дым коромыслом, а наверху, перед иконами, нестройный хор молящихся пропел последнее «аллилуйя». Аника выбежала во двор, направляясь с корзиной в кладовую, заметила переодетых чекистов и кивнула им.

Через минуту в комнату к духовнику постучали. Вошел один из участников операции и остался с глазу на глаз со святым отцом в течение некоторого времени, пока тайник под алтарем не погрузился в привычную тишину и темень.

Празднично настроенные богомольцы были немало удивлены, увидев, как один за другим в алтарь вошли человек десять и скрылись в нем.

Удивились и священник с дьяконом. Незнакомые люди уверенно направлялись к потайной двери, без труда открыли ее и устремились вниз по лесенке.

...Первым ворвался в тайник Владимир Полудненко. Стоявший на посту у входа немец переполошился, бесприцельно выстрелил, но было уже поздно. Чекисты накрыли пьяную компанию врасплох. Постового обезоружили, остальные не успели даже расстегнуть кобуры.

Ретки вверх! Сопротивление бесполезно! крикнул Полудненко

Перепуганные офицеры оторопело смотрели на вошедших. Кто-то из румын, кое-как овладев собой, перевел приказание на румынский язык, потом на немецкий.

Пленных вывели тем же путем, по лесенке в алтарь и через церковь на монастырский двор. Толпа расступилась, пропустив на улицу конвой с захваченными фашистами. Брели фашисты понуро, хмель у них мигом прошел, наступило горькое похмелье. Локотенент-колонел Ион кого-то искал глазами в толпе, может быть Анику..

Так закончилась эта операция. Тайна Сахарнянского монастыря перестала быть гайной. Как потом было установлено на допросе, нашедшие убежище за монастырской стеной враги ждали момента, чтобы развернуть диверсии в тылу наших войск. Не вышло и на этот раз.

СОДЕРЖАНИЕ

В. С. Мельников Война!!!	4
В. И. Матиец Заставы сражались стойко	11
Д. И. Пискунов Две недели на водном рубеже	15
А. М. Мисочник Натиск выдержали...	26
Первые дни	28
И. М. Червов Эти суровые первые дни	40
В. С. Мельников Снова в Молдавии	43
В. И. Баранов Впереди — граница	54
М. П. Дудолодов Ясская отдельная инженерная	61
Т. С. Тращенко Через три реки	67
Д. Е. Писляков В бою за плацдарм	73
Трудное испытание	76
Л. С. Анцелович На Молдавской земле	81
Е. П. Торопчин Унгенская увертюра	87
Н. А. Поволочко Враг не прорвался	96
И. С. Фролов Так рождались герои	100
В. П. Савельев От обороны к наступлению	106
И. А. Вязанкин За землю Молдавии	121
В. Н. Иванов Атака из плавней	136
М. В. Шерстобитов Разгром корпуса	140
Постеля	140
Таранный удар	144
А. С. Фадеев Коммунист 1941 года	148
Е. С. Лях И грянул бой	153
Б. Т. Блинов Наш 429-й в Молдавии	157
А. М. Литман «Ласточка» летит к Татарбунарам	167
Е. И. Благодарев Орудийный расчет в бою	177
А. А. Дорошенко Комсомольский авиационный полк	179
В. Ф. Михайлик Гвардейские знамена над седым Днестром	185
Я. Г. Жибацов Сто дней на плацдарме	196
Ночь под Гура-Галбены	202
К. С. Андреев Мосты под огнем	210
С. В. Кованов Е. Н. Ступик Через минные заграждения	221
А. М. Мисочник Монастырская тайна	231

Колл. авторов (сост. П. Дьяков, А. Мисочник).

В БОЯХ ЗА МОЛДАВИЮ

Редактор Н. Бриткова. Худ. редактор В. Був. Технический редактор А. Царулкова.
Корректоры Н. Свинкина, Л. Кац.

ИБ № 2063

Сдано в набор 02.12.81. Подписано к печати 29.06.82. АБ 06478.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Печатных листов 15,0+0,25 вкл. Усл. кр-отт. 15,25.
Уч.-изд. листов 15,90+0,22 вкл. Тираж 12 000. Цена 75 коп. Зак. № 1271.
Набрано фотонабором и отпечатано с фотополимерных форм

Издательство «Карта Молдовеняскэ» Кишинев, пр. Ленина, 180

 Центральная типография, Кишинев, ул. Флорилор, 1. Государственный комитет Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.